ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 22 МАЙ 1988

СИЛА — В ДВИЖЕНИИ

МНОГОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА

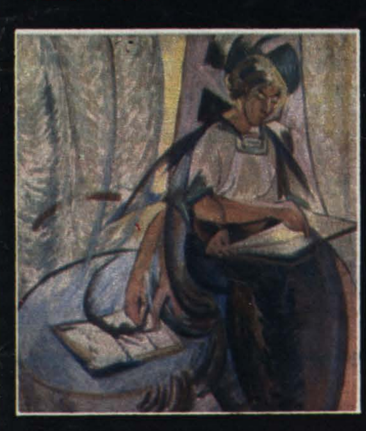


ПОЧЕМУ «КУСАЮТСЯ» ЦЕНЫ



СУДЬБА ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА

ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ



8k

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!




ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (3175)

28 МАЯ — 4 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В аэродинамической трубе испытываются и экспериментальные и серийные автомобили. (См. в номере материал «Автомобиль в трубе».)

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 06.05.88. Подписано к печати 24.05.88. А 00344. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2385.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ВОЗВРАЩЕН

18 МАЯ 1988 ГОДА.
ТЕРМЕЗ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА.
9 ЧАСОВ 20 МИНУТ МЕСТНОГО ВРЕМЕНИ ИЛИ 7.20 МОСКВЫ.
НА МОСТУ ЧЕРЕЗ АМУДАРЬЮ ОТ АФГАНИСТАНА ПОЯВЛЯЕТСЯ КОЛОННА БРОНЕТРАНСПОРТЕРОВ. НАШИ! ВОЗВРАЩАЮТСЯ РЕБЯТА...



На снимках — загорелые, обветренные лица, улыбки и слезы, объятия, цветы... Нет, это не памятный, давно ушедший 1945-й... Это 1988-й... Солдаты возвращаются с войны. Допустимо ли сравнение? Солдаты 45-го несли стране победу и каждому избавление от тягот войны. Нынешние ребята в солдатских гимнастерках исполнили свой интернациональный долг.

Это они, мальчишки, улыбаются сейчас в выгоревшие усы с боевых бронетранспортеров. Это они, вышедшие вчера из-под огня душманов, на этот раз без потерь — еще несколько часов назад могли потерять товарища и сложить головы сами.

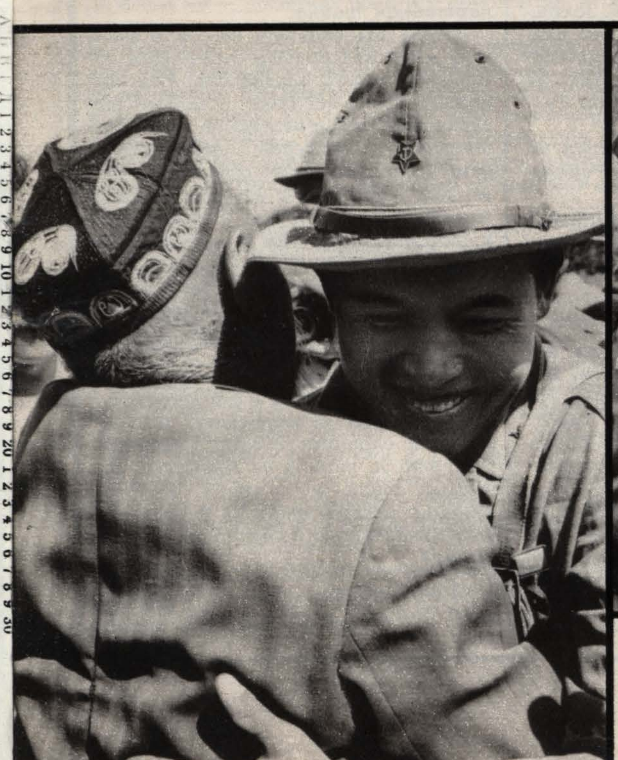
Война всегда горе. Она учит убивать... Да-да, мы помним, войны бывают справедливые и несправедливые. Но все они учат убивать, а это — жуткое ремесло...

По разному поводу мы привыкли говорить: это исторический день, это исторический час. Конечно, любой день и любой час — принадлежность истории. Но день 15 мая 1988 года — день особый. Он приподнял тяжесть, лежащую на сердцах матерей тех ребят, что уже «там» — в пропеченных солнцем пустынях соседей, и тех, что еще только дозревают, входят в возраст,— беззаботных до времени мальчишек. Одни солдаты сегодня возвращаются с далекой от их домов войны. Другим еще будет долог путь домой — до глубокой будущей зимы, целые девять месяцев им надлежит еще выполнять интернациональный долг...

Но вернуться должны все. Просто обязаны вернуться. Лучшие из детей Родины должны быть с ней. Сейчас столько добрых дел дома, так нужны люди сильные, убежденные, умеющие защитить жизнь.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

…ИЕ ДОМОЙ







ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

23 мая 1988 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум рассмотрел вопрос «О проекте Тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции». По этому вопросу выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На Пленуме выступили: тт. В. П. Демиденко — первый секретарь Кустанайского обкома Компартии Казахстана, А. Н. Герасимов — первый секретарь Ленинградского горкома КПСС, Г. Г. Ведерников — заместитель Председателя Совета Министров СССР, В. К. Месяц — первый секретарь Московского обкома КПСС, Б. И. Гостев — министр финансов СССР, Ф. В. Попов — первый секретарь Алтайского крайкома КПСС, Г. И. Ревенко — первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины, Л. А. Бородин — первый секретарь Астраханского обкома КПСС, Р.-Б. И. Сонгайла — первый секретарь ЦК Компартии Литвы, А. А. Логунов — вице-президент Академии наук СССР, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Я. П. Погребняк — первый секретарь Львовского обкома Компартии Украины, Е. П. Велихов — вице-президент Академии наук СССР, Е. Е. Соколов — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Г. М. Корниенко — первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, Д. И. Патиашвили — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, В. А. Ивашко — первый секретарь Днепропетровского обкома Компартии Украины, Е. Ф. Муравьев — первый секретарь Куйбышевского обкома КПСС, В. В. Загладин — первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, Г. В. Колбин — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, А. П. Ночевкин — первый секретарь Одесского обкома Компартии Украины.

С заключительным словом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Пленум принял по обсуждавшемуся вопросу постановление, которое публикуется в печати.

На Пленуме рассмотрен организационный вопрос. Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС В. В. Карпова — первого секретаря правления Союза писателей СССР.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС от 23 мая 1988 года

О Тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции

1. Одобрить представленные Политбюро ЦК Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции.
2. Опубликовать Тезисы ЦК КПСС в печати для широкого обсуждения в партийных организациях, среди всех трудящихся.
3. С докладом на XIX Всесоюзной партийной конференции поручить выступить Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву.



НА ТРИБУНУ XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ●
ОПЯТЬ ЗАКРЫТ УНИВЕРСАМ●

■

В прошлом году довелось мне быть членом избирательной комиссии по выборам в местные Советы. Сидел я «на букве», выдавал бюллетени, наблюдал и размышлял. Разумеется, не все избиратели одинаковы, но большинство выглядит так: спешат, называются, берут бюллетени и, не заглядывая, не разворачивая, опускают в урну. Никаких вопросов, разговоров. Взял — бросил, взял — бросил. Вот женщина принесла три паспорта — за всю семью, получает три комплекта бюллетеней. За ней мужчина с четырьмя паспортами — та же процедура. Внешне все вроде торжественно, чинно. Этажом ниже, в буфете, обстановка совсем иная. Тут были вареные языки, но осталось только пятнадцать порций для членов комиссии. Оживленная очередь за зефиром. Спорят, сколько давать в одни руки. Стало стыдно. Потом принялся вспоминать — за сорок прожитых лет тоже не раз «выбирал», только вот кого, куда? Но неизменно было 99,9%.

Выборы, Советы... Да ведь с этого и начиналось наше народное государство, наш советский строй. Вспомнились книги, фильмы о тех не столь уж далеких днях. Ожили в памяти жаркие дискуссии, столкновения мнений. Дело-то не шуточное — кому доверить власть над людьми, кому управлять страной. Выбирали не понаслышке, выбирали тех, кого знали, кому верили.

Важно, чтобы мы сами осознали принципиальную необходимость возвращения выборам своего смысла. Хорошо бы всем — от рабочего до министра, от медсестры до члена ЦК — задать себе вопрос: может ли нормально развиваться общество, может ли успешно осуществиться демократизация в условиях, когда порой ставится на грань профанации сама суть, основа основ нашей выбранной и выборной Советской власти? От честности ответа, от решимости исправить дело во многом будет зависеть и динамика, и глубина оздоровления всей нашей жизни.

Л. Д. БОРИСОВ
Ульяновск

■

Нам повезло: несколько лет назад мы справили новоселье в новом столичном микрорайоне Крылатское. Въезжали в квартиры чуть ли не под парадную барабанную дробь: столь торжественной была обстановка вокруг Крылатского. Еще бы! Прежнее московское руководство уверяло: идет уникальный эксперимент — осуществляется комплексная застройка целого жилого района, то есть одновременно с домами войдут в строй и культурно-бытовые объекты. Увы, обещания так и остались обещаниями, прошло три года, а в Крылатском до сих пор нет ни кинотеатра, ни одной библиотеки, ни бани, ни хозяйственного, ни мебельного магазина.

Но не это основная беда! Периодически у нас закрывается большинство крупных магазинов. Причем периодичность эта удивительным образом совпадает с визитами в нашу страну высоких иностранных гостей. К сожалению, ожидание этих встреч радостным никак не назовешь. Недели за две до визитов в магазинах начинается ремонт. Огромный микрорайон практически оказывается без хлеба, продукты приходится закупать в центре Москвы. Вот и сейчас, в середине мая, закрыты на ремонт одновременно два универмага, обувной и овощной магазины, крупнейший универсам. Жители района говорят: скоро приедет Рейган...

Вот и посудите сами, хорошо ли жить в показушном районе во время перестройки?

О. КАРМАЗА, Л. КОВАЛЕНКО, А. ЧУРКИН, жители микрорайона Крылатское

■

Может, хватит тайн в делах, абсолютно в них не нуждающихся? Ладан исключительности, величия, недосягаемости, окутавший пьедестал нашей высшей власти во времена «великого вождя», не рассеялся до наших дней.

Почему, собственно, наш народ не имеет права знать откровенные разговоры и сокровенные мысли тех, на ком лежат огромные полномочия думать и решать за него дела государственные?! Жизнь и здравый смысл говорят — хватит тайн от народа! Слишком много их было в нашем прошлом. Одной из таких глубоких тайн было в свое время письмо-завещание Владимира Ильича Ленина XIII съезду ВКП(б). Та тайна стала жуткой реальностью в виде культа личности и стоила жизни миллионам безвинных людей. Та тайна породила и нашу действительность, те пороки, о которых мы теперь говорим открыто: низкий уровень жизни, слабая экономика, сельское хозяйство, не способное прокормить население. И это страна, имеющая сказочные природные богатства, страна, в которой живет могучий разумом народ, лишенный возможностей и условий реализации своего творческого ресурса, огромного интеллектуального потенциала. Вот к чему привела одна давняя, сугубо партийная тайна.

Хотел бы сказать еще и о том, что меня все больше тревожит состояние нашей гласности. Как мне кажется, она все более приобретает свойства избирательной, относительной. Примеров достаточно, один из последних — события в Нагорном Карабахе и их последствия. Чрезвычайно скудная и невнятная информация об этом вызывала лишь чувство досады и сильнейшего раздражения. Поверьте, я никогда ранее не слушал «Голос Америки». Но вот именно в эпоху гласности вынужден был прибегнуть к этому источнику информации, далеко не всегда будучи уверен в его точности. Так что это за гласность, заставляющая слушать «Голос Америки»? Что это за тайны на Пленумах, будящие слухи и сплетни, заставляющие искать ответы в зарубежных предвзятых источниках информации?

В. ЛУКША,
слесарь
Усть-Кут Иркутской области

Навстречу XIX Всесоюзной партконференции

Кого выбираем?

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Месяц назад позвонили в редакцию. Женский разгневанный голос: «Кто вам позволил насаждать сталинизм? Кто разрешил эту разнузданную пропаганду культа личности?..» Оглушенный обвинениями последние два года в адрес редакции, прямо скажем, неслыханными, я спросил, не ошиблись ли номером: чем-чем, а ностальгией по «отцу народов» и его крепкой руке нынешний «Огонек» пока не страдает. Оказалось, нет, это не ошибка. Оказалось, «разнузданная пропаганда» имела место в репортаже об арт-рок-параде на премьере фильма «Асса». У нас там написано — страшно повторить! Да-да, вот это самое: «...пройдя мимо картины, где на вас взглянет большой, чистый, мудрый Иосиф Виссарионович с тремя счастливыми пионерками рядом, вы попадаете в зал...» «Большой! Чистый! Мудрый! — убивал меня голос в трубке, наливаясь счастьем разоблачительства.— Это, по-вашему, не восхваление?!» Сраженный столь глубоким прочтением, я все же попытался возразить: «Большой, чистый, мудрый» — это же с горькой иронией, неужели не слышите?» «Тогда почему без кавычек?! — уличающе парировала моя телефонная собеседница, и ее срывающийся голос тотчас обрел свойства стали: — Не надо вилять, товарищ! Это идеологическая диверсия, рассчитанная на нашу молодежь, на слабую идейную закалку. Вы за это ответите! Весь педагогический коллектив нашей школы глубоко возмущен. Мы напишем куда следует...»

«Какая печальная усмешка судьбы!» — подумал я, повесив трубку. Эта ярая антисталинистка, похоже, и не догадывается, что воплощает собой духовную копию столь ненавистного ей оригинала. Разоблачая «происки реакции» и редакции, она вела себя как верная наследница «великого вождя» (теперь во избежание новых недоразумений придется позаботиться о кавычках). Как же крепко еще сидит во многих из нас тяжкий дух той эпохи, если даже антисталинизм утверждает себя сталинскими методами!

Я вспоминал этот случай, читая служебные записки собкоров «Огонька» и письма в редакцию. О чем? Да о том же — попытках прийти к демократии антидемократическим путем. Тут и там, сообщают, выборы делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию идут, как в былые, недоброй памяти времена: разнарядка, списки кандидатов, согласованные и утвержденные где надо и с кем надо, затем организованное выдвижение при последующем единодушном голосовании. Мы здесь переживаем, кого изберут, а там уже все расписано, делегации отряжены и сидят на чемоданах.

В Омской области управились за день. 12 мая в местной печати был опубликован список кандидатур, предложенный обкомом. В тот же день состоялись собрания, на которых «полное всенародное одобрение» справило свое очередное торжество. Раскрыв вечером газету, сибиряки могли уже не утруждать себя придирчивым изучением колонки с фамилиями — поезд ушел. 37 человек выдвигалось. 37 — строго по списку, никакой самодеятельности — и «выбрано». Из них 19, то есть большинство,— партийные работники и руководители различных рангов. Чтоб уж совсем наверняка, первый секретарь Омского горкома В. Рыжов и председатель горисполкома Ю. Глебов баллотировались на собрании аппарата горкома.

«Я сам был,— сообщает научный сотрудник А. Собянин,— участником открытого партийного собрания в Физическом институте АН СССР по выбору кандидатов в делегаты на партконференцию и хочу поделиться впечатлениями.

Прежде всего собрание было собрано в «пожарном» порядке. О соответствующем указании Октябрьского райкома КПСС г. Москвы в институте стало известно в понедельник, 16 мая, а собрание состоялось в среду вечером, 18 мая. Нет нужды объяснять, что за такое короткое время нельзя было провести сколько-нибудь широкого обсуждения кандидатур.

Далее выяснилось, что и само «избрание» носит фактически чисто рекомендательный характер, поскольку избранные на собрании кандидаты в делегаты проходят дальнейший отбор и утверждение сначала в райкоме, а затем в горкоме КПСС. Таким образом, на деле выборы осуществляются не с привлечением народа (что в данном случае было бы естественно, учитывая значение решений конференции для судьбы всей страны) и даже не партийными массами, а только и исключительно партийным аппаратом. Но тогда на какие же реальные перемены можно рассчитывать?»

Из Ленинграда пишет Л. Титова: «В апреле у нас состоялась встреча общественности с представителями средств массовой информации. Ленинградское телевидение не сочло возможным показать эту встречу. Но в городе она получила достаточно широкую огласку. На ней прозвучала критика в адрес местной прессы, особенно резкая критика — в адрес газеты «Ленинградская правда». Драматург Г. Рябкин, обращаясь к редактору газеты А. Варсобину, сказал: «Если группа людей, взявших себе псевдоним «Нина Андреева», победит, то пострадают те, кто идет сегодня в авангарде перестройки. Но за вас я спокоен — с вашей головы ни один волос не упадет».

Месяца не проходит после этой встречи, на которой, понятно, присутствовали и партийные работники, как Куйбышевский райком партии рекомендует коммунистам газеты «Ленинградская правда» выдвинуть для участия в XIX Всесоюзной партконференции именно Варсобина, что и было сделано».

Так кого выбираем? Штатных глашатаев, поднаторевших в озвучивании чужих слов, в лучшем случае — чужих мыслей? Или тех, кто перестройку выстрадал собственной судьбой, для кого она и вера, и надежда, и боль сердечная?

Вот отправляют делегатом от Татарской АССР С. Гафурову, сборщицу Чистопольского часового завода. Кто такая? Чем замечательна? Кавалер ордена Трудовой Славы, член бюро горкома. А выбирали ее как? Инструктор обкома позвонил в горком, оттуда связались с парткомом. Затем на заводе в присутствии представителя областного руководства собрали членов цехового партбюро. Надо ли говорить, что партбюро не возражало. Надо ли писать, что прошедшее под тройным приглядом собрание коммунистов цеха, до сведения которых довели радостный факт, вылилось в полное, единодушное одобрение. Правда, прощаясь, инструктор предупредил: погодите с поздравлениями, последнее слово за обкомом. Но это он так, шутил по-доброму...

Не хочу обижать сборщицу передового завода. Хорошая она работница? Наверное, да. Но, послушайте, сколько же можно! Награждали ударников медалями и орденами, звездами Героев, госпремиями, депутатскими мандатами, местами в президиумах, аллеями трудовой славы, поездками за рубеж, газетными очерками... Неужели опять? На сей раз награждение делегатством? Но посылаем-то не на слет передовиков и новаторов производства! Делегируем на партийную конференцию, где ничто не восполнит дефицита гражданской сути, свежей мысли, точного, яркого и вовремя сказанного слова.

Так кого и зачем выбираем?

Кого не выбираем и почему?

Забаллотировали Б. Деревянко, редактора одесской «Вечерки», газеты острой, серьезной, умной. Хлебозавод, областное отделение театральных деятелей, другие коллективы — «за», «за», «за»... Малиновский райком партии: «Нет и нет!» Но почему? «Он мало сделал для района».

«Прокатили» ректора Московского историко-архивного института, профессора Ю. Н. Афанасьева, чья репутация честного историка прочна и безупречна. Я приехал в институт к Юрию Николаевичу: «Как это случилось? Почему?» Рассказывает. Еще в апреле на общем партийном собрании института при одном «против» выдвинули его кандидатуру. Через некоторое время в райкоме совещание секретарей парторганизаций. Туда едет В. В. Минаев, парторг института. Ему сообщают: от района 12 человек, 5 из них проходят по особому списку. Кто да кто — вас это не касается. Ваше дело — отобрать семь кандидатов. Ладно, разбили район на семь кустов — по отраслевому признаку. Куст учебных заведений — это около тридцати парторганизаций. А собрались только секретари и доверили выбрать делегата коммунистам Московского химико-технологического института. Те выдвинули студентку-отличницу. Все!

А партком МГУ выдвинул своего секретаря Э. Д. Ершова и ректора А. А. Логунова. Точнее, одобрил предложенные ему райкомом кандидатуры. Но даже дисциплинированные участники пленума парткома отметили недемократический характер процедуры. Вот результаты последнего, состоявшегося 23 мая, собрания коммунистов филологического факультета. Хотя ректор и секретарь парткома уже выдвинуты Ленинским райкомом, итоги голосования были следующими. Профессор Г. Х. Попов: 210 — за, 20 — против. Профессор А. М. Емельянов: 202 — за, 28 — против. Ректор А. А. Логунов: 32 — за, 198 — против. Секретарь парткома Э. Д. Ершов: 16 — за, 214 — против. Интересно: участники пленума МГК КПСС будут знать результаты этого и других подобных же голосований? «Я хочу,— сказал мне Г. Х. Попов,— чтобы выборы шли не до опубликования тезисов (платформы) ЦК к конференции, а в ходе и на основе их обсуждения. Такой всегда была традиция в нашей партии. Я хотел бы высказать публично свое отношение к тезисам: что одобряю, в чем сомневаюсь, с чем не согласен, чем считаю нужным дополнить. Я хотел бы, чтобы все без исключения коммунисты в первичных организациях могли спокойно обсуждать тезисы, кандидатов в делегаты, их позиции.

Если конференция станет лишь местом всеобщих одобряющих речей, замечательных резолюций, оправдает ли она всенародное ожидание?»

Теперь я беру чистый лист бумаги и обращаюсь... А к кому, собственно? Персонально-то вроде и не к кому. Разверстка кандидатов и властный административный нажим на избирателей опять, как и всегда, мечены обезличенным клеймом: «рекомендовано», «есть мнение»... Районные толкователи принципиальных установок ЦК КПСС отнюдь не оглохли. Нет, они хорошо слышат и хорошо знают, что делают. Поэтому я адресуюсь к ним прежде всего. Вас, уважаемые, наверное, раздражает, и очень, сегодняшнее активное и пристрастное вмешательство широкой прессы во «внутрипартийные дела», каковым является и предстоящее большое событие. Если так, то позвольте внести ясность: грядущая партконференция — дело всенародное, общественное в высшем смысле слова. Это, по сути, всесоюзное партийное собрание. Готовить его именно при открытых дверях советует Генеральный секретарь ЦК КПСС, но вы пренебрегаете советом. Почему? Не думаю, что вы настолько осмелели и потеряли уважительную чуткость к руководящим рекомендациям, всегда вам свойственную. Нет, тут другое. Вы, сдается мне, всерьез полагаете, что, всячески препятствуя избранию на конференцию «неуправляемых» людей, осуществляете верховную установку: демократия демократией, но... как бы чего не вышло. Отчасти, поверьте, я даже рад этому обстоятельству — так по крайней мере мы взаимно избавляем себя от иллюзий полного единомыслия и слепой веры в возможность всеобщего объятия всех со всеми. Ведь, согласитесь, если бы все сторонники демократизации и перестройки легко и просто попадали в списки делегатов, возможно, в конференции не было бы столь острой и неотложной необходимости.

Я, кажется, угадываю и другой предмет вашего суетливого беспокойства. Вы опасаетесь, что на конференцию не изберут лично вас, как случилось в Одессе, где на партийных собраниях, говорят, «прокатили» одного из руководителей города. Правда, пленум обкома вернул его в «обойму», но, как говорится, на бога надейся... Вот и бронируете себе местечко в каком-нибудь списке, который обсуждению не подлежит. А почему, собственно?

На конференции развернется дискуссия о том, в каких формах партия может и должна осуществлять свою авангардную роль в жизни советского общества. Практика выдвижения делегатов отвечает на этот вопрос с настораживающей однозначностью. Мы же надеемся и верим, что партийная конференция ответит по-ленински.

ОТВЕТЫ ПРЕЗИДЕНТА США Р. РЕЙГАНА НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

В ИНТЕРЕСАХ



Вопрос: Расскажите в нескольких словах о Вашем личном и политическом опыте, о Вашей карьере. Считаете ли Вы, что добились успехов в жизни? Как Вы оцениваете пройденный Вами путь?

Ответ: Окончательное суждение о моих годах на посту губернатора штата Калифорния и президента Соединенных Штатов Америки вынесут историки. Однако лично я доволен тем, чего мне удалось добиться как в правительстве, так и вне его. Моя профессиональная карьера была разнообразной: я работал спортивным комментатором, был актером, руководителем профсоюза, выступал с лекциями, занимал выборные должности. Это и характерно для американского образа жизни, ведь возможность выдвинуться исходя из своих собственных устремлений и опираясь на свои способности — это то, чем мы дорожим и благодаря чему я добился успеха.

Вопрос: Вы опытный политический деятель. За годы пребывания на посту президента США Вы приобрели еще больший опыт, однако сохранили прекрасную способность менять свои взгляды. В нашей стране многие помнят Ваши слова в декабре прошлого года относительно изменения в Вашем представлении о нас как об «империи зла».

Вы тогда сказали, что Ваше отношение к Советскому Союзу улучшилось. Что изменилось в Ваших представлениях о нашей стране?

Ответ: Я всегда считал, что о людях и странах надо судить не по их словам, а по их делам. Я стараюсь говорить о том позитивном, что я вижу, в такой же степени, как я пытаюсь привлекать внимание к негативным сторонам. Принципы, которыми я руководствуюсь,— это откровенность, реализм, диалог и сила.

В этом отношении справедливо сказать, что я отмечаю определенный прогресс, как, например, обязательство Советского правительства уйти из Афганистана. Мы также являемся свидетелями решения конкретных случаев, связанных с правами человека, а также более открытого обсуждения этих вопросов.

С другой стороны, как и остальные американцы, я не понимаю, почему Советское правительство, к примеру, ограничивает отправление религиозных культов, а также свободу передвижения. Для нас неприемлемо ограничение свободы слова.

Я думаю, изменение заключается в том, что как американцы, так и советские люди сейчас более откровенны в тех вопросах, по которым у нас есть согласие и разногласия. Мы должны обсуждать не только ограничение соперничества в области вооружений, но также и основополагающие вопросы прав человека и международного поведения. Разногласия по этим вопросам ведут к сохранению недоверия между нашими странами. Страны не доверяют друг другу не потому, что они вооружены,— они вооружаются, потому что не доверяют друг другу.

Именно поэтому в Москве, как и во время трех предыдущих наших встреч, Генеральный секретарь Горбачев и я будем обсуждать права человека, региональные конфликты так же настойчиво и серьезно, как мы будем обсуждать сокращение вооружений. Мы живем во взаимосвязанном мире, в мире мгновенной связи и глобальной совести. То, как вы поступаете со своими гражданами, касается всего мира. Мир наблюдает и судит о каждой стране не по тому, что она хотела бы, что бы мир услышал, а по тем действиям и политике, которые он видит.

В то же самое время Советский Союз — это страна, которая пользуется влиянием во многих регионах мира. С этим влиянием приходит ответственность за обеспечение мира и содействие решению многочисленных региональных споров, от которых страдает человечество.

Вопрос: Вы впервые посетите Советский Союз. Что Вы ожидаете от встречи с нашей страной, не только от переговоров, но и лично от встречи с СССР?

Ответ: Я с большим нетерпением ожидаю визита в Москву и, в частности, возможности поговорить с советскими людьми. Как следует из вашего вопроса, переговоры важны, но столь же важна и возможность понять точку зрения другого человека. Я думаю, что Генеральный секретарь Горбачев уехал из Вашингтона, лучше понимая американский народ, и я ожидаю того же самого от моих встреч с москвичами.

Вопрос: Необратимость выбранного нами пути — перестройки — для нас очень важна. Считаете ли Вы, что существует связь между процессом, идущим у нас, и тем, что происходит в Соединенных Штатах? Если да, то в чем она проявляется?

Ответ: Сегодня ни одна страна не может успешно соперничать на мировом рынке, если она не дает свободы внутренним устремлениям человека и не позволяет людям стремиться к достижению своих целей. В целом общество лишь выигрывает от прогресса отдельных его членов.

Америка построена, как у нас говорят, на принципе свободного предпринимательства, то есть системы, которая позволяет каждому человеку искать свое счастье исходя из своих нужд и устремлений. В рамках этой системы американцы делают тот или иной выбор, часто взвешивая экономическое благосостояние с точки зрения удовлетворенности работой, интересов семьи, возможностей для отдыха, творчества, а также других соображений. Взаимодействие всех этих личных решений обеспечивает прочность и динамизм системы.

Перестройка также может играть важную роль в обмене информацией. Ваше правительство славится своей приверженностью секретности, и вы платите цену за эту политику. Во многом прогресс на Западе — это результат обмена информацией. Свободный доступ к знаниям, накопленным обществом, дает возможность нашим гражданам опираться на достижения других. Пока советское общество отгорожено от остального мира, пока есть препятствия на пути свободного потока информации, ограничения на поездки в СССР и из него, возможности вашей экономики участвовать в мировых экономических связях будут ограничены.

Вопрос: Подходит к концу второй срок Вашего пребывания на посту президента. Вы многого добились. Чего Вы не добились в Ваших отношениях с Советским Союзом из того, что Вам хотелось бы?

Ответ: Я согласен, что мы добились значительного прогресса. Договор о ликвидации целого класса американских и советских ядерных ракет средней дальности явился значительной вехой, и не только сам по себе, но также и в качестве прецедента для дальнейших соглашений, которые приведут к фактическому сокращению ядерных вооружений, а не только лишь к их ограничению.

Я хотел бы видеть прогресс в решении конфликтов в мире. К примеру, вот уже в течение семи лет идет война между Ираном и Ираком, на счету которой сотни тысяч жертв. В этом трагическом конфликте обескровливается целое поколение молодежи. Последствия использования химического оружия в ходе этой войны ужаснули весь мир.

Многие страны мира объединились в стремлении положить конец этой войне, поддержав резолюцию 598 Совета Безопасности ООН, в которой содержится призыв к немедленному полному прекращению огня и отводу войск к международно признанным границам. Члены Совета Безопасности, включая и ваше правительство, согласились в том, что если одна из воюющих сторон откажется последовать этому призыву Совета Безопасности ООН, должна быть принята вторая резолюция об эмбарго на поставки оружия этой стороне. Как Соединенные Штаты, так и Советский Союз поддержали резолюцию 598. В настоящее время Ирак признал эту резолюцию и согласился выполнять ее положения. Иран же по-прежнему упорствует и намерен продолжать войну.

Советский Союз является ключевым действующим лицом в этой ситуации. Вы поставляете оружие обеим сторонам. Если бы Советский Союз решительно поддержал вторую резолюцию и серьезные усилия Организации Объединенных Наций по предотвращению поставок оружия Ирану, то, по моему твердому убеждению, мы могли бы остановить эту трагедию.

Назревает большая трагедия в Эфиопии, где последствия ужасной засухи усугубляются политикой правительства этой страны по блокированию международной помощи. Советский Союз является главным поставщиком оружия этому марксистскому правительству и пользуется там влиянием. Было бы хорошо, если бы Советский Союз пошел на сотрудничество, с тем чтобы предотвратить катастрофу, создаваемую самими людьми.

БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Вот те неотложные проблемы, которые мы будем обсуждать с Генеральным секретарем Горбачевым. Мы также изучим пути урегулирования конфликтов на юге Африки, в Кампучии, Центральной Америке и на Ближнем Востоке.

Вопрос: Каков механизм преемственности власти в США? Уверены ли Вы в том, что Ваш преемник будет продолжать начатое Вами?

Ответ: Наш механизм преемственности обеспечивается свободными и открытыми выборами, в ходе которых кандидаты от различных партий энергично соревнуются друг с другом, отстаивая в течение нескольких месяцев свои позиции в публичных дебатах, речах и интервью средствам массовой информации. Представители нашей прессы атакуют кандидатов вопросами. Сейчас у нас развернулась предвыборная кампания. В ноябре американский народ явится на избирательные участки по всей стране и проголосует в условиях соблюдения полной тайны за своего кандидата.

Помимо избрания в ноябре нового президента и вице-президента американцы также будут выбирать сенаторов, членов конгресса, губернаторов штатов и местных представителей.

Все это предусмотрено в нашей конституции. Я читал конституции многих стран, включая конституцию вашей страны. Многие народы мира записали в своих конституциях положения о свободе слова и свободе собрания. Некоторые спрашивают: если это так, то почему конституция Соединенных Штатов Америки столь исключительна?

Наша конституция начинается с простых слов: «Мы — народ...» Эта короткая фраза объясняет все.

В конституциях других стран правительства говорят народам этих стран, что им разрешается делать. В нашей же конституции мы — народ говорим правительству, что оно может делать, а оно может делать только то, что перечисляется в документе, и ничего более. В Америке главенствует народ.

Вопрос: Как Вы представляете себе (или предполагаете) будущее человечества? Как можно добиться будущего, свободного от войны? Реалистично ли такое будущее?

Ответ: Будущее мне видится, как мир без войн. Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. Генеральный секретарь Горбачев и я подтвердили эту основополагающую истину, когда мы впервые встретились в Женеве. Мы сохраняем мир, так как имеем достаточно ядерного оружия, чтобы нанести ответный удар, если другая сторона развяжет войну. Но это мало похоже на оборону. В такой войне победителей не будет.

Вот почему я хочу, чтобы началось сокращение ядерного оружия, наш договор по РСД служит прекрасным началом, и мы продвигаемся вперед в выработке договора о сокращении стратегических вооружений, в результате которого наполовину сократятся стратегические арсеналы США и СССР. В то же время нам необходимо подумать об обеспечении паритета в области обычных сил в Европе, с тем чтобы одна страна не имела преимущества над другой. Сегодня там существует серьезный дисбаланс в вашу пользу.

Вот почему я стремлюсь переориентировать нашу стратегию сдерживания с наступательных средств на оборонительные, которые никому не угрожают. В этом цель моей стратегической оборонной инициативы: сделать устаревшим наиболее угрожающее из когда-либо изобретенного оружие — баллистические ракеты. Я призываю советское руководство присоединиться ко мне в этих усилиях по созданию стратегической обороны и двигаться к миру, основанному на обороне, а не на нападении. Разумность этого предложения подтверждается тем фактом, что ваше правительство осуществляло свои собственные программы стратегической обороны задолго до того, как мы приступили к программе СОИ.

Нам, однако, следует также помнить, что одни соглашения в области вооружений не сделают мир более безопасным. Нам также следует рассмотреть коренные причины недоверия между нашими странами. Вот почему наш диалог должен охватывать широкую повестку дня, включая права человека, региональные и двусторонние вопросы, а также вопросы сокращения вооружений.

Вопрос: Недавно, выступая в Московском университете, я сообщил своим слушателям об этом интервью и попросил их подумать над вопросом для Вас. Один из представленных вопросов был следующий: «Г-н Президент, считаете ли Вы, что будущие поколения советских и американских граждан будут лучше понимать друг друга? Если да, то что Вы сделали для того, чтобы это стало возможным, чтобы прогресс в наших отношениях и смягчение напряженности начались сегодня?

Ответ: Я надеюсь, что у будущих поколений американских и советских граждан будут более тесные отношения и лучшее взаимопонимание. Однако многое зависит от того, как ваше правительство будет решать основной вопрос прав человека.

Культурные обмены и индивидуальные поездки являются основой установления более тесных отношений. Я рассчитываю на их расширение и тем самым расширение масштабов наших взаимных контактов. Американцы надеются, что будет мир, в котором все люди смогут жить в условиях свободы, которую они столь высоко ценят. Мы будем и впредь добиваться осуществления нашей мечты о мире, основанном на взаимопонимании.

Получив ответы на все заданные вопросы, я спросил у президента, счастлив ли он. Ладно, ему удалось осуществить сокровеннейшие из американских мечтаний: разбогатеть в течение жизни, даже стать президентом. Но счастлив ли он, Рональд Рейган, прожив именно такую жизнь и в такую эпоху? Президент на минуту задумался, а затем сказал, что да, он счастлив. У него уже немного времени для разочарований, а сделать кое-что удалось, не поступаясь убеждениями. Да, он определенно доволен...

Высокий — за метр девяносто — стройный человек в черном костюме, он не производил впечатления усталого или больного, хоть был подвержен и усталости, и болезни, а стрекочущие вокруг кинокамеры заставляли его держаться особенно прямо и уверенно. Он все время как бы наблюдал за собой со стороны — качество, нелишнее для политических деятелей.

Вокруг Белого дома в очередной раз бушевали страсти. Наряду с неугасшими прежними скандалами — где высокие должностные лица рейгановской администрации уличались в коррупции; наряду с опостылевшей многим традиционной связью администрации с реакционнейшими из режимов Латинской Америки и не только ее; наряду с бюджетными сложностями обозначился еще один сюжет — довольно забавный. Оказывается, перед принятием важнейших решений президент консультировался с астрологами; его помощники, уже сошедшие с завершающего рейс рейгановского государственного корабля, во всеуслышание заявили об этом. Большинство претензий было адресовано супруге президента, и лица первой четы Америки красовались на всех журнальных обложках, вписанные в звездное небо. Пожалуй, к этому можно привыкнуть, но вряд ли это помогает в работе.

— Легко ли вам? — спросил я у президента. Он широко улыбнулся, отчетливо ощущая наведенные на нас объективы, и ничего не ответил.

Впрочем, что можно знать о сокровенных мыслях человека, вот уже в течение восьми лет возглавляющего правительство мощнейшей державы, избранного на этот пост демократическим образом и верящего в свою политическую систему. Несмотря ни на что он вел государственный корабль рукой умелой и твердой. Трудно сказать, всегда ли благоприятствовало Рональду Рейгану расположение планет, но то, что он был последователен — в том числе как антикоммунист,— бесспорно.

Тем более важно, что он пришел к переговорам о разрядке с нашей страной логично — жизнь, опыт, избиратели, зовите это как угодно, направили политика Рональда Рейгана именно так.

А ведь ни один, пожалуй, президент США последних десятилетий не позволял себе столь последовательного антисоветизма в делах и высказываниях, столь твердого желания разговаривать с нами, не стесняясь в выражениях. Эта манера передалась многим в администрации и в прессе; во время прошлогоднего декабрьского визита в Вашингтон М. С. Горбачев даже одернул самых ретивых, напомнив, что мы не обвиняемые, а они не судьи; было это вполне логично и кстати. Вообще мы разговариваем с Америкой куда уважительнее и сдержанней, чем она с нами: на всех уровнях.

И тем не менее именно он, Рональд Рейган, пошел на переговоры о разоружении, последовательно заявляя о своем желании расширить, углубить эти переговоры, достичь успеха в них. Именно он, изобретший определяющий нас термин «империя зла», заявил, что готов отказаться от такого определения.

Все это урок и для него, и для нас. Надо меняться. Надо ломать себя. Надо учиться демократии — даже если ты считаешь, что достиг совершенства. Надо уходить от стереотипов. Надо разрушать унылый образ врага. Нет другого пути — иной путь гибелен, иной путь страшен. То, что мы не сделали антиамериканизм даже малой частью советской внутренней и внешней политики, важно и поучительно. То, как Америка оттаивает от ненависти, массово ищет контактов с нами, посылает мирные делегации своих граждан, занимающихся политикой, торговлей, литературой, наукой, театром, очень важно. Мы обращаемся зрячими лицами друг к другу, понимаем, что не выживем по отдельности. Процесс этот прекрасен, и визит президента Рейгана в Москву вписывается в него.

Жизнь убеждает даже иных из вчера непоколебимых консерваторов. Жаль, что процесс этот нескор — говорить о дружелюбии нашего собеседника по отношению к Советской стране пока еще не приходится. Но он приезжает к нам — это прекрасно. Он пытается глубже понять нас — пусть напоследок,— можно лишь радоваться такому.

Не надо, наверное, обижаться на президентские неточности; лучше поймем, откуда они. Мы должны учиться выслушивать собеседников до конца; и в «Огоньке» вы не раз встречали самые разные точки зрения. Учимся уходить от безапелляционности — своей и чужой.

В интервью очевидно желание взвалить на нас немало напраслины — чего стоят одни только оценки ситуации в ирано-иракском конфликте и событиях в Эфиопии. Но тем не менее отчетливо и желание разобраться — естественное для человека, впервые посещающего Советский Союз, о котором он, судя по всему, знал так мало. Когда несколько лет назад Рональд Рейган активно поддержал голливудский фильм Джона Милиуса «Красный рассвет», повествующий о «коммунистической агрессии против Соединенных Штатов», я мысленно пожелал ему приехать когда-нибудь в нашу страну и лично убедиться в том, сколь выстраданно и естественно миролюбие наше. И вот он приезжает — впервые за долгую свою, исполненную событиями жизнь. Очень хорошо, что приезжает.

Опасности — особенно совместно осознанные — сближают народы и страны. Сорок семь лет назад понадобилась страшная угроза фашизма, чтобы СССР и США стали союзниками. Ныне человечество дожило до тревоги еще более страшной — ядерное оружие угрожает самой жизни на планете; в это-то время президент едет в Москву. Бесспорно, это шаг ответственности и надежды, свидетельство того, что новое политическое мышление проясняет горизонты: неспешно, но основательно и последовательно.

Хочется верить.

Прекрасно, что за месяц до XIX партийной конференции мы предметно демонстрируем себе и миру, что курс перестройки направлен к углублению консолидации и взаимного понимания. Внутри страны и во всем мире.

Виталий КОРОТИЧ

За последние месяцы в центральной прессе, в том числе и в «Огоньке», появилось немало публикаций о предстоящей реформе цен. Обстановка широкой гласности, утверждаемая в стране, дает возможность каждому — ученому-экономисту или домашней хозяйке — откровенно высказаться по проблеме, затрагивающей интересы буквально всех наших сограждан. Развернувшаяся полемика, бесспорно, поможет в свое время определить с предельной взвешенностью оптимальный вариант сбалансированных цен на промышленные товары и продовольствие. Предоставляя в ходе обсуждения слово известному публицисту А. Нуйкину, редакция приглашает читателей продолжить разговор.

ПОЛЕМИКА

О ЦЕНЕ СЛОВА И ЦЕНАХ НА ПРОДУКТЫ

Андрей НУЙКИН

«ОЗДОРОВЛЕНИЕ» ИЛИ ВЗДОРОЖАНИЕ?

Чиновники финансовых департаментов и некоторые из экономистов последнее время не жалеют сил, чтобы постепенно приучить нас к мысли о неизбежности значительного повышения цен на предметы первой необходимости. Упорство, с которым они доказывают, насколько высокие цены лучше низких, не может не приводить в восхищение, но, право же, в разработке темы, столь непосредственно связанной с цифрами, хотелось бы видеть чуть больше уважения к логике. И не к какой-то там изысканной — диалектической, а к самой обычной — формальной, школьной, если хотите.

Такая вот, например, в их рассуждениях встречается странность. Во всех статьях и выступлениях речь идет о «реформе цен», об «оздоровлении цен», о «ликвидации диспропорций и перекосов в ценах», о «выработке строго научных критериев ценообразования» и т. д. Это на уровне заголовков и лозунгов. Однако как только дело доходит до реальных примеров и практических предложений, так все сразу же сводится к единственному глаголу — «повысить!».

Народ мы закаленный, чрезмерных требований к жизни никогда не предъявляли, но все-таки крезами или тем паче баловнями Министерства финансов считать себя у нас всегда было весьма мало оснований. И вдруг мы с удивлением начали узнавать, что имеем массу незаработанных доходов, что государство по отношению к нам просто устало заниматься благотворительностью. Мы узнали, что и продукты-то нам продают в магазинах по «недопустимо низким» ценам, и квартплата-то у нас «чисто символическая», и за медицину-то нашу государство из своего кармана платит, и мазут-то у нас продают по «бросовым ценам», и сырье «отпускают» почти даром...

Встречаются, правда, товары, за которые у нас полагается переплачивать, но это, как нам толково объясняют, все товары не первой необходимости, а значит, простым людям абсолютно не интересные: машины, дачи, кофе, икра, балыки, копчености, хорошая мебель, парфюмерия, модные зарубежные изделия, электроника, вообще товары высококачественные. Относительно этих «предметов роскоши» экономисты тоже убедительно объясняют, почему реформа не должна делать их доступнее и как стало бы простым людям плохо, если бы они вдруг подешевели. Но совсем худо нам будет, получается, если и на остальные товары цены не повысить. Главное, говорят нам, социальная справедливость от такого неповышения может непоправимо пошатнуться. Судите сами — обеспеченные люди сейчас мяса едят больше? Больше! А после повышения цен кто больше будет его есть? Правильно, они же. Стало быть, они от реформы пострадают больше, чем слабообеспеченные, которым чувство социального злорадства тем самым хоть немного компенсирует неизбежное дальнейшее сокращение потребления мяса в их рационе.

Даже уже и размеры повышения цен борцами за социальную справедливость вчерне намечены. Почти все продовольственные товары убыточны, розничные цены на продукты питания в среднем вдвое ниже затрат на их производство.

Это, так сказать, ближайшее, первое тотальное повышение. Но экономика — наука далеких прицелов. Определив, что сейчас нам пока требуется «оздоровить» цены вдвое, экономисты вовсе не собираются на этом остановиться.

«Целесообразно значительно повысить цены на топливо и сырье, учесть в них дифференциальную ренту, которая должна взиматься с предприятия в виде платы за природные ресурсы»,— считает академик А. Аганбегян. Ученый не раз сетовал на совершенно не поколебленный пока еще ничем затратный механизм нашей экономики, согласно которому чем больше сырья и энергии вбухает в свою продукцию производитель, тем ему выгоднее (выполнение плана и обеспечиваемые этим выгоды все еще определяются по общей сумме всех истраченных рублей!). Тем не менее А. Аганбегян предлагает повысить резко цены на сырье и энергию для того, чтобы их начали беречь и экономить. Почему же такое вдруг произойдет? Производителю ведь при повышенных ценах каждый дополнительный килограмм и киловатт-час, «вбуханные» в продукцию, будет давать еще больше выгоды! В то же время предлагаемое «выравнивание» диспропорций в сфере добывания сырья загодя готовит необходимость следующего повышения цен на мясо и на все прочее. Не понимаете, каким образом? Зря. Пора научиться понимать, а то, когда поднимаются цены на транспорт, горючее, электроэнергию, стройматериалы и прочие фигурирующие «где-то там далеко», в абстрактном «народном хозяйстве» вещи, мы думаем, что это будет ударять по нашему карману только изредка — когда мы раз в год едем к Черному морю (транспорт), ремонтируем крышу дачи (стройматериалы) или просим приятеля подбросить на его «Жигулях» в аэропорт (горючее).

«Раньше токарные автоматы Киевского завода станков-автоматов стоили почти в пять раз дешевле, чем сейчас. Характеристики их остались прежними — по энергоемкости, точности. Почему же изменилась цена?» — недоумевал наладчик токарных автоматов Первого подшипникового завода Москвы в беседе с М. С. Горбачевым. Из чьего кармана уплывают в Киев лишние четыре тысячи из каждых пяти? Из кармана 1-го ГПЗ? Отнюдь. Стоимость станка завод после некоторой торговли с Госкомцен полностью разложит на цену подшипников. Мы с вами подшипники в суп не кладем. Но почти все, что мы покупаем, производится с участием этих подшипников, и на эти наши покупки в конечном пункте цепной реакции роста цен раскладываются понемножку вышеуказанные четыре тысячи рублей. Государственные предприятия только цифры переправляют в бумажках, когда происходит неоправданное вздорожание чего бы то ни было. Для нас эти бумажные межведомственные игры оборачиваются вынутыми из наших карманов реальными, кровными, заработанными рублями. Всегда все до последней копейки в этих играх оплачиваем мы. Только не подозреваем порой об этом ввиду скрытости от наших глаз механизмов удорожания жизни. Не стоит забывать, что повышение производительности труда (а оно на каких-то участках происходит — НТР ведь все-таки на дворе!), не сопровождающееся повышением жизненного уровня,— это тоже не учитываемое нами «пощипывание» нас со стороны государственного аппарата. И оно по размерам гораздо больше, чем мы способны себе представить. А уходит отобранное или недоданное нам, к сожалению, вовсе не на увеличение мощи государства, как считают наивные люди, а на покрытие бездарности в руководстве народным хозяйством, с одной стороны, и на восполнение разворовываемых миллиардов (вспомним Узбекистан) — с другой.

Но мы несколько отвлеклись от предложений А. Аганбегяна. Так вот сырье, транспорт и энергия — еще более универсальные составные в цепочке ценообразования, чем подшипники. Повышая цены и тарифы на такого рода продукцию, государство повышает цены сразу на все, ибо тотчас же себестоимость того, что связано со строительством, транспортом, сырьем, энергией (а что с ними не связано?), повышается. Стало быть, рано или поздно, но мы оплатим предприятиям все эти суммы или в форме подскочивших «вполне обоснованно» цен, или в форме замороженной зарплаты. Так что, «значительно повышая цены на сырье и топливо», мы уже сейчас делаем намеченное повышение цен на продукты (на их производство ведь тоже тратится и сырье, и энергия!) недостаточным. Но, с другой стороны, поднимая цены на продукты питания и предметы первой необходимости, мы чуть позже будем ведь вынуждены как-то обеспечить прожиточный минимум тем, кто добывает сырье и топливо. Придется хоть не на столько же, но зарплату им поднять, а это сразу же увеличит себестоимость и сырья и топлива. В итоге планируемое повышение на них тоже может оказаться недостаточным.

Впрочем, не требуется сложных логических выкладок, чтобы понять: кое-кто сейчас пробует банальнейшее взвинчивание цен, перекладывание последствий плохого руководства экономикой в период застоя на плечи трудящихся облечь в белые одежды «радикальной оздоровительной реформы».

«ЧЕРЕСЧУР ХОРОШО ЖИТЬ СТАЛИ!»

До самого последнего времени необходимость повышения цен мотивировалась у нас тем, что доходы населения слишком уж выросли, цены же практически остались без изменений. Просто черной завистью исходишь к этой самой среднестатистической «душе населения». И реальные ее доходы растут как на дрожжах, и в бриллиантах она купается, и зарплата у нее в 5,5 раза увеличилась. А я вот с 1953 по март 1988 года десять видов оплаты труда сменил и ни разу нигде рубля не получил за счет «повышения заработной платы». Везде в 1953 году получал бы ровно столько же! А стоимость жизни за это время выросла как минимум в два-три раза.

У некоторых журналистов, писателей и социологов давно уже наблюдается перевозбуждение по поводу того, как бы «резко повысившееся благосостояние» народа, скачок его «жизненного уровня», «взлет реальных доходов» не

расшатали его нравственных устоев. Похоже, что я просто не дорос до столь государственного уровня озабоченностей, ибо меня почему-то больше волнует другое. Например, вопрос: как ухитряются сводить концы с концами те люди, о которых написал свою повесть («Вы чье, старичье?») Б. Васильев? С 1 января 1987 года, гордо констатируем мы, размеры пособий инвалидам с детства, не достигшим 16 лет, увеличены на целых 50 процентов. Вот заживут-то они наконец на свои 30 рублей в месяц!

Или возьмите многодетные семьи. Демографы устают объяснять нам, дилетантам, что не материальные факторы в наше время сдерживают рост семей, а более тонкие, более мистические. И в подтверждение вспоминают малодетных пап и мам — дали им квартиру, прибавили зарплату, а они все равно не рожают! Почему не рожают малодетные, это, конечно, интересно, но хорошо бы демографам поразиться и другому — многодетные-то почему рожают? А главное, опять же как им удается концы с концами сводить? Вот некоторые цифры из письма Татьяны Ивановны Киселевой (Новосибирская область). У нее пятеро детей (от года до 13), муж получал как инженер 180 рублей. *«С год назад он перешел в рабочие, стал получать 260. А на семью мне надо по нынешней арифметике 526 рублей. Если учесть к тому же, что дети растут, а вещи на них не дешевеют, то еще больше. В прошлую зиму дочь сносила за один сезон сапоги стоимостью 57 рублей, а в эту зиму — стоимостью 60 рублей. А где взять простые колготки, которые носятся хотя бы месяц? Покупай, мама, капроновые, которым срок — неделя. А других сколько вещей надо? На детях все, как на огне, горит. Да и вещи сейчас стали делать не больно-то доброкачественные. Если раньше из поколения в поколение передавали, то сейчас хорошо, если ребенок один хоть сколько-нибудь долго носит...»* Дочка Татьяны Ивановны както по заданию школы занялась подсчетами семейных расходов и растерялась даже: папиной зарплаты, получалось, едва на питание хватает. При самой скромной диете!

— Но у нас же выработана целая система мер помощи многодетным! — полезут на своего привычного конька экономисты.

— Когда у меня не было столько детей,— отвечает Т. Киселева,— я в это искренне верила. Но... Вот рождается пятый. Ты сидишь дома год, получая 50 рублей в месяц, плюс полгода, не получая ничего, только на одну зарплату мужа. С пятью детьми.

Ну, а что это значит, я уже сказал.

Право слово, рост помощи, когда его берем в процентах и вообще абстрактно, смотрится вполне неплохо, но... *«Пьют дети первого — третьего классов в школе молоко,—* раскрывает эту абстракцию еще одна мать пятерых детей в письме в «Правду».— *Я плачу 50 процентов. Как это выглядит? Обслуживание и хлеб я оплачиваю, как все, а за стакан молока — на копейку меньше».* Вот так вот. А шума-то, шума-то по поводу этой копейки! Впрочем, не будем ограничиваться разговором о тех, кто живет ниже уровня бедности, давайте приглядимся и к тем, кто не жалуется, ибо живет «не хуже других».

У егеря работа не просто трудная (в Лосиноостровском национальном парке, например, шесть егерей на 12 тысяч гектаров леса!), но и опасная. Часто ночная, с погонями, схватками, проваливанием под лед и т. д. Платят ему 80 рублей в месяц. Мало? Конечно! Но ведь к тому же величина зарплаты — это ничего не говорящая цифра, пока мы ее не разделим именно на цены. А наши экономисты и финансисты, много лет посыпающие свои головы пеплом по тому поводу, что рост зарплаты у нас слишком обгоняет рост производительности, совсем разучились, похоже, производить эту нехитрую ученическую операцию. Приходится опять же дилетантам-писателям браться за карандаш и бумагу.

И вот на фоне такого рода «благосостояния» нам упорно доказывали, что живем мы слишком хорошо, а посему необходимо еще и еще повышать цены. До начала эпохи гласности мы в ответ согласно кивали головами. Но времена-то изменились. Внушить нам сейчас, что мы живем «слишком хорошо», наверное, не удалось бы даже под гипнозом. И чиновники это, конечно, почувствовали. По крайней мере необходимость повышения цен мотивируется ими весьма изобретательно. Раскроем «Труд» со статьей председателя Госкомцен СССР В. Павлова под названием «Почему необходима реформа цен?».

ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН КАК КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ К ИЗОБИЛИЮ

Статья эта подкупает откровенностью и доверительностью в оценке нашего прошлого и настоящего. Председатель комитета, свободно оперируя цифрами и фактами, буквально камня на камне не оставляет от обывательского убеждения, будто «при Сталине лучше было — цены из года в год снижали, а сейчас...».

Иллюзия это! — отвечает автор статьи. С 1928 по 1940 год розничные цены у нас выросли в 6,2 раза. В 1947 году в результате реформы розничных цен они еще выросли в среднем втрое. Зарплата же у рабочих и служащих увеличилась с 33 рублей в месяц в 1940 году до 48 рублей в 1946 году. А стоит ли забывать про «добровольно-принудительные» займы?.. Цены снижались, о чем любят вспоминать обыватели, но на какие-то проценты при предварительном трехкратном разовом увеличении. Плюс за счет полного ограбления крестьян. Пшеницу, например, покупали у колхозников по копейке за килограмм, а продавали (мукой) по 31 копейке. Говядину брали на селе по 23 копейки, продавали за полтора рубля в среднем и т. д.

Сегодняшнему дню, считает автор, тоже особенно радоваться не приходится. 50 процентов бюджетных средств, получаемых за счет налога с оборота, уходит на дотации продовольственных товаров. В общей сложности — 57 миллиардов рублей! Жить дальше так нельзя. Нужно оздоравливать экономику, для чего нужны деньги, «а взять их неоткуда».

Но на этом минорные ноты статьи заканчиваются, начинается мажор. То есть как это «неоткуда»? А повышение, простите — «реформа цен»? И не какая там-нибудь, а «радикальная», то есть дающая в бюджет сразу много денег! Ох, и заживем мы в итоге! Все у нас пойдет как по маслу: «диспропорции в народном хозяйстве» исчезнут; с «вынужденным занижением уровня зарплаты, пенсий, стипендий» будет покончено; от «уравниловки в оплате» наконец-то можно будет отказаться; «торможение внедрения новой техники» исчезнет; хорошо работающие предприятия можно будет уже не грабить в пользу отвратительно работающих; нормы выработки перестанем завышать; дикие «перекосы в розничных ценах» исчезнут, и «социальная справедливость» воссияет над нашей державой!..

В. Павлов, конечно, может возмутиться: ничего подобного он не утверждал, все перечисленное произойдет вовсе не в результате повышения цен, а в результате их «реформы»! Конечно. Только ведь никаких иных практических предложений (кроме повышения цен) с целью накопления средств для оздоровления экономики его статья размером в половину газетной полосы не содержит. Да и прямо в ней говорится, что на какое бы то ни было снижение цен для устранения диспропорций нам рассчитывать не приходится.

«Реформа» — слово влекущее. Без радикальной реформы в области экономики мы даже на нынешнем уровне нашей удручающей бесхозяйственности не сможем удержаться. Мы все за реформу, только... Почему это вдруг «реформа цен» обрела столь самостоятельное, изолированное звучание? И что это за туманно обещаемое нам «всенародное обсуждение» ее, если еще до выхода игроков на поле, похоже, известно, в какие ворота и сколько мячей будет забито?

Однако... Что это мы так долго употребляем глаголы только в будущем времени? Разве спасительная «реформа цен» не началась у нас уже много лет назад? Вспомним хотя бы кофе, который вдруг однажды подскочил в цене в четыре с половиной раза да так и остался на этой недосягаемой высоте, что отнюдь не повысило конкурентоспособность грузинского чая. Да что говорить о кофе! В черной металлургии, чтобы покрыть ценами возросшие плановые уровни затрат, цены на продукцию три года назад пришлось повысить на 7,5 миллиарда рублей. Семь восьмых этой суммы никак не зависели от удорожания топлива и энергии, тут всему виной была неправильная техническая политика Минчермета СССР... И вот металл подорожал — что делать? Пришлось на несколько миллиардов рублей повысить цены и на продукцию ряда отраслей машиностроения.

Думаете, машиностроители были в претензии? Как бы не так. Выпуск машиностроительной продукции за десять лет в денежном выражении увеличился в 2,6 раза, а в натуральном выражении на 45—50 процентов. А ведь взлет производства у нас исчисляется в рублях! Представляете, сколько славы и орденов подарили машиностроителям их коллеги-металлурги своей безграмотностью в области технической политики? Но это только им «даром», а мы оплатили все эти подарки из своих неменяющихся зарплат на конечной стадии всех производственных метаморфоз.

Не отстает в реформаторском вдохновении и легкая промышленность. В прошлом году Минлегпром СССР задолжал своим заказчикам продукции на сумму в миллиард рублей. В январе нынешнего года долг возрос еще на 142 миллиона рублей... И опять-таки какой простой способ нашли в штабе отрасли: вынудить предприятия изъять из обращения дешевые товары и увеличить план в розничных ценах за счет дорогих изделий.

Пойдем дальше. С 1970 по 1985 год средняя цена на легковую машину увеличилась в два раза, на услуги автосервиса — на 60 процентов, начиная с 1979 года в четыре раза поднялись розничные цены на бензин. Вздорожали почтовые услуги, оплата за установку телефона с 20 рублей подскочила до 100. С 1 июля 1987 года цены на проживание в гостинице подняты на 20—25 процентов. За 10 лет пользование автоматическими камерами хранения стало нам обходиться в десять раз дороже. На книжную продукцию цены растут неудержимо, на стройматериалы — тоже, на транспортные услуги — тоже. Дешевые товары (для детей, в парфюмерии и т. д.) неудержимо «вымываются» из производства. Похороны стали кое-кому просто не по карману (до 1500 рублей, как подсчитали читатели). С 1 января услуги фирмы "Заря" вздорожали на 50 процентов.

Списку этому, разумеется, лучше всех знакомому В. Павлову, нет ни конца ни края. Так что если исходить из убеждения, что рост цен ведет к оздоровлению экономики, то ей у нас давно бы уж полагалось отбросить кислородную подушку и начать бегать кроссы. Что-то пока ей не очень бегается. Почему бы, спрашивается?

Да и трехкратное повышение цен в 1947 году (которое, разумеется, именовалось «реформой») тоже здоровой экономики не породило. И тоже — «почему бы это?».

ВО ИМЯ «ОЗДОРОВЛЕНИЯ» ИЛИ ВМЕСТО НЕГО?

Чем дальше, тем очевиднее: повышение цен выгодно, как правило, только ведомству, а не государству. Однако странно мы стали за последнее время понимать выражение «ведомственный интерес». В чем, казалось бы, состоит главный интерес ведомства связи? В том, чтобы больше людей и легче устанавливали связь друг с другом. Такой интерес ведомства ничем не противоречит и интересам нас с вами, и интересам государства. Но вот Министерство связи уже много лет ведет усиленную подготовку по установке счетчиков телефонных разговоров. На гигантские расходы по изготовлению, установке и обслуживанию (очень непростому и конфликтному) этих счетчиков готово пойти (и уже пошло). Во имя чьих интересов? В Шяуляе, где проверяли новую систему оплаты, количество телефонных разговоров сразу же сократилось на 42 процента, зато доходы связи поднялись на 27 процентов. Вот он в чем, оказывается, «интерес» — чтобы работать хуже, а получать больше! Только какой же ведомству интерес деградировать? Тут интерес не связи, а вполне конкретных людей, чиновников, которые при бездарной работе хотят обладать и славой, и заработками передовиков.

Где рождается, из чего складывается та непомерная себестоимость, во имя покрытия которой, собственно говоря, нас сейчас и призывают воспринимать раздувание цен как нечто неизбежное и спасительное? Писано про это уже более чем достаточно (и я в это вносил некую лепту), но, похоже, замолкать рано. Не для того, чтобы Госкомцен переубедить, а для того, чтобы не давать читателей вводить в заблуждение.

Братья-закройщики Удаловы с Сочинской швейной фабрики организовали экспериментальную бригаду «на договоре». Покупательницы были ошарашены быстротой шитья летних платьев, качеством его и... дешевизной! Дирекция и горфинотдел впали в прострацию: бригада Удаловых стала давать фабрике прибыли в 15 раз больше среднефабричной. Бригаду, конечно, ликвидировали. Но недолгое ее существование объяснило, почему у нас растут цены, куда нагляднее, чем многие тома ученых записок. И Удаловы хорошо объясняли это, не имея высоких ученых степеней: «На нашей фабрике больше тысячи человек, в то время как нынешний объем продукции можно дать и с 50 работниками». Горфинотдел эта пропорция нимало не волнует, хотя воображаемые «бешеные заработки» Удаловых лишили этот уважаемый форпост перестройки сна и аппетита.

А вот еще один типичный пример. На юго-западной окраине Москвы торгует овощной магазин, который полностью обслуживают два человека — мать с дочерью. Рядом еще один, такой же, но в нем трудятся 18 человек (часть их контролирует тех, кто торгует, часть контролирует самих контролеров). Выручка у обоих магазинов примерно одинаковая. А качество работы... В первом магазине очередь идет бойко, мать с дочерью вежливы, заботливы. Во втором — продавцы медлительны, раздражительны... Причина? Мать и дочь получают с оборота. А у соседей — потолок: оклад плюс 40 процентов за перевыполнение. За любое. Хоть на 1 процент перевыполни, хоть на 200. Факт порождает два вопроса: почему беспотолочная система оплаты труда так и остается на уровне «смелых» экспериментов и кто оплачивает бессмысленное хождение на работу 16 человек из каждых 18 (мы не берем в расчет гигантские армии ненужных работников на более высоких этажах системы управления торговлей)?

И вот ради незыблемости интересов этих 16 ненужных работников и тех, что выглядывают из окон всяких торгов,

снабов, главков, министерств, мы должны сейчас снова подтягивать пояса?

Но разве перестройка не встала горой за таких, как братья Удаловы?

В ходе перестройки и во имя ее идеалов решено было в Московской области создать территориальные объединения строительства (ТОСы), дан им статус проектно-строительных фирм, с тем чтобы главк (он на правах министерства) стал стратегическим «мозговым центром» с небольшим числом сотрудников, отказавшихся наконец от бюрократических методов руководства. Увы, наш прославленный строитель Н. Травкин так вот оценивает результаты: «Главк, создав ТОСы, от оперативных дел не ушел, власть из своих рук не выпустил... ТОСы же стали как бы дополнительными рычагами в его руках, а вовсе не самостоятельными единицами... Управленческий аппарат, вместо того чтобы сократиться, значительно вырос... Восемнадцатый трест, из которого я пришел, раньше отчислял на содержание вышестоящего органа около 40 тысяч рублей, сегодня — более 80».

Так-то вот. А теперь давайте взглянем на этот факт с позиций нашего кошелька. Это ведь не с треста увеличилась управленческая дань. Дань эта войдет в себестоимость той продукции, которая будет выпускаться в зданиях, построенных Травкиным, и мы ее оплатим своими наличными до копеечки!

Такая вот разница между мечтой, проектом, обещанием и тем, что из них получается пока что на деле. На каком же основании мы должны поверить, что с «реформой цен» не получится аналогичного жульничества?

Мы двумя руками за «реформу цен». Она действительно и необходима, и неизбежна. Но кардинальной, благотворной для экономики реформой (а не пошлым вздорожанием) она может стать только в ходе активного решения еще более кардинальных социально-политических и социально-экономических задач. **Только!** «Нормальные цены» могут быть только итогом оздоровления, проявлением оздоровления. Это элементарно, но как раз этой простой истины никак не хотят понять иные «реформаторы». Невыгодно им тут понимание. «Сначала цены поднимем до уровня реальных затрат, потом оздоравливать начнем!» — обещают они. «Реальных затрат»... Экономист Р. Хасбулатов с безнадежной грустью вспоминает об одном хозяйстве в России, в котором себестоимость килограмма мяса достигла 16 рублей! И именно его ставят в пример даже тем, у кого она в восемь раз ниже. Загадка? Никакой загадки: руководитель того хозяйства умеет ладить со своим начальством. Какую же розничную цену нам надо назначить на мясо, чтобы то «начальство» могло и дальше столь щедро вознаграждать нашими рублями своих угодников?!

«Колхозник действительно производит мясо при бешеных затратах, но затраты эти уже существуют у нас десятки лет, и думать о том, что через год-два или через пятилетку у нас появится масса «архангельских мужиков» и затраты снизятся в два раза, наивно»,— говорит первый заместитель председателя Госкомцен СССР А. Комин. И добавляет назидательно: «С реальностью, которая сложилась у нас в сельском хозяйстве, надо считаться». Логика восхитительная в своей откровенности! Всем ведь известно, почему «архангельским мужикам» с их жаждой и умением работать хорошо и дешево не находится обычно даже бросовых клочков земли в просторах нашей необъятной Родины. Такова уж сложившаяся у нас за многие десятилетия «реальность», чтобы Сивковым и Удаловым дохнуть не давать, шельмовать их как реставраторов капитализма. Госкомцен призывает нас и дальше «считаться» (то есть мириться!) с этой действительно имеющей место «реальностью». Понять, во имя чего раздаются такие призывы, нетрудно, но при чем тут «интересы перестройки»? Начиная ее, руководство страны и партии как раз и призвало нас перестать мириться с подобными «реальностями», сложившимися в эпоху культа личности и период застоя.

ТАК ГДЕ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ВЫХОД?

Трудность вопроса в том, что, с одной стороны, ситуация требует незамедлительных решительных мер, а с другой — реально повлиять на разрешение проблемы цен никакие отдельные «меры» не в состоянии. Более того, любые специальные «меры», даже если их применять с самыми добрыми намерениями, неизбежно станут только ухудшать ситуацию. Для примера обратимся к программе, предлагаемой экономистом Э. Самигуллиным, изложенной в статье «О том ли спорим?» («Социалистическая индустрия», 25.02.88). Четыре колонки из пяти этой статьи написаны превосходно. Под каждой охотно бы подписался. И под тем, что не цены на продукты животноводства надо увеличивать, а управленческие расходы (которые «непомерно велики») сокращать. И спекуляции на тему: низкие цены выгоднее высокооплачиваемым людям — Э. Самигуллин убедительно разоблачает. И предложения при регулировании цен равняться на уровень среднемировых резонно отвергает. Учитывать в принципе для выработки ориентиров экономического развития — да, но исходить из них... Как минимум надо при этом сначала подогнать наши зарплаты к среднемировым, конвертирования валюты добиться, «среднемировую» обеспеченность нужными товарами и услугами заиметь.

«Совершенно нельзя согласиться с мнением тех, кто настаивает на рыночной системе регулирования розничных цен». И тут автор, увы, прав. Хотя нормальные пропорции цен и естественная динамика их абсолютных выражений способны гарантироваться только рынком. Это аксиома. Но не для монополистического производства! Капиталисты ведущих держав мира не из совестливости вводят в законодательство своих стран антимонопольные («антитрестовские») законы. Полная монополия равносильна самоубийству. «При отсутствии реальной конкуренции между товаропроизводителями, торговыми организациями делать ставку на рыночное ценообразование на деле означает усиливать диктат монополиста-изготовителя: он станет взвинчивать цены без всякой оглядки...» — резонно говорится в статье. И погубит и себя, и экономику! «Мы только-только через хозрасчет начали давать больше свободы для использования товарно-денежных отношений и с чем сталкиваемся уже при первых же шагах? Промышленные предприятия норовят не снизить цены на свою продукцию, а, наоборот, всякими путями добиваются повышения. И так будет до тех пор, пока между изготовителями не установятся отношения здоровой конкуренции. С другой стороны, необходима конкуренция и среди торгующих систем. А именно, государственной, кооперативной и городскими рынками...»

Очень правильно, очень точно сказано, но... что же имеем мы в пятой колонке? Увы, предложение вместо повышения цен «приостановить рост заработной платы, за исключением низкооплачиваемых категорий трудящихся». Для чего? Чтобы укрепить курс рубля и добиться «удовлетворения населения товарами и услугами под имеющиеся суммы».

В лоб бить нехорошо, говорит экономист, надо по лбу. Иными словами, снова «потолок», снова деление не на много, хорошо делающих и плохо, мало делающих, а на низкооплачиваемых и высокооплачиваемых с вытекающей

Окончание на стр. 27.

ПАЛИТРА

ИЗБРАННИЦЫ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Образ русской женщины, запечатленный художниками, предстал перед нами на выставке, которая объединила произведения, созданные на протяжении пятисот лет. От безымянного гения XV века до объединения «Бубновый валет» и произведений 1920-х годов. Женщина во всех ипостасях — мать, жена, царица, возлюбленная. Апофеоз женщины — вот наиболее точные слова для характеристики экспозиции. И здесь надо отметить, что организация выставки — один из первых результатов деятельности недавно созданного Клуба коллекционеров. Именно благодаря тем, кто, действуя на свой страх и риск, разыскал, собрал, отреставрировал и научно осмыслил многочисленные произведения искусства, зрители получили возможность насладиться ими. Долгие десятилетия — с тех пор, как в середине двадцатых годов закончило свою жизнь «Общество любителей старины»,— коллекционерство в нашей стране влачило «полуподпольное» существование. Светлому, высокой общественной значимости труду собирательства мешала юридическая неразбериха, во многом не устраненная и сегодня. Образ коллекционера, вызывающий почтение во всем цивилизованном мире, грубо искажался в нашей прессе, литературе, кино. Традиции русского коллекционерства, создававшиеся настоящими подвижниками искусства, такими, как С. Мамонтов, П. Третьяков, Д. Ровинский, и другими; традиции, представлявшие собой ценнейший феномен свободной духовной жизни общества,— они увядали в атмосфере завистливого недоброжелательства, насильственного «уравнивания». И подчас следование этим традициям требовало подлинного героизма. Вспомним, например, судьбу Феликса Евгеньевича Вишневского, чье собрание русского искусства, подаренное им в конце жизни государству, составляет ныне московский музей Тропинина, а ряд шедевров зарубежных мастеров украшает другие музеи. Сколько необоснованных арестов, конфискаций, всяческих гонений пережил этот страстный энтузиаст! Нужно было обладать воистину особым закалом, чтобы не отступиться, не предать любимого дела.

Именно к таким, как покойные Ф. Е. Вишневский, С. П. Варшавский, В. В. Ашик, полностью подходят справедливые слова хранителя Румянцевского музея Н. И. Романова: «Истинный знаток искусства — не философ, строящий теорию эстетики, часто это даже не историк искусства и далеко не всегда хранитель музея, но по большей части это собиратель-коллекционер, любящий искусство не в теории, не научно, а на практике, ради обладания предметами искусства в целях наслаждения ими... Тонкий вкус, художественный опыт, верность глаза делают мнения и совет коллекционера особенно ценными». К счастью, несмотря на неблагоприятные условия, «племя» коллекционеров не вымерло. И сегодня, в атмосфере духовного обновления страны, создание Клуба коллекционеров Советского фонда культуры — факт большого общественного значения. Настоящий коллекционер — человек творческого труда: подобранные вместе, концептуально осмысленные собирателем произведения искусства начинают сиять «отраженным светом», обретают более высокое духовное значение, осознаются как культурный комплекс. И, как всякий подлинный творец, коллекционер — одновременно и энтузиаст, и пропагандист. Популяризация искусства с помощью выставок, лекций, публикаций, содействие пополнению музеев, участие в экспертизах, консультации населения, организация и проведение аукционов живописи, графики и декоративно-прикладного искусства — вот далеко не полный список добровольных обязанностей, отраженных в «Положении о Клубе коллекционеров». Едва будучи создан, клуб ознаменовал это событие выставкой «Молодые художники России десятых годов XX века», открывшейся в мае прошлого года в Центральном Доме литераторов.

Выставка «Образ русской женщины» экспонировалась уже дважды — на Всемирном конгрессе женщин и в галерее Фонда культуры.

Портреты кисти Вишнякова, Аргунова, Рокотова, Тропинина, Серова, Кустодиева...

Но вот перед нами новая, революционная эпоха русского искусства. Время было пропитано ощущением стремительных и грандиозных перемен, внезапно и резко приблизившегося «будущего». Отсюда — попытка заглянуть в это будущее. И надо признать, что многим художникам двадцатых годов удалось прийти в этот свой будущий, а наш сегодняшний день и быть в нем принятым с пониманием.

И здесь уместно вспомнить, что именно благодаря коллекционерам, собиравшим произведения русского авангарда в те годы, когда музеи их не брали, а пресса ругала либо замалчивала, удалось в какой-то мере восстановить это выпавшее звено в цепи развития нашего искусства. Но даже и сегодня широкому зрителю далеко не все мастера этого направления известны в одинаковой мере. Некоторые из них были удостоены искусствоведческих монографий и статей — такие, как Н. Альтман, Д. Штеренберг, А. Лентулов, Г. Якулов. Творческий путь других — А. Богомазова, Н. Синезубова, В. Ходасевич — пока еще мало известен публике. А между тем эти художники заслуживают внимания.

На выставке «Образ русской женщины» можно было встретить немало и других незаурядных работ. Это портреты, выполненные на рубеже XVIII—XIX веков неизвестными, возможно, крепостными, художниками. Это и замечательные произведения портретной графики П. Соколова, О. Кипренского, К. Брюллова, В. Борисова-Мусатова, Ф. Малявина и других.

Девяносто художественных произведений, предоставленных коллекционерами для столь оригинально задуманной выставки, привлекают, разумеется, не только мастерством исполнения. Привлекает и самый факт инициативы. Отрадно сознавать, что подобная выставка — результат нового этапа нашего общественного развития, когда личная инициатива отдельных лиц, безгранично увлеченных любимым делом, находит полное понимание и поддержку у государства. Вот только... постоянного помещения у клуба пока что нет.

Александр СЕВАСТЬЯНОВ



Л. С. БАКСТ. 1866—1924.
НЕИЗВЕСТНАЯ В ЖЕЛТОМ ПЛАТЬЕ. (Коллекция В. Дудакова.)



В. М. ХОДАСЕВИЧ. 1894—1970.
ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ. (Коллекция А. Шлепянова.)



Леонид ЛАВРОВ

1906—1943



Входил в литературную группу молодых, руководимую И. Сельвинским при журнале «Красное студенчество». Первые книги Л. Лаврова — «Уплотнение жизни» и «Золотое сечение» — были новой ступенью в освоении верлибра русской поэзией. Лавров совершил до сих пор по заслугам не оцененное открытие, выведя белый стих из привычного пятистопного ямба, удлинив строчки и придав ритму покачивание поезда дальнего следования.

Не случайно одно из своих стихотворений ученик интонации Лаврова Михаил Луконин так и озаглавил — «Стихи дальнего следования». После Заболоцкого, после «Обэриутов» Лавров привнес «остранение» совсем иного качества. Новаторство Лаврова было не шумным, а я бы даже сказал, мягким, деликатным.

ЗАПИСИ О НЕВОЗМОЖНОМ

(Отрывок)

До свиданья, говорю я,
до свиданья, несовершенное.
Печаль моя умножена
на запах травы
И на цвет неба, освобожденного
от облаков.
Ничто не посягает на мое
равновесие.
Тишайшая из тишин охватывает
меня.
Успокоение мое полноценно
и неприступно.
Еще пресмыкающееся, величаемое
составом,
Разминает затекшие члены
безвольно,
Еще позвоночник, свинченный
из вагонов,
Еще охвачен ленивым оцепененьем.
Еще притяженье цепляется
за колеса.
Еще бег их сновидчески
меланхоличен.
Еще ритм их разменен на бестолочь
подголосков.
Еще пространство медлительно,
как влюбленный
За одну мимолетность перед
признаньем.
Город отламывается от нас
с неохотой необходимости.
Обманчиво пряничные домики будок
Тасуются в очередь мимо окон.
Притворное равнодушие окрашивает
их стекла.
В бесшумные катастрофы играет
в них отраженье...
Разноглазые светофоры поджары
и педантичны.
Телеграф растягивает струны
в пространство,
Пытаясь превратить музыку
в бесконечность.
Птицы пробуют играть на нем,
как на арфе.
Но не существует звуков там,
где звуки — существованье...

1933

К ИСТОРИИ ОДНОГО ПРОЕКТА

(Отрывок из поэмы)

Утраты. Никогда не привыкнешь
к их протеканию.
Он не мог быть без той,
осознанной вдруг,
Такой интимной, связующей тканью
Между мирами: тем, что внутри
и вокруг.

— Наташа,— сказал он,—
мне страшно,
Ты у меня одна, как у пропасти дно.
Ну, как вот бытие твое
единственное, Наташино,
Или как солнце, которое тоже одно.

Я превращаюсь в какого-то Канта
в кавычках,
В непознаваемую вещь в себе,
в ничто.
Да, привычка привыкать —
дурная привычка.
А я привык к тому, что мы называем
мечтой.

Но он смотрел на затухающие
контуры сада:
Там понемногу начиналась
ночная возня,
Оттуда солодом вдруг потянула
прохлада,
И в комнату шпагой вонзился
сквозняк.

Он вздрогнул: какая все же
нелепость,
Он сам решил — да будет!
И это — закон.
Скорее ж, весеннего воздуха
крепость,—
В комнаты ночь и озон.

Теки, диалектика мира, теки
Во всеобщем необъятном ряду,
Места займут, так — ерунду,
Большие мои пустяки.

И с этой историей, что же,
Он бы покончил скорее,
Будь этак лет на пять моложе
Или так на пятнадцать старее.

Но что делать, если ночь наготове,
С бесконечной системой
разных тревог,
Примириться,— но он далеко
не толстовец,
Бунтовать,— но против кого и чего?

И так вот, дорог не усвоив,
Он объявлял истину мира в вине,
Но в комнате их становилось вдруг
вдвое,
И воздух казался тяжелым вдвойне.

Он заметно пьянел,
разговаривал с кем-то...
Здесь герои и страсти устроили вист,
И он получал с истории ренту
В виде безумий, дуэлей, убийств.

Впрочем, что ему за дело до всех
этих гениев,
Что у него общего с бренной ордой?
— Извиняюсь, чокнемся,
мастер Тургенев,
Плевать пролетариату на всех
Виардо!

Пятилетки не построишь без разных
капуст.
Но что при окраске оттенки
в беж или сомо?
И каково назначение всех этих
чувств?
Какова их удельная в целом
весомость?..

Тем временем шабаш перекинулся
в дом.
Где-то шел разговор: «Вы едете
в Ниццу?»
Кто-то прошел, скрипя половицей,
И пол на антресолях ходил ходуном.

Но он вдруг отрезвел.— Вон! —
сказал он мутящейся прорве.—
И как ты боишься нести этот груз? —
Он медленно вынул револьвер,
Добавляя: — Я тебя уничтожу,
ты — трус.

И, швырнув под окошко бутылочный
звон,
Лег и лежал, пока шло
зарожденье рос,
Пока звезды на землю струили
гипноз
И пока действительность
оправдывал сон.

Затем наступило затишье,
он пропадал
Целыми днями в набухнувших
рощах,
И, может, он понял всю сложность
тогда
Бытия, которого не выдумать проще.

Как там, в «Жане Кристофе»,
из третьего тома,
Надпись на его сегодняшней тризне:
«Он переживал дни тяжелого
душевного перелома,
Самого плодотворного в своей
жизни».

Что ж, мир способен на все номера,
Вперед же, в общей шеренге!
Умирать — значит жить, и «жить —
значит умирать»,
Как заметил когда-то Энгельс.

Александр КОЧЕТКОВ

1900—1953



Автор одного из самых знаменитых стихотворений в русской поэзии XX века. Это стихотворение звучало и звучит со многих эстрад, его поют под гитару. Рефрен дал имя известной пьесе А. Володина «С любимыми не расставайтесь». История, описанная в «Балладе», не-выдуманная и произошла в 1932 году, когда автора сочли погибшим при крушении сочинского поезда на станции Москва-Товарная. Кочеткова спасло то, что в последнюю минуту он продал билет и задержался в Ставрополе. Впервые баллада была напечатана в 1966 году, хотя в списках ходила еще в тридцатые годы. А. Кочетков много переводил, писал пьесы.

БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ

— Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь
ветвями,—
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана —
Прольемся чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольемся пламенной смолой.

— Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь нераздвоимы,—
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду —
Не забывай меня, любимый,—
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
— За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба — я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного,—
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, млечный дым?
— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давильне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них,
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!



КРУШЕНИЕ ТЕАТРА

Константин РУДНИЦКИЙ

«ХОРОШО, Я ВОЗЬМУ»

Среди неопубликованных автобиографических записей Сергея Эйзенштейна есть коротенький фрагмент с загадочным названием «Сокровище». Трудно понять, о чем речь, какое сокровище? Эйзенштейн описывает заброшенный дачный поселок, пыльное шоссе, сельпо, какой-то завод, который бомбят по ночам. Упоминает о солдатах: они «разместились в пустующих дачах, разматывают колючую проволоку и катушки полевых телефонов». Стало быть, время военное. Дальше сказано о тихой просеке, где «дачи особенно мертвы», дорожки не чищены, цветы не ухожены. На одной из этих дач Эйзенштейна встречает «девушка с синими кругами под глазами». Показывает «то самое, ради чего я приехал». Что же именно? Мельком названы «сизые мертвые папки» и «груды бумаг», до которых можно добраться, «лишь частично отодрав обшивку из досок» и протиснувшись в некое «пространство между скатом крыши и перекрытием кладовой». Зачем всемирно известный кинорежиссер протискивается в какой-то пыльный чулан — непонятно. Какие папки — неведомо. Что за бумаги — неизвестно. Текст записи, сделанной Эйзенштейном 10 сентября 1944 года, подобен шифру.

Расшифруем: дача (она сохранилась поныне) — под Москвой, в Горенках, возле Балашихи, девушка, встретившая Эйзенштейна,— Татьяна Сергеевна Есенина, дочь поэта и падчерица Мейерхольда, бумаги — мейерхольдовские. «Сокровище» — его, Всеволода Эмильевича Мейерхольда, архив. Тут письма Чехова, Станиславского, Блока, Комиссаржевской, Брюсова, Андрея Белого, Вахтангова, Маяковского, Крупской, Луначарского, Гордона Крэга, Михаила Чехова, Асафьева, Эренбурга, Петрова-Водкина, Шагала, Олеши, Таирова, Эрдмана, Вишневского, Сельвинского, да и самого Эйзенштейна. Записи мейерхольдовских репетиций. Его режиссерские планы. Стенограммы бесед и речей. Записные книжки. Фотографии...

Конечно, Эйзенштейн был прав: перед ним лежало бесценное сокровище. Любой из этих документов имел для истории русской культуры огромное значение. Но любой из этих документов мог послужить и зловещей уликой против того, кто документ сохранил. Мог оказаться неопровержимым свидетельством связи с «врагом народа», расстрелянным в 1940 году. Мог подвести под 58-ю статью, грозил тюрьмой, каторгой, гибелью.

Вот почему в эйзенштейновском тексте имя Мейерхольда не названо. Нет вообще никаких имен. Эйзенштейн знал, что он отнюдь не застрахован ни от обыска, ни от ареста. Прекрасно понимал, что рискует жизнью, принимая «сокровище».

Тем не менее, когда Татьяна Есенина, созвонившись с Эйзенштейном, приехала к нему домой и сказала, что архив Мейерхольда в опасности, что спрятать архив негде, он выслушал ее молча, не задавая никаких вопросов. После чего «...холодноватые глаза его сверкнули, и он сразу сказал:

— Хорошо, я возьму. Моя дача в безопасном месте, и есть куда положить».

Как часто мы, вспоминая годы сталинских репрессий, с болью говорим о сожженных и безвозвратно пропавших рукописях... Как часто со смешанным чувством стыда и сострадания называем тех, кому приходилось в ту пору кривить душой. В частности, актеров Мейерхольда, поспешивших отмежеваться от учителя еще до того, как его поглотила Лубянка, писателей или художников, публично объявивших, что они горячо приветствуют постановление о ликвидации «чуждого народу» театра Мейерхольда. И как редко мы с благодарностью произносим немногие имена людей, осмелившихся, подобно Эйзенштейну, произнести: «Хорошо, я возьму».

Много лет спустя, в конце 50-х, приступая к работе над биографией Мейерхольда, я, почти не надеясь что-нибудь отыскать, пришел в библиографический кабинет Всероссийского театрального общества. Мне было хорошо известно, как старательно, подчистую уничтожалось все, что хоть краем, хоть вскользь касалось «врагов народа». Две любезные женщины, Ирина Васильевна Митрофанова и Ирина Вячеславовна Панова, терпеливо меня выслушали. Потом одна из них лукаво улыбнулась и спросила:

— Вы можете отодвинуть вот этот шкаф?

За шкафом, в многолетней пыли, у стены, были сложены толстенные папки тщательно подобранных газетных рецензий на спектакли театра Мейерхольда, его статей, бесед, интервью. Я ахнул:

— Вы все сберегли?

Ирина Вячеславовна ответила мне веселым вопросом:

— Могли же они случайно завалиться за шкаф?

Могли, конечно, могли!.. Могли завалиться, могли целых два десятилетия там пролежать. Однако какому же риску подвергали себя эти скромные женщины! И как рисковал бывший завлит театра Мейерхольда Александр Вильямович Февральский, который все эти годы хранил в комнатушке большой коммунальной квартиры целые кипы мейерхольдовских материалов! И актер Алексей Алексеевич Темерин, который любовно фотографировал спектакли Мейерхольда и прятал у себя дома сотни стеклян-

Борис Пастернак и Всеволод Мейерхольд. Москва, 1934 г.

Фото Виктора РУЙКОВИЧА. (Публикуется впервые).

ных негативов, запечатлевших мизансцены Мастера. И писатель Александр Константинович Гладков, которого обыскивали и арестовывали дважды и который тем не менее сберег записи интереснейших бесед с Мейерхольдом!

Почти все, что сейчас известно об искусстве Мейерхольда, дошло до нас благодаря стойкости и личной храбрости этих людей, прежде всего Сергея Михайловича Эйзенштейна: принятый им архив содержал, в сущности, самую сердцевину театрального наследия Мастера.

Но надо рассказать и о том, что было с архивом прежде, чем он попал к Эйзенштейну, и о девушке, которая вручила ему «сокровище».

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Бумаги, которые скопились у Мейерхольда почти за четыре десятилетия театральной работы, он складывал где попало и как попало — в разные ящики, столы и шкафы. В 1935 году в его квартире в Брюсовском переулке появилась молчаливая Елена Александровна Александрова — личный секретарь Всеволода Эмильевича. Она-то и занялась архивом. Раскладывала бумаги по папкам в строго хронологическом порядке, к каждой папке прилагала опись: что в ней содержится. Затем папка водворялась на одну из полок, подвешенных к стенам передней. Полки были наглухо закрытые, изготовленные специально для этой цели. Кропотливая работа Александровой тянулась несколько лет. В жизни театра Мейерхольда это были трудные, нервные годы.

Труппа ГОСТИМ (Государственного театра имени Мейерхольда) покинула свое гнездо — бывший театр Зон, где отгремели сенсационные премьеры «Зорь», «Мистерии-буфф», «Великодушного рогоносца», «Леса», «Мандата», «Ревизора» и «Горе уму». Актеры Мейерхольда с 1931 года выступали на Тверской, там, где сейчас Театр имени Ермоловой. На месте старого, тесного и обветшавшего здания на Садовой-Триумфальной решено было выстроить новый, самый большой в Москве театр, оснащенный по последнему слову сценической техники. Молодые архитекторы М. Бархин и С. Вахтангов спроектировали зрительный зал на 3000 мест, открытую сцену-арену, стеклянный потолок. Газетные репортеры восторженно расписывали будущий «стеклобетонный небоскреб». В новом здании Мейерхольд намеревался показать «Гамлета» и «Отелло» Шекспира, пушкинского «Бориса Годунова», «Кармен» по Мериме в инсценировке И. Бабеля и Н. Эрдмана. Кроме того, у него возникла — и совсем не случайно — идея заново поставить «феерическую комедию» Маяковского «Клоп».

Дело в том, что 5 декабря 1935 года «Правда» впервые огласила отзыв И. В. Сталина о Маяковском: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление». Мейерхольда эти слова воодушевили, ибо косвенно могли относиться и к нему: все знали, что с Маяковским его связывала общность творческих позиций. Режиссер и поэт с первых дней Октября выступали как единомышленники и союзники. Дважды Мейерхольд ставил «Мистерию-буфф», в его постановках увидели свет рампы «Клоп» и «Баня». Причем незадолго до своей последней премьеры Маяковский, говоря, что намерен «сделать подмостки трибуной», добавил: «Поэтому я дал «Баню» самому действенному, самому публицистическому — Мейерхольду». В начале 1930 года Маяковский читал дома у Мейерхольда только что написанную поэму «Во весь голос»...

После трагической гибели поэта его родные и ближайшие друзья (в частности, Николай Асеев) ходатайствовали о том, чтобы урна с прахом Маяковского была замурована в стену театра Мейерхольда. Сам Мейерхольд тоже высказывал пожелание, «чтобы в новом здании театра было какое-то место памяти Вл. Маяковского. Родные его,— пояснял он,— хотели бы, чтобы урна с его прахом находилась в самом театре. Мы подумываем, нельзя ли устроить стену, где бы вкомпоновать памятник». И уже в 1934 году зодчий А. В. Щусев создал проект фасада нового здания ГОСТИМ, согласно которому башню «стеклобетонного небоскреба» должна была увенчать статуя «агитатора, горлана, главаря»...

Среди многих идей и надежд, с которыми сопрягалось сооружение нового театра, была одна, вслух не называемая, но явная. Старое здание ГОСТИМ не располагало правительственной ложей, специально оборудованной, изолированной, с отдельным входом. По этой причине Сталин с 1927 года, когда он как на грех видел один из самых неудачных мейерхольдовских спектаклей, «Окно в деревню» Родиона Акульшина, больше у Мейерхольда не бывал. Показать ему свои новые работы Мейерхольд не мог. А коль скоро мнение Сталина по всем вопросам литературы и искусства уже обрело решающее значение, Мейерхольд, естественно, хотел бы продемонстрировать Сталину свои достижения.

Мейерхольд знал, что Сталин не забывает ничего. Мучительной занозой бередил душу режиссера давнишний злополучный жест: выпуская к пятилетию создания Красной Армии спектакль «Земля дыбом», он торжественно — и на афишах, и в программах — провозгласил: «Красной Армии и Первому Красноармейцу РСФСР Льву Троцкому работу свою посвящает Всеволод Мейерхольд». В 1923 году такое посвящение никого не удивляло, в 30-е годы страшно было о нем вспоминать. Будет ли прощена ему эта вина? — вот что терзало Мейерхольда. Он надеялся, что, как только новое здание будет возведено, Сталин появится в правительственной ложе и самолично уверится: первый режиссер-коммунист ведет театр по правильному пути. Постановка одного из произведений Маяковского, друга и соратника Мейерхольда, должна была неопровержимо это доказать.

Прилив оптимизма усугубляла еще одна радостная весть. 17 января 1936 года председателем только что образованного Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР был назначен П. М. Керженцев. Мейерхольд считал его человеком широко и свободно мыслящим, встречался с ним еще в бытность Керженцева послом в Италии, в 1925 году. Потом Керженцев с супругой неоднократно навещали Мейерхольда и Райх, однажды — вместе с наркомом М. М. Литвиновым. Говорили об искусстве, чаще всего сходились во мнениях. Хотелось думать, что Керженцев поддержит все начинания Мейерхольда.

В будущем историки, надеюсь, поведают нам, чьи и какие указания получил Керженцев, когда ему доверили высокий пост.

Но уже и сейчас ясно: эти инструкции, вопреки ожиданиям Мейерхольда, ничего хорошего ему не сулили. Зря он радовался.

Обращаясь к своим актерам, Мастер говорил по поводу повторного воплощения «Клопа»: «В 1929 году, когда впервые ставилась пьеса, контуры будущего еще не ощущались во всей своей удивительной конкретности так, как сейчас. Сейчас же, когда мы отсчитали две пятилетки, когда жизнь обогнала самые смелые мечты,— уверял Мейерхольд,— театр получает все возможности для максимальной конкретизации образов будущего. «Максимальная конкретизация» замышлялась по-мейерхольдовски смело: «Например, останавливается действие, выписывается Стаханов, и Стаханов выступает с маленькой речью. Мы покажем настоящих, живых людей». 19 января 1936 года, когда режиссер высказал эти соображения, актеры встретили их аплодисментами. Но через десять дней возбуждение угасло. Труппа притихла, приуныла, встревожилась.

Ибо 28 января в «Правде» появилась редакционная (то есть «директивная», полемизировать с которой никто не мог и не смел) статья «Сумбур вместо музыки». Речь шла о только что поставленной в Большом театре опере Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Обличалось «левацкое искусство», которое, утверждала газета, «вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова». И все это есть не что иное, как «перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины».

Вероятно, статья «Правды» напомнила Мейерхольду «Баню» Маяковского, где Победоносиков «от имени всех рабочих и крестьян» заявляет: «Вы должны мне ласкать ухо, а не будоражить», где Мезальянсова требует, чтобы искусство отображало «красивую жизнь», «красивых живчиков на красивых ландшафтах» и где, наконец, некий Иван Иванович, законодатель вкусов, настаивает: «Сделайте нам красиво! В Большом театре нам постоянно делают красиво».

Подвел, подвел на этот раз Большой театр! Никакой тебе красивости, напротив, «отрывки мелодии», сокрушалась газета, «исчезают в грохоте, скрежете, визге», музыка «крякает, ухает, пыхтит, задыхается», любовные сцены поданы «в самой вульгарной форме», «в грубо-натуралистическом стиле»...

Мейерхольд одним из первых по достоинству оценил гений молодого Шостаковича. Он знал его оперу, восхищался ею. Но Мейерхольд понимал, что с «Правдой» не поспоришь и что словцо «мейерхольдовщина» отнюдь не случайно вклинилось в раздраженный текст директивной статьи. Такие выражения в печати 30—40-х годов обладали обжигающей раскаленностью политического клейма. Запахло горелым мясом. Враги режиссера довольно потирали руки: наконец-то на Мейерхольда навешен позорный ярлык!

Через неделю «Правда» поместила еще одну редакционную статью под названием «Балетная фальшь». На этот раз поношению подвергся балет Шостаковича «Светлый ручей». Вслед за тем началась так называемая «дискуссия о формализме и натурализме в искусстве». Она тянулась весь год и на самом-то деле ничего общего с дискуссией не имела. То была грубая проработка самых разных советских художников. Первыми в середине февраля «дискутировали», разумеется, музыканты, в конце февраля — деятели кино и архитектуры, в марте — писатели, работники театра и т. д., причем везде атаковали непременно людей ярко одаренных, независимо от их реальных творческих позиций. «Формалистами» или «натуралистами» были объявлены, например, А. Дейнека, С. Герасимов, В. Фаворский, А. Лентулов, А. Тышлер, скромный театральный портретист А. Фонвизин и даже иллюстратор детских сказок Корнея Чуковского В. Конашевич!

Что же касается театра, то тут вообще не было никаких проблем. Подсказку «Правды» расслышали все, и только ленивый не бичевал «мейерхольдовщину».

Мейерхольд защищался, как мог, пытался отвести удар не только от себя, но и от Шостаковича. 14 марта, выступая в Ленинграде с докладом «Мейерхольд против мейерхольдовщины», режиссер мужественно говорил о «великолепных произведениях Шостаковича», о том, что композитора якобы подвели плохие либреттисты, плохие «сценарии»: «нам нужно только поддержать этого художника», способного «быть в музыке мыслителем». Далее Мейерхольд бранил своих бездумных подражателей и скрепя сердце признавал собственные ошибки. «Здесь,— сухо отмечалось в газетном отчете,— Мейерхольд был недостаточно самокритичен».

26 марта он еще раз произнес речь на ту же тему в Москве. Был более самокритичен. О Шостаковиче уже не упоминал. Бранил — и совершенно напрасно — Таирова. Резко возражал против обвинений, которые адресовали ему Н. Охлопков, С. Радлов, В. Пашенная. Но, главное, рискнул заявить, что форма и содержание составляют в произведении искусства нерасторжимое единство, что «когда художник любуется формой, она дышит, она пульсирует глубиной содержания». Эти слова в тогдашней атмосфере прозвучали кощунственной дерзостью.

Мейерхольд явно недооценивал грозившую ему опасность и, видимо, несколько переоценивал свой авторитет. Он настаивал: необходима напряженная работа в области экспериментаторства, художник вправе искать, пробовать, идти на крайности. А те, которые думают, будто спасительна мирная «золотая середина», глубоко заблуждаются: «вопрос стоит совсем не так».

Газетный комментарий, разумеется, демагогически извратил его речь. «Выходило так,— и это произвело гнетущее впечатление на аудиторию,— что крупнейший режиссер отказывается от работы над большими революционными спектаклями и замыкается в узкую скорлупу театрика, ведущего работы сугубо лабораторно...».

Вскоре Мейерхольду недвусмысленно дали понять, что и «крупнейшим режиссером» его уже не считают. Татьяна Сергеевна Есенина на всю жизнь запомнила день, когда ее брат Костя, будущий великий знаток и летописец советского футбола, вбежал в комнату с газетой в руках и объявил: «Мейерхольда лишили звания народного артиста!». Мейерхольд взял у него газету, глянул и спокойно возразил: «Ерунда, никого ничего не лишили. Появилось новое звание, и мне его не дали. Это еще ничего не значит — чины людьми даются, а люди могут обмануться».

Но он, разумеется, сразу сообразил, что отсутствие его имени в перечне первых народных артистов СССР (где названы Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, Москвин, Корчагина-Александровская, Блюменталь-Тамарина, Щукин) — дурной знак. До 6 сентября 1936 г. самым почетным было звание народного артиста республики, и первыми этого звания удостоились Шаляпин, Ермолова, Мейерхольд. Так что Костя Есенин был по-своему прав: теперь Мейерхольда отодвигали на второй план, в тень.

Тридцать шестой год, когда, по словам Сталина, «жить стало лучше, жить стало веселее», Мейерхольду никаких радостей не принес. И впервые за всю историю ГОСТИМ в этом году в театре не состоялось ни одной премьеры.

КАТАСТРОФА

Строительство нового здания затягивалось, к 1937 году были возведены лишь наружные стены. Мейерхольд часто наведывался на строительную площадку, печально окидывал взором хаос «долгостроя» (этого слова тогда еще не придумали, и термин «незавершенка» еще не вошел в обиход). Планы постановок «Бориса Годунова», «Гамлета», «Клопа»

волей-неволей приходилось откладывать на неопределенный срок. Особенно больно было прерывать репетиции «Годунова»: они шли на редкость хорошо, смелые очертания новаторского пушкинского спектакля уже вырисовывались во всей их поразительной простоте.

Тем не менее Мейерхольд приостановил работу над «Годуновым» и засучив рукава взялся за пьесу Лидии Сейфуллиной «Наташа». Действие происходило в колхозной деревне, героиню должна была играть Зинаида Райх. Финальная реплика звучала вполне в духе времени: «Эх, счастливая наша жизнь молода-ая!» Но вопреки этой мажорной концовке репетиции шли тяжело, со скрипом. Все в «Наташе» было противопоказано театру Мейерхольда: и вялость медленно текущего действия, и будничность подслащенных зарисовок деревенской натуры, и бытовой крестьянский говорок персонажей — «способие», «повертаются», «не бросим тебя, трудящу...». Корявые словечки плохо ложились на язык Райх, вчерашней Маргерит Готье, озадачивали не только актеров — Василия Зайчикова, Льва Свердлина, Николая Боголюбова и других, но и самого Мейерхольда.

То и дело он помечал на полях режиссерского экземпляра: «Спросить Сейфуллину, как это она произносит?», «Просить Сейфуллину изменить фразу». Сейфуллина объясняла. Сейфуллина меняла фразы. Тем временем художники Л. Силич и Ф. Антонов из кожи вон лезли, стараясь воссоздать на сцене деревню немыслимой красоты: буйное цветение яблонь, золотые стога, роскошные кочаны капусты, щедрые лучи солнца, заливавшие горницу. Актеров Мейерхольд призывал к «большому спокойствию»: человек, который «весь вырос на корнях земли», якобы «этим-то спокойствием и отличается от горожан», он чувствует в себе «необычайную силушку»...

Читать записи репетиций «Наташи», честно говоря, неловко. Александр Гладков, который присутствовал на репетициях, вспоминал: «Мейерхольд не признавался, что пьеса его не увлекает: в этом смысле он совершенно не был циничным. Он и нас уверял, что увлечен, и себя самого, вероятно, старался в этом уверить».

Да, старался... Но такие старания к успеху не выводят. Спектакль с превеликим трудом дотянули до генеральной репетиции. П. М. Керженцев, председатель недавно созданного Комитета по делам искусств, тогда еще делавший вид, что он желает помочь Мейерхольду (по некоторым сведениям именно Керженцев рекомендовал ему пьесу Сейфуллиной), изобразил на лице огорчение и сочувствие. На самом же деле он был этой неудачей обрадован. ГОСТИМ провалил постановку жизнеутверждающей пьесы о колхозной деревне, следовательно, в руках у Керженцева оказался еще один сильный аргумент против Мейерхольда. Такие аргументы Керженцев подбирал и копил: знал, что пригодятся.

Но если в работе над «Наташей» Мейерхольд и правда зашел в тупик, то репетиции спектакля «Одна жизнь», который он готовил к 20-летию Октября, велись поистине вдохновенно. Пьеса, написанная Е. Габриловичем по роману Николая Островского «Как закалялась сталь», превращалась под рукой Мейерхольда в героическую трагедию. Роль Павки Корчагина вел Евгений Самойлов, Жухрая — Николай Боголюбов, Семы — Лев Свердлин, Человека с бородкой — Василий Зайчиков, немецкого офицера — Сергей Мартинсон. Художником спектакля был Владимир Стенберг, композитором — Гавриил Попов (автор музыки к фильму «Чапаев»). «Поистине рождался новый революционный спектакль»,— писал Габрилович. После генеральной репетиции в зале бушевал «самум оваций». Потрясенный Эйзенштейн ворвался в артистическую и кинулся к Самойлову. «Только что,— заявил он,— я увидел на сцене настоящий революционный порыв и настоящего революционера!»

Актеры не сомневались в успехе. «Мы знали: это будет поворотный спектакль. Вся труппа надеялась: постановкой «Одной жизни» Мейерхольд вернет нам доверие партии». Это слова Боголюбова. «Как только сыграем этот спектакль, все поймут, что стыдно говорить о «мейерхольдовщине»,— слова Мартинсона. «Готовилась и получалась первая настоящая советская трагедия. Суровая, горькая, но опаленная верой в бессмертие идей революции»,— слова Свердлина.

Премьера намечалась на 7 ноября и, судя по всему, обещала стать крупнейшим событием театральной жизни Москвы. Но как раз это-то и не устраивало Керженцева. Со страниц «Правды» «мейерхольдовщина» официально осуждена как порочное явление «левацкого искусства», как «заумь» и «дешевое оригинальничанье», как «мелкобуржуазные формалистические потуги». Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Мейерхольду удалось одним ударом опровергнуть приговор «Правды».

5 ноября спектакль сдавали Главреперткому. Керженцев не пришел, а без него разрешить спектакль никто не мог. Растерянные чиновники попросили Мейерхольда сделать кое-какие мелкие поправки и снова показать свою работу после праздника, 10—12 ноября. Конечно, отсрочка его раздосадовала, но пришлось согласиться. 19 ноября состоялся еще один, несколько менее удачный прогон. «Мы как-то перегорели, играли гораздо хуже,— рассказывал мне Свердлин.— Зал пустой, сидят человек двадцать, и все какие-то сонные. Перед этой публикой не разыграешься...»

Вывести Керженцева и его присных из состояния сонной апатии актерам не удалось. После прогона Керженцев заявил, что спектакль пессимистический и что переделки нужны основательные. И как-то неопределенно пообещал в будущем, спустя какое-то время, снова прийти на «Одну жизнь».

Но он-то лучше всех знал, что никакого будущего у театра Мейерхольда нет и быть не может. 17 декабря 1937 года «Правда» напечатала статью Керженцева «Чужой театр». Постановка «Одной жизни» в этой статье была охарактеризована как «политически вредная и художественно беспомощная вещь», сплошь выдержанная «в гнетущих пессимистических тонах». По Керженцеву, выходило, что Мейерхольд, «пользуясь уже не раз осужденными формалистическими и натуралистическими приемами», якобы сделал основной темой спектакля «фатальную обреченность бойцов революции».

Весь творческий путь театра Мейерхольда статья с маху перечеркивала. О постановках пьес Маяковского в ней просто не упоминалось. Зато сообщалось, что Мейерхольд «упорно добивался постановки пьесы «Хочу ребенка» врага народа Третьякова, которая являлась вражеской клеветой на советскую семью, и пьесы «Самоубийца» Эрдмана, которая защищала права мещанина на существование и выражала протест против диктатуры пролетариата». Мало того, Керженцев добивал оторопевших читателей, напоминая им, что «Землю дыбом» Мейерхольд посвятил Троцкому, то есть «курил фимиам бывшему меньшевику и будущему подлейшему агенту фашизма». Статья завершалась риторическим вопросом: «Разве нужен такой театр советскому искусству и советским зрителям?».

Ответ был предрешен. В газетах сразу появились дружные отклики. Все в один голос гневно требовали закрыть «чужой театр». В театре же шли бурные собрания: актеры отмежевывались от опального Мастера. 7 января 1938 года Комитет по делам искусств издал постановление о ликвидации Государственного театра имени Мейерхольда. Опубликовано оно было на следующий день, но в субботу, 7 января, известие о том, что театр закрыт, уже разнеслось по Москве.

Вечером 7 января состоялось 725-е представление «Дамы с камелиями». Маргерит Готье играла Райх, Армана — молодой артист М. Садовский, который заменил в этой роли М. Царева. Зрительный зал, как всегда на «Даме с камелиями», был переполнен, а за кулисами стояла томительная тишина, только Мейерхольд как ни в чем не бывало, по-прежнему, попыхивая папиросой, заглядывал то в одну артистическую уборную, то в другую и подбадривал исполнителей.

Садовский потом уверял, что Райх в этот вечер играла «с необыкновенным подъемом», что то был «ее самый лучший спектакль». Вполне вероятно, он прав, ибо Райх знала, что этот вечер — последний, и ужас, который она испытала, когда услышала о закрытии театра, как-то отозвался на ее игре, особенно в финале, в сцене смерти Маргерит.

Но, отыграв эту сцену, Райх потеряла сознание. За кулисы Садовский понес ее на руках, Мейерхольд кинулся ему навстречу, сам, перехватив Райх у Садовского, поднял ее на руки, уложил на кушетку.

Меж тем публика в зрительном зале неистово аплодировала, скандируя:

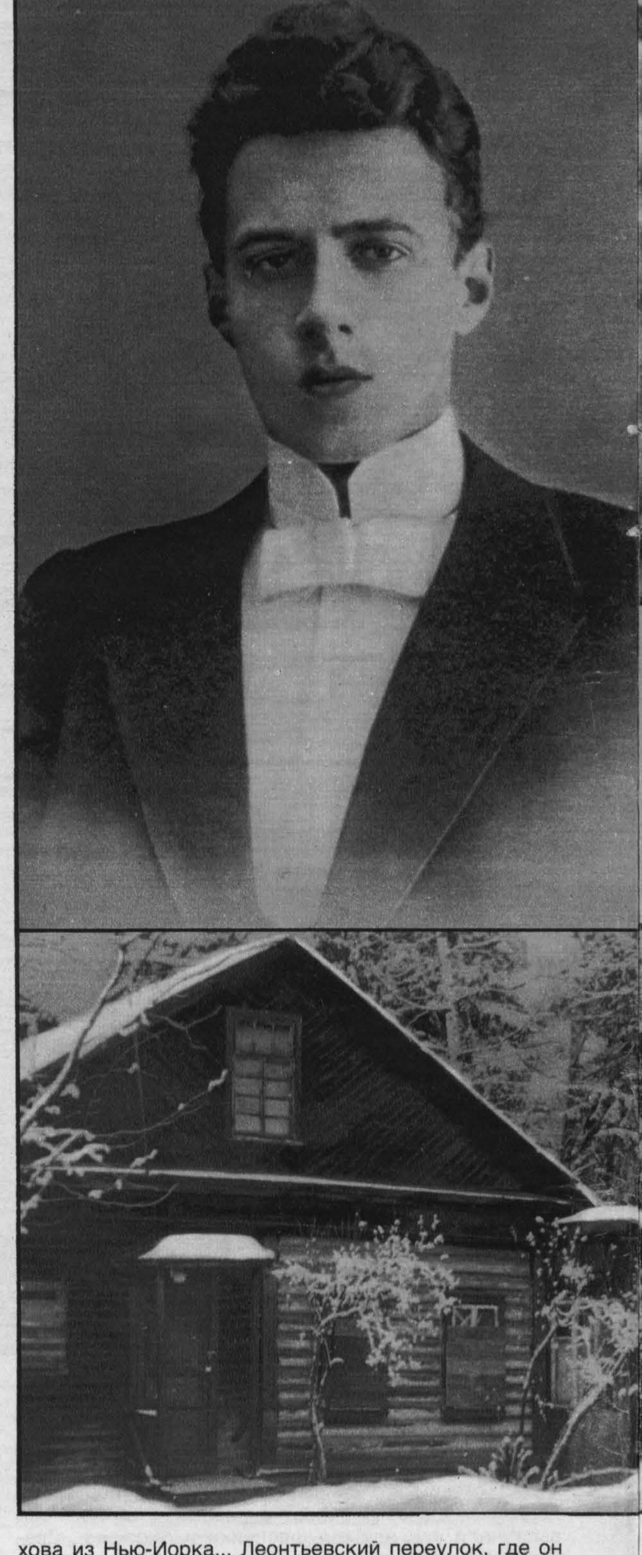
— Мей-ер-хольд! Мей-ер-хольд! Мей-ер-хольд!

Когда же со сцены объявили, что Райх заболела, а Мейерхольда в театре нет, тогда, вспоминал Садовский, «случилось необыкновенное. Вся публика полезла на сцену... Рабочие, бутафоры, пожарники, артисты, взявшись за руки, как могли, сдерживали эту лавину. Но всех сдержать нам не удалось — очень много народу все же оказалось за кулисами».

На следующий день уже никаких следов вчерашнего беспорядка не было. Декорации «Дамы с камелиями» вынесли во двор. Балетный ансамбль Викторины Кригер торопился захватить помещение. Танцоры готовились к вечернему представлению.

«ЕДИНСТВЕННЫЙ РЕЖИССЕР, КОТОРОГО Я ЗНАЮ»...

Через неделю после закрытия театра Мейерхольда, 15 января 1938 года, радио транслировало торжественный вечер в ЦДРИ по случаю 75-летнего юбилея К. С. Станиславского. Поздравительные телеграммы ему летели со всех концов земли — с борта ледокола «Садко» из Арктики, от Шаляпина из Парижа, от Добужинского из Литвы, от Михаила Чехова из Нью-Йорка... Леонтьевский переулок, где он жил, переименовали в улицу Станиславского. Константин Сергеевич не поспевал отвечать на телеграммы (их насчитали более трехсот), благодарить за оказываемые ему почести. Дистанция между общепризнанным гением и опальным, лишившимся театра режиссером казалась огромной, непреодолимой.



Спектакли Московского Художественного театра часто посещали члены Политбюро со Сталиным во главе. Отзывы прессы о спектаклях МХАТа были самые восторженные. Искусство МХАТа воспринималось как эталон, как образец социалистического реализма. Никому и в голову не приходило, что основоположник МХАТа, Станиславский, может проявить какой-то интерес к своему бывшему ученику, ныне заклятому «формалисту» Мейерхольду.

Однако в те самые дни, когда газеты наперебой славили великого юбиляра и восторгались ликвидацией ГОСТИМ, Станиславский позвонил Мейерхольду и пригласил его к себе на Леонтьевский... Они беседовали с одиннадцати утра до шести часов вечера. В итоге долгого разговора Станиславский предложил Мейерхольду работать в качестве режиссера в оперном театре, которым Константин Сергеевич руководил.

Как ни ошеломительно было это известие, тех, кто близко знал Станиславского, оно не удивило. Правда, по-настоящему близко его знали немногие: в последние годы жизни Станиславский мало кому доверял. Но те, кому он доверял, помнили, что год



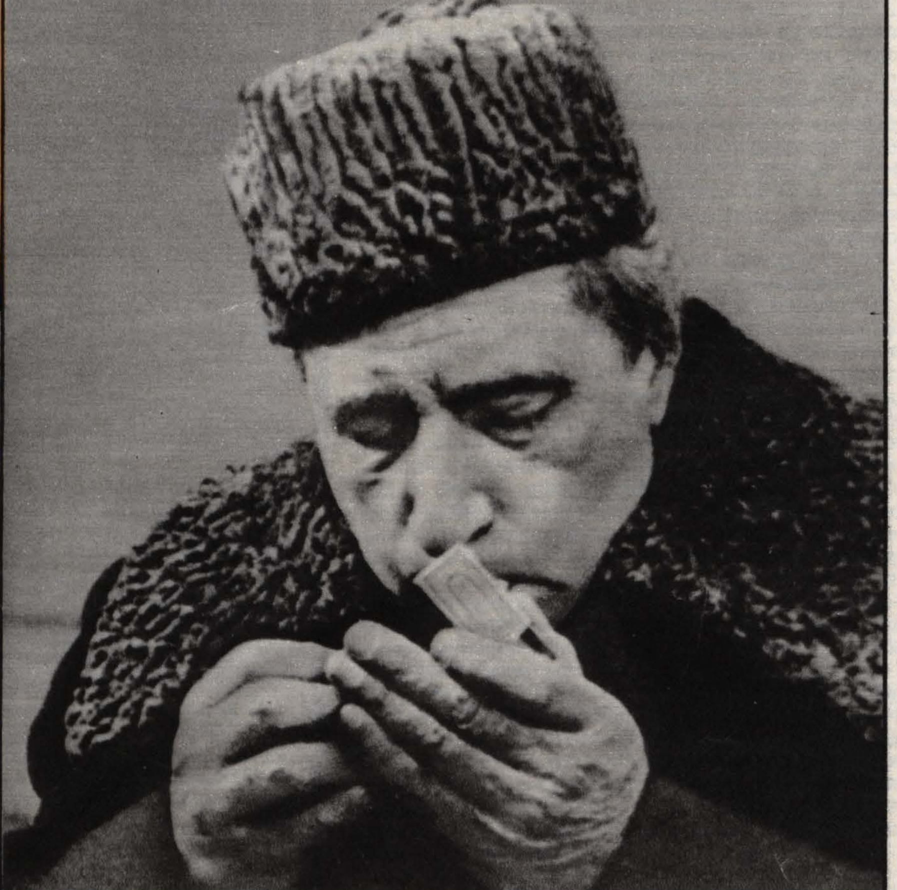
На строительстве нового здания театра. 1937 г.

Всеволод Мейерхольд в 1898 году.

Одна из последних фотографий В.Э.Мейерхольда. 1938г.

Дача Мейерхольда в Горенках под Москвой. 1988 г.





назад, когда его спросили, кого он считает лучшим советским режиссером, Станиславский, не раздумывая, ответил:

— Единственный режиссер, которого я знаю,— это Мейерхольд.

Керженцев, конечно, воспринял желание Станиславского работать с Мейерхольдом как старческую блажь, как вздорный каприз. Он-то намеревался направить Мейерхольда и Райх в заброшенный районный театр имени Ленсовета. Но возразить Станиславскому не осмелился. Его собственные дела все в том же январе 1938 года тоже выглядели достаточно скверно. Увы, его усердие не оценили.

А. А. Жданов, выступая на сессии Верховного Совета, резко упрекнул Керженцева в бездеятельности: зачем он так долго «терпел у себя под носом» зловредный театр Мейерхольда? После чего Керженцев тотчас лишился своего поста.

В мае 1938 года в печати появилось сообщение, что Мейерхольд назначен режиссером оперного театра Станиславского. За это новое дело он взялся горячо и первым долгом повел переговоры о новой опере не с кем иным, как с Шостаковичем. Более того, организовал встречу Станиславского и Шостаковича! Один из ближайших помощников Константина Сергеевича по оперному театру, Юрий Бахрушин, с нескрываемым изумлением вспоминал: «Обнаружилось, что убеленный сединами Станиславский и совсем еще молодой Шостакович говорят об оперном искусстве на одном языке». Кроме Шостаковича, Мейерхольд зазвал в театр и Сергея Прокофьева: по его инициативе Прокофьев начал работать над оперой «Семен Котко».

Но на все эти затеи судьба отпустила Мейерхольду слишком короткий срок. 7 августа 1938 года Станиславский скончался. Больше никто защитить Мейерхольда не мог.

В эти дни зашел Пастернак. Зинаида Райх спросила его:

— Правда же, все стало лучше, сажать перестали?

— Нет, скверно. Недавно в пересыльной тюрьме умер Мандельштам.

Как ни странно, именно с Пастернаком, человеком «не от мира сего», Мейерхольд советовался, стоит ли ему искать личной встречи со Сталиным. В своих мемуарах (еще не законченных) Т. С. Есенина утверждает: «Борис Леонидович отсоветовал».

Руки опускались. И все же, все же!.. Ведь выходило так, что оперный свой театр Константин Сергеевич словно бы завещал ему, Мейерхольду. Это ко многому обязывало. А. И. Назаров, который занял место Керженцева, официально утвердил Мейерхольда главным режиссером Оперного театра имени Станиславского. Первым долгом Мейерхольд перенес на большую сцену оперу Верди «Риголетто», которую Станиславский репетировал дома, на Леонтьевском. Затем собирался возобновить «Евгения Онегина», тоже в постановке Станиславского, и дать в исправленном виде свою постановку «Пиковой дамы», осуществленную ранее в Ленинграде. Но не успел. Афиша премьеры «Риголетто» — последняя афиша, подписанная Мейерхольдом.

День этой премьеры — 10 марта 1939 года — хорошо запомнился Татьяне Есениной: «Было ощущение, будто все возвращается на круги своя. Мать оживленная, красивая, в своем лучшем вечернем платье. Мейерхольд выглядит хозяином, принимающим гостей в новом доме»... Недолго он тут хозяйничал.

13 июня 1939 года в Москве, в Доме актера, открылась Всесоюзная режиссерская конференция. Вступительную речь произнес А. Я. Вышинский. Само по себе появление на этой трибуне главного режиссера фальсифицированных политических процессов, завершившихся расстрелами виднейших деятелей партии и правительства — Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова и многих других, было в своем роде весьма знаменательно. Вел конференцию М. Б. Храпченко, сменивший только что отставленного Назарова. После докладов А. В. Солодовникова, А. Д. Попова, С. М. Михоэлса одним из первых в прениях слово взял Мейерхольд. Его встретили, отмечено в стенограмме, «бурные аплодисменты»; так съехавшиеся со всех концов страны режиссеры выразили сочувствие великому художнику, чья участь — это, вероятно, многие понимали — была предрешена. Подавленный, морально раздавленный, Мейерхольд, однако, еще на что-то надеялся. Тщетно.

В 1955 году в США вышла биография Мейерхольда, сочиненная эмигрантом Ю. Елагиным. В книге Елагина много ошибок, много путаницы. Вполне вероятно, ошибки — невольные, а путаница — результат неосведомленности. Но в виде приложения к книге помещен текст речи Мейерхольда на режиссерской конференции якобы «в записи автора». Вот это уже не ошибка, а прямая фальсификация, которую, однако, многие западные ученые приняли за чистую монету. По Елагину, Мейерхольд будто бы произнес пламенную речь, доказывая, что «театр социалистического реализма не имеет ничего общего с искусством», что его собственное творчество «было лишено формализма», что адресуемые ему обвинения ложны и т. д. и т. п.

Увы, ничего подобного он не говорил. Текст стенограммы, прочитанный Мейерхольдом и его рукой правленый, сохранился. Это была покаянная, сбивчивая речь с неизбежными ссылками на «мудрейшие указания товарища Сталина» и с многократными упоминаниями «грандиозной сталинской эпохи». Мейерхольд клял свои «формалистические выкрутасы», говорил, что решение о ликвидации его театра — правильное, справедливое, мудрое.

Спустя несколько дней очевидец этих событий, секретарь секции драматургов Союза писателей И. И. Чичеров по свежим следам записал: «...В честь Мейерхольда была устроена овация всем залом. Что же делает Храпченко? Он выпускает Мейерхольда, предварительно написав ему шпаргалку: что и как говорить, в чем каяться. Конечно, после бледной и беспомощной речи Мейерхольда это достигает обратного результата»...

«Обратный результат» — острое чувство жалости к Мейерхольду, охватившее аудиторию,— никак не устраивал Храпченко. Подводя итоги трехдневным прениям, он заявил:

«Здесь выступал В. Э. Мейерхольд, он говорил о своих ошибках. Но признание ошибок было формальным. Партия учит нас, что дело вовсе не в том, чтобы признать ошибки, а в том, чтобы показать существо этих ошибок... Вот об этом В. Э. Мейерхольд ничего не сказал. Он ничего не сказал о характере своих ошибок, которые привели к тому, что его театр стал театром, враждебным советскому народу».

Этот вердикт Храпченко изрек 19 июня. Был ли Мейерхольд на заключительном заседании режиссерской конференции, установить не удалось. Известно только, что в тот вечер он «Красной стрелой» выехал в Ленинград, а на следующий день, 20 июня 1939 года, в Ленинграде за ним пришли.

Незадолго до ареста Мейерхольд пытался дозвониться в Москву. Райх услышала его голос, но ответить не успела — разъединили. К ней тоже пришли: на квартире Мейерхольда в Брюсовском переулке уже двенадцатый час кряду шел обыск.

СОКРОВИЩЕ

Во время обыска была, как водится, составлена опись. В нее внесли и архив Мейерхольда. При этом пересчитывать папки люди с Лубянки не стали: то ли на глаз, то ли наугад обозначили в описи: «40 папок». Их беспечность объяснялась просто: архив оставался в той части квартиры (кабинет Мейерхольда и передняя, прилегавшая к кабинету), которую они заперли и опечатали. Красные сургучные печати надежно гарантировали неприкосновенность мейерхольдовских бумаг, вскорости подлежавших конфискации.

Но не прошло и месяца, как при таинственных, до

сих пор нераскрытых обстоятельствах, в этой самой квартире, у себя дома, была убита Зинаида Николаевна Райх. Неизвестные нанесли ей девять ножевых ранений, и в машине «Скорой помощи», по пути в Институт Склифосовского, она скончалась. Сразу же после ее похорон всю семью Мейерхольда и Райх в самом спешном порядке, без церемоний, выселили с Брюсовского.

«Сорвали все печати, распахнули двери и велели вывезти все имущество, включая описанное»,— рассказывает Татьяна Сергеевна Есенина. «Включая описанное!..»

Письма Татьяны Сергеевны, сдержанные, суховатые, лежат передо мной. Лишь кое-где прорывается горькая ирония, слышится неутихшая боль. А я, перечитывая эти письма, вспоминаю синие есенинские глаза дочери поэта и падчерицы режиссера — внимательные, строгие, требовательные. Они требуют одного: правды. Мне разрешено познакомить читателей с содержанием ее писем. И благодаря Татьяне Сергеевне я могу сейчас впервые без утайки рассказать всю захватывающую историю архива.

Как ни потрясены были всем происшедшим родные Мейерхольда и Райх, как ни парализовала их волю двойная трагедия, обрушившаяся на семью, тем не менее они действовали поспешно и целеустремленно. Муж дочери Мейерхольда, Татьяны Всеволодовны, Алексей Петрович Воробьев, который заведовал автобазой, прислал грузовик, и все имущество развезли по разным адресам — часть на Новинский бульвар (где жила сестра З. Райх, О. Н. Хераскова), часть — на Зацепу (где пасынку Мейерхольда, Косте Есенину, дали крохотную комнатку в коммунальной квартире), часть — на дачу в Горенки (где жила Таня Есенина с мужем и ребенком и куда перебрались старики — родители Райх), часть — на квартиру Воробьева и Татьяны Всеволодовны в Петровском переулке (ныне ул. Москвина). Все, что было описано, отправили подальше, на дачу. Но архив сперва попал к Татьяне Всеволодовне. Через несколько дней, спохватившись, Воробьев переправил архив на дачу.

«Все папки перетаскали на мансарду под крышей. Здесь, наверху, этим летом никто не жил, никто сюда не ходил — старикам трудна была крутая лестница,— пишет Татьяна Сергеевна.— Я думаю, вы уже догадываетесь, что теперь следовало сделать с архивом? Надо было отделить для конфискации 40 папок, наполнить их чем-нибудь таким, чего не жалко, а остальное спрятать». И все это надлежало осуществить проворно, быстро. Она предчувствовала: «вот-вот нагрянут».

Весь труд Елены Александровны Александровой, очень тщательно разобравшей и упорядочившей архив, сразу пошел насмарку. Первым долгом Татьяна Есенина без колебаний вытряхнула на пол все содержимое папок и начала разбирать огромную гору бумаг. «Я работала три дня и разделила архив на три неравные части». Все то, что казалось ей менее ценным — вторые экземпляры стенограмм, вырезки из газет, всевозможные бланки, зеленые обложки журнала Доктора Даппертутто «Любовь к трем апельсинам» и т. д., распихивалось в сорок обреченных папок. «Но я была в лихорадочном состоянии, и когда мне казалось, что в папку для правдоподобия надо положить кое-что посущественнее, я это делала. А что именно положила такое, чего было жалко,— в спешке и не запомнила». Эти сорок предназначенных к конфискации папок она упрятала в дорогой, нарядный итальянский сундук. Отдельно она откладывала все, что, по ее разумению, должно было быть спасено: рукописи Мейерхольда, его дневники и записные книжки, уникальные фотографии, первые экземпляры стенограмм бесед и репетиций. Наконец, все письма к Мейерхольду Таня сложила в черный кожаный чемодан, когда-то принадлежавший ее отцу, Сергею Есенину.

Есенинский чемодан и все заветные рукописи решено было спрятать в укромном углу чердака. Еще в детстве, когда Таня впервые забралась на чердак, она с удивлением обнаружила, что между крышей и стенкой мансарды есть замкнутое пространство, нечто вроде отсека, и что туда можно под крышей пролезть. Это таинственное место, «куда не ступала нога человека», Таня тогда с гордостью показывала соседским ребятишкам. «Несколько раз мы туда лазили, а потом надоело». И вот теперь в этот тайник, оторвавши несколько досок, сделали проход, свалили туда целую гору папок, а на папки — черный чемодан с письмами. Помогали Татьяне Есениной ее муж, Володя Кутузов, и Володина сестра Валя. После чего доски приколотили на прежнее место. Архив Мейерхольда был наглухо замурован.

Через месяц, как и предчувствовала Таня, нагрянули с Лубянки. «Их было двое в форме... Мы с Валей вытащили богатый итальянский сундук на середину комнаты, приговаривая, что сундук легкий, что нести его легко и что в нем ровно сорок папок, пусть пересчитают»... Сундук выглядел весьма заманчиво. Сообразив, что заодно с папками им отдадут такую дорогую вещь, гости заторопились, даже пересчитывать папки не стали. Когда они уехали, Татьяна Есенина, думаю, была белее мела. Впрочем, сама она об этом не упоминает.

Прошло почти два года. Началась война, начались бомбежки. Вблизи Горенок находился большой номерной завод, поэтому бомбили и Горенки. Деревянные дачки сгорали дотла. Жить за городом стало опаснее, чем в городе, а мысль о том, что от одной «зажигалки» вместе с дачей неминуемо погибнет архив, не давала покоя. Вот тогда-то Татьяна Есенина и обратилась за помощью к Эйзенштейну, тогда-то он и произнес: «Хорошо, я возьму». И приехал. Его шофер топором вскрыл стенку мансарды. Сергей Михайлович хмыкнул, сказал: «Романтично!», залез в тайник и выбрался оттуда с черным чемоданом в руке. Этот чемодан писем он решил забрать сразу же.

Какие, однако же, поразительные перекрестки бывают на дорогах истории! Вообразите: Эйзенштейн выходит из ветхой подмосковной дачки, садится в машину, ставит рядом с собой чемодан Есенина, а в чемодане — архив Мейерхольда, письма Чехова, письма Блока, письма Комиссаржевской!.. Фантастика? Но все именно так и было жарким августовским вечером 1941 года...

Основную, более массивную часть архива Эйзенштейн с собой взять не мог. Нужен был грузовик. Где взять грузовик? Конечно же, у Алексея Петровича Воробьева. Зять Мейерхольда, Воробьев, «прелестный, тихий человек, сказал, что машина будет и что за руль он посадит своего родного брата, который до того молчалив, что больше двух слов зараз не произносит. И в назначенный день и час пришел грузовик, именно такой, какой был нужен — крытый фургон с запирающимися сзади дверцами. Документы у молчаливого водителя были в ажуре — он имел наряд на провоз какого-то количества центнеров молока. Сложили папки, мы с Володей залезли в фургон, и нас заперли снаружи. Ехали в Кратово через Москву. И мне впервые за всю эпопею было страшно».

Это из письма Татьяны Сергеевны. Напомню: Володей звали ее мужа. Читаем дальше:

«Мы ехали, по сути дела, уже по военным дорогам, машины то и дело останавливали, проверяли документы и грузы, особенно при въезде и выезде из города. Но ведь нам до того везло с этим делом, что до сих пор суеверие охватывает. Машину несколько раз останавливали, документы проверяли, а посмотреть, как выглядят бидоны с молоком, не выразили желания. Приехали. У калитки нас встретила мать Сергея Михайловича. Перетаскали папки в дом и сложили в какое-то странное вместилище — необыкновенно глубокий стенной шкаф без полок и перегородок. Сергея Михайловича не было, и больше я его никогда в жизни не видела».

Друг Эйзенштейна, актер М. М. Штраух, поведал о том, как однажды — видимо, уже после войны — Эйзенштейн приехал к нему и таинственно сообщил:

— У меня на даче находится весь творческий архив Мейерхольда!

Несколько раз Штраух помогал Эйзенштейну «разбирать эти ценнейшие документы. Надо было видеть в эти мгновения Эйзенштейна! Он весь сиял! Он мог просиживать с утра до поздней ночи, любовно перебирая листок за листком,— он брал их в руки, читал, перечитывал, не мог налюбоваться...»

В феврале 1948 года Эйзенштейн умер. В октябре того же года его вдова Пера Аташева передала все мейерхольдовские материалы в ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства), где две молодые сотрудницы, Майя Михайловна Ситковецкая и Валентина Петровна Коршунова, снова их разобрали, систематизировали, привели в полный порядок. С середины 1950-х годов «сокровище» открыто для исследователей, и все вышедшие в свет издания театрального наследия Мейерхольда еще его не исчерпали. Готовится новое, шеститомное издание, оно, будем надеяться, даст нам неизмеримо более ясное представление об искусстве и исканиях Мейерхольда.

Но, вспоминая, как было спасено сокровище и какой фантастический оно проделало путь, невольно думаешь, что пора бы и вернуться к началу этого пути. Что надо создать музей-квартиру Мейерхольда в Брюсовском переулке, там, где бывали у него Шостакович и Пастернак, Прокофьев и Шебалин, Эрдман и Олеша, все трое Кукрыниксов и Родченко, Вишневский и Сельвинский, где частенько садились к роялю Софроницкий и Оборин, где Кончаловский писал его портрет, где Маяковский читал «Во весь голос»... Что необходимо превратить этот музей в серьезнейший научно-творческий центр по изучению искусства Мейерхольда. Об этом давно уже хлопочут виднейшие мастера нашей культуры.

А Моссовет молчит. Несколько лет назад симпозиум, посвященный творчеству Мейерхольда, состоялся в Стокгольме. Где будет следующий? В Мюнхене, в Мехико, в Чикаго? Или все-таки в Москве, на Брюсовском?

Нынешним летом по решению ЮНЕСКО мировая общественность торжественно отмечает 1000-летие введения христианства на Руси, что стало крупным событием в европейской истории и мировой культуре. Наш корреспондент Станислав Калиничев беседует с митрополитом Киевским и Галицким Филаретом — экзархом Украины.

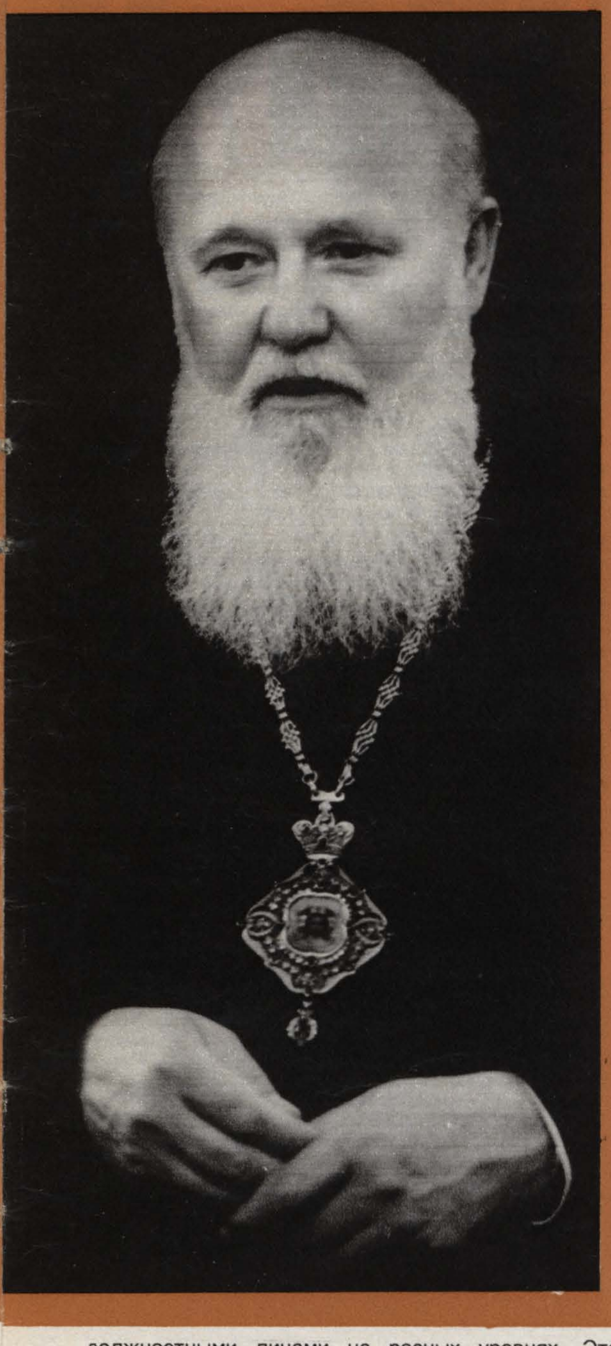
ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

С. К. Ваше высокопреосвященство!.. Прежде чем идти сюда, я наводил справки: какова принятая форма обращения к вам? И со стыдом подумал: я знаю, как обратиться к иностранцу, капиталисту, к самому господину Рейгану, а к вам, который представляет верующих граждан моей республики (а ведь это более четырех тысяч только церковных приходов!),— не знаю. Разве это нормально? Не кажется ли вам, что отношения между верующими и неверующими согражданами сложились у нас не лучшим образом?

М. Ф. (митрополит Филарет). Тут есть над чем задуматься. Существует внутреннее средостение, невидимая перегородка... С одной стороны, мы говорим о том, что и неверующие, и верующие составляют единое социалистическое общество. Ни в одном законодательном акте не говорится о верующих как об отдельной части населения, чья деятельность нежелательна или вредна для общества. У нас хорошая Конституция, хорошие законы, трактующие уважительное отношение к верующим гражданам. В докладах государственных деятелей и вообще официальных лиц, которые занимаются воспитательной работой, налицо благожелательное отношение к верующему человеку... Это если говорить об официальной стороне дела. И далеко иную картину увидим мы, если взглянем на это с другой стороны — насколько государственные установки отражают ежедневную живую практику.

С. К. Вы хотите сказать, что есть разрыв между словом и делом?

М. Ф. Увы! Одно пишем и говорим, а совершенно иное делаем — и это нередко. Если подняться над мелочами и частностями, а пролить свет на глубокие, повсеместно распространенные приметы этого разрыва, укажу на застарелую предвзятость в отношении к верующим, которая всячески подогревается — порой безграмотно и некорректно — многими



должностными лицами на разных уровнях. Этот факт очевиден. Кто станет отрицать, что верующий человек на заводе, фабрике, в учреждении боится открыто говорить о том, что он верующий? Почему такое происходит? Ведь с точки зрения советских законов к нему не может быть никаких претензий. А вместе с тем, когда окружающие узнают, что их товарищ — инженер, скажем, или агроном в колхозе, или еще какой работник — является человеком верующим, принадлежащим к церкви, то от него или хотят избавиться, чтобы «не портил» репутацию здорового коллектива, или же начинают активно перевоспитывать, чтобы он отказался от своей веры. К сожалению, большинство идеологических работников даже не понимают, что подобное вмешательство в святая святых личности оскорбительно, оно унижает. Одно дело — проводить воспитательную работу путем чтения лекций, издания книг и т. п. Но когда начинают человека верующего прилюдно «прорабатывать», когда оскорбляется то, что для него свято... Какое уж тут уважение!

Если мы хотим, чтобы верующие более активно участвовали в строительстве и совершенствовании нового общества, то мы прежде всего должны снять этот барьер, чтобы никому не было дела до того — верующий человек или неверующий. Именно в этом суть ленинского Декрета от 20 января 1918 года.

С. К. Широкая демократизация нашей общественной жизни неизбежно должна вернуть истинное толкование свободы совести в ее практическом осуществлении...

М. Ф. Обнадеживает то, что сейчас об этом много и искренне говорится в нашей прессе. Совесть является общей платформой для деятельности всех граждан нашей страны, больше того, всех прогрессивных людей мира. На этой платформе мы можем нравственно объединиться: христиане и нехристиане, верующие люди и атеисты. Если атеисту его мировоззрение помогает стать нравственно выше и совершеннее, духовно расти, очищать свою совесть до состояния, когда она чутко реагирует на несправедливость и является неподкупным судьей, то это хорошо. Если же православному христианину церковь помогает очищать свою совесть и духовно совершенствоваться, значит, он и должен руководствоваться своей верой. Важно, чтобы все люди поступали по совести и у себя в семье, и на производстве, и в общественной жизни.

Беда наша в том, что на протяжении долгого периода (я говорю не только о недавних годах и даже десятилетиях) само понятие совести было как-то обесценено. Ее глушили, ею пренебрегали, просто считали, что голос совести менее важен, чем голос с трибуны. А ведь на поверку вышло, что на трибуну нередко поднимались те, у кого совесть была нечиста, у кого она как бы находилась в летаргическом сне. Это хорошо, что сейчас у многих совесть просыпается, она заговорила, стала давать объективную, справедливую оценку действиям. Без этого нет и не может быть движения по пути нравственного совершенствования. И мне кажется, чтобы сдвинуть нашу общую проблему перестройки, проблему совершенствования социалистического общества, надо прежде всего обращаться к совести. Стереть грань между словом и делом. В Евангелии сказано: пусть у вас будет да — да, нет — нет. Значит, если «да» — слово, то и «да» — дело. А если слово — «нет», то и дело — «нет».

С. К. Скажите, Ваше высокопреосвященство, каково ваше восприятие, ваше отношение к наступающему юбилею введения христианства на Руси?

М. Ф. Я думаю, не случайным, а знаменательным является то, что подготовка к тысячелетию крещения Руси совпала с нынешним процессом перестройки. Думаю, это очень важно. Юбилей дает нам повод оглянуться на нашу историю, что особенно важно в переломные моменты жизни народа. Многое из своей истории мы знаем еще недостаточно или односторонне, а должны знать хорошо, потому что, забывая прошлое, человек лишает себя будущего.

Нам есть что вспомнить, у нас богатое прошлое. И хотя в истории нашего Отечества было много тяжелого, сложного, было немало недостатков и ошибок, но есть колоссальное богатство духовное, которым мы еще до обидного мало пользуемся. Вдумаемся, какие тягчайшие испытания выпали на долю нашего народа: татаро-монгольское иго, смута начала семнадцатого века, нашествия иноплеменников с востока и запада. Все было... Но народ не только выстоял, перенес все эти испытания, но и окреп. Вспомним Великую Отечественную войну — ужасные, невиданные по своим масштабам испытания. Но мы победили, потому что народ имел здоровую сердцевину, духовно был крепок. Нравственные качества, моральные принципы стояли у него на первом месте. Люди умирали, но не склоняли головы перед врагом.

Конечно, мы отдаем дань нашим полководцам, руководителям за их таланты и организаторские способности. Это имело огромное значение. Но мы должны помнить, что главным, решающим условием победы был дух народа, душа народа, которая помогала человеку выстоять на поле сражения, до последней капли крови защищать свое Отечество и работать в тылу во имя победы до последних сил. В самые черные дни тех испытаний лучшие представители церкви были с народом. Не случайно в своей первой после начала войны речи Сталин обратился к народу: «Братья и сестры!»... Это очень много значило, потому что морально, духовно объединило всех нас в единое целое. Тут сработала великая традиция, восходящая к «Слову о полку Игореве» и еще далее — к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона, по которой жители Пскова или Новгорода, Галича или Тмутаракани осознавали себя детьми одного народа, одного Отечества.

С. К. Так что предстоящий юбилей можно воспринимать и шире, чем просто памятную дату в истории православной церкви?

М. Ф. Безусловно. Первое доказательство тому — сколь широкий размах приобретает празднование этого юбилея. Он привлек к себе внимание не только всего христианского мира, но и других религий и государств. Его официально отмечает ЮНЕСКО. Чем объяснить столь живой интерес? Да тем, что на конференциях, которые проходят в разных странах и у нас в Советском Союзе, где мы обращаем свои взоры на различные моменты нашей тысячелетней истории, раскрываются и осмысляются огромные духовные богатства православной церкви, как раз те сокровища, в которых больше всего нуждается сегодняшний мир, народы всей планеты.

Не будем забывать, что эпоха Возрождения началась когда-то с интереса к прошлому, с переосмысления духовного наследия. Сейчас на земле немало государств и народов, чья история насчитывает всего лишь одно-два столетия или того меньше. Их прежде всего интересует, что же представляют собой наши духовные сокровища, где и как закладывались корни нравственности, богатства русской души и нельзя ли позаимствовать что-то для себя?

Культура нашего Отечества во многих своих направлениях связана с христианством — возьмем ли мы архитектуру, живопись, музыку, древнюю русскую литературу... вообще литературу, потому что литература девятнадцатого века, хоть она не религиозная, выросла из той литературы, пропитана той же высокой духовностью. Возьмите Толстого и особенно Достоевского, Гоголя, Пушкина... Все настолько духовно и нравственно, что мы этим и живем.

Позволю себе несколько отвлечься, но порою отвлечения ярче освещают главное... Что нас больше всего волнует и в русской, и в советской литературе? Не ошибусь, если скажу: те произведения, которые затрагивают человеческие души, мир наших чувств, нашей нравственности. В этом сущность человеческой жизни, ее бытия. Когда произведение затрагивает эти струны, его читают. А что не касается души, ее жизни, ее нравственных поисков и совершенствований — это все преходящее, временное, это уже завтра читаться не будет. «Душа обязана трудиться!..» По-моему, очень хорошо сказано поэтом.

Сегодня мы с интересом читаем произведения о Великой Отечественной войне. Это не потому, что нам нравится война, а потому, что в те годы наибольшим испытаниям подвергались наша совесть и наша нравственность. Какие изумительные качества души народной выявились в те годы! Мы знаем тысячи и тысячи примеров, когда люди сознательно шли на смерть, чтобы отвести беду от своих ближних, от своего Отечества. Но в то же время обнаружились, открыли себя и шкурники, и предатели. Кто они? Да те, у кого не оказалось души, кто потерял совесть, потерял все святое.

И вот, возвращаясь к тысячелетию, главным в этой дате вижу возможность воскресить в нашей памяти, в душе все лучшее, святое, что было у наших предков. Конечно, мы увидим в прошлом и недостатки, проблемы, несправедливости. Историю не надо подправлять задним числом, надо видеть ее всю и такой, какою она была, но для строительства будущего отбирать из нее лучшее.

С. К. В последние годы и в прессе, и в выступлениях официальных лиц, бесспорно, признаются ошибочными действия тех, кто в 30-е годы взрывал храмы. В киевских газетах уже высказывалась мысль, что хорошо бы восстановить Михайловский Златоверхий собор, взорванный в те годы. И вот я думаю, что те, кто сегодня спокойно взирает, как разрушается ценнейший памятник нашей культуры, но не позволяет восстановить его, поступают не лучше тех разрушителей 30-х годов. А в чем-то даже хуже. Те хоть не лицемерили.

М. Ф. Вот, например, в Черкасской области есть Красногорский монастырь — памятник семнадцатого века. Он разрушается, уже деревья растут на его стенах. Мы обращались в соответствующие органы: если у вас нет средств, нет возможности спасти этот храм — отдайте его церкви. Она его восстановит, приведет в достойный вид. Но не отдают.

Вы знаете, что нежилой дом от нежити разрушается. И вот закрытый храм доводится до такого состояния, что становится уже аварийно опасным, становится бельмом на глазу, на него уже начинают пальцем показывать. И тогда, чтобы не смеялись посторонние, его уничтожают совсем...

Говоря о людях вообще, безотносительно к тому, верующие они или неверующие, убежден: нельзя назвать интеллигентным человека, который пренебрежительно, свысока относится к тем, кто религиозен. Тем более, если это вера многих поколений предков.

С. К. Вы говорили о том, что подготовка к тысячелетнему юбилею не случайно совпала с перестройкой в нашем обществе. Скажите, пожалуйста, какими конкретными делами церковь могла бы внести свой вклад в достижение целей перестройки?

М. Ф. Перестройка затронула все стороны жизни: от перемен в экономике, социальной сфере, в духовной, нравственной жизни и до нового мышления в отношениях между державами. Русская православная церковь вносит свой вклад в дело защиты мира, утверждения доверия между народами, налаживание контактов между ними. Но есть и ряд других дел, где мы могли бы активно сотрудничать с государственными учреждениями. Взять хотя бы больницы, дома для престарелых и другие подобные заведения, которые в старину назывались богоугодными, которым противопоказана казенщина, где необходимо участие человеческой души. Но в настоящее время церковь не может заниматься благотворительной деятельностью, потому что это противоречит некоторым нынешним законоположениям.

Между тем почти во всех социалистических странах у церкви есть свои больницы, дома для престарелых, дома для неполноценных детей. И церковь не только их финансирует, но и направляет туда людей, которые служат там в первую очередь из чувства милосердия, они там утоляют свою потребность души делать людям добро.

С. К. Не зарплата их привлекает туда...

М. Ф. Именно. Прежде всего духовно-нравственные побуждения. Сейчас Советское правительство передало церкви Толгский монастырь в Ярославской области. С какой целью? Во-первых, этот монастырь как памятник архитектуры будет восстановлен. Затем там будет женский монастырь, который станет обслуживать дом престарелых церковнослужителей. Туда мы будем направлять своих пенсионеров, у которых нет близких родственников и которые нуждаются в постороннем уходе. И там сестры монастыря будут ухаживать за ними. Так вот, если мы это можем в рамках церкви, для своих собственных нужд, то почему бы не пойти дальше? Государство могло бы предоставить нам такую возможность в Москве, Киеве, других городах, где порою становится почти неодолимой проблемой поместить в дом престарелых даже весьма заслуженного человека, нуждающегося в постороннем уходе.

Я с большим интересом прочитал в «Известиях» за 14 января 1988 года статью «Милосердие». Автор рассказывает, что в Торонто, в Канаде, есть больничный комплекс, куда люди приходят выполнять свой долг милосердия. Они работают бесплатно, по велению своей совести, из духовной потребности помочь страдающим. Неужели мы столь жестокосердны, что не могли бы в больницах проявлять дела милосердия?

С. К. Помимо чисто практической пользы, оказания лечебной помощи, такого рода учреждения не могли бы не оказать положительного влияния на нравственный климат общества.

М. Ф. Вы правы. Когда человек не знает или не хочет знать о горестях других, его сердце черствеет. А когда соприкасается с недугами, горем людей, он становится человечнее и добрее, потому что в нем пробуждаются сострадание, любовь.

С. К. Я читал, что когда-то в русском языке слово «жалеть» было равнозначным слову «любить».

М. Ф. Зная это, легче понять, что любовь к человеку — и смысл нашей жизни, и наше счастье... В этой области человеческой деятельности мы могли бы налаживать более тесное сотрудничество с государственными и общественными организациями. Ведь успехи перестройки в значительной степени будут определяться подъемом нравственного уровня общества.

С. К. ...Недавно у нас на собрании в Союзе писателей Украины поднимался необычный вопрос: как, по каким официальным каналам (где их найти, эти «каналы») обратиться к руководству русской православной церкви, чтобы оно передало хоть пару сотен экземпляров Библии для нашей лавки писателей! И смешно, и грустно. А ведь если разобраться, то разве можно считать образованным человека, который не знаком с этой книгой? Наконец, мы начинаем понимать безнравственность позиции, когда многие дружно осуждали или обсуждали, не будучи даже знакомыми с самим предметом обсуждения!

М. Ф. Выступая недавно в «Огоньке», председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. М. Харчев среди негативных явлений тридцатых годов назвал запретительно-ограничительные меры, результатом которых явилось массовое и необоснованное закрытие молитвенных зданий, игнорирование законных прав верующих и их религиозных чувств... Сейчас пришла пора исправления многих ошибок.

С. К. И уж во всяком случае, не делать новых!

М. Ф. В связи с этим хочу поставить такой вопрос. Киево-Печерская лавра — наша национальная святыня. Этого-то, надеюсь, нельзя отрицать. Почему же из многих ее храмов, ныне пустующих и разрушающихся, не отдать церкви хотя бы один, чтобы в нем шла служба? Неужели действующий храм нарушит колорит Киево-Печерского государственного историко-архитектурного заповедника?

С. К. И последнее, о чем я хотел бы вас спросить. Как планируется провести юбилейные мероприятия в Киеве? Где и когда они пройдут и в чем будут выражены?

М. Ф. Юбилейные торжества в Киеве станут составной частью единого празднования 1000-летия крещения Руси, которое будет проходить с 4 по 16 июня в Москве, Киеве, Владимире и Ленинграде. В этих городах в свое время находились кафедры первосвятителей Русской православной церкви.

В Киеве празднование намечается провести с 14 по 16 июня с участием почетных гостей. В его программе много интересного — от богослужений до большого концерта и до возложения венка на могилу Неизвестного солдата в парке Славы...

С. К. Спасибо за беседу.

НЕБОСКРЕБ И

Владимир СИМОНОВ
Фото автора



И все-таки великаны, протыкающие небо, оставались для меня символом заокеанской цивилизации, которая словно торопится удивить остальной мир своими масштабами, дерзостью размаха, этим исконно американским «чем больше, тем лучше». Так где же они, вавилонские башни XX века?

Людской водоворот в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди; усердные таможенники, не ведающие о переменах в нашей стране и все еще пытавшиеся нащупать в моих чемоданах излишний запас водки; носильщик, сделавший как-то так, что я сам погрузил эти чемоданы на его тележку, в то время как он величественно помахивал коричневым пальцем; бесшумный прыжок мощного, герметически запечатанного автомобиля через пригород Куинс к Нью-Йорку — все это воспринималось как прелюдия к небоскребам.

И вот машина вынеслась на мост Трайборо. Разом, будто кто-то сдернул покрывало с картины, открылась панорама Манхэттена. «Эта сказочная скала, этот корабль жизни», как назвал его американский писатель Томас Вулф, шел мимо своим вечным галсом, задевая ржавые, закатные облака мачтами-небоскребами.

Почему-то меня поразили сперва не небоскребы, а мост. Бруклинский. Две каменные готические арки, как два рыбака, забрасывали железное кружево своих сетей из Манхэттена в Бруклин. Не мост, а старый знакомый. Помните у Маяковского:

«Отсюда
безработные
в Гудзон
кидались
вниз головой».

— А разве это Гудзон? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Ист-Ривер, — покачал головой приятель, сидевший за рулем. Ход моих мыслей он постиг без телепатии.— Ошибся поэт. Может человек поспешить и перепутать реку, хоть он и Маяковский?

Но небоскребы были без ошибки, без обмана. Их нереальные, какие-то космические силуэты были словно вырезаны уличным умельцем из черной фотобумаги и наклеены на закатное небо.

Теперь оставалось дожидаться личных впечатлений на тему о взаимоотношениях небоскреба и человека. Изучать это лучше всего здесь, в Нью-Йорке, где около тридцати зданий имеют высоту более 200 метров. Остальная Америка может едва похвастаться двумя десятками таких гигантов. Впрочем, я хорошо сделал свое «домашнее задание». Каменные джунгли небоскребов антигуманны. Только наивный турист может прийти от них в восторг. Трудящегося американца они давят, загоняют в депрессию, из бетонных ущелий он не видит ни солнца, ни луны. Импровизаций вокруг этого тезиса хватает в одиссеях журналистов-американистов. Стереотип поднебесной, мультиэтажной Америки долгое время сводился к испугу в песенке одесского эмигранта:

«Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой,
то мне страшно, то мне грустно,
то теряю свой покой».

Понадобилось четыре года работы в Нью-Йорке, чтобы понять: рвущаяся к облакам, закованная в стекло и бетон жизнь угнетает далеко не каждого американца. Куда чаще они видят в высотной архитектуре торжество технического гения своей страны. Куда чаще гордо задирают ввысь голову: глядите, чужестранцы, какое чудо могут сотворить экономическая мощь, ум, сноровка Америки!

В каком-то смысле небоскреб — это монумент национальному характеру американца. Его врожденной готовности состязаться — кто выше, кто больше, кто сильнее. Его любви к театральной, вставшей на ходули — чтобы видели издалека — браваде. Его стремлению оставить по себе память новой пирамидой Хеопса.

Кто сказал, что мода на небоскребы умерла? Со 110-этажной башни нью-йоркского торгового центра видна их свежая поросль.

Небоскребы 80-х хотели бы выглядеть прежде всего визитной карточкой их владельцев. Достаточно одного взгляда на Трамп-тауэр, вымахавший на углу Пятой авеню и 56-й улицы, чтобы сообразить: у мистера Дональда Трампа с бизнесом все в порядке. Так оно и есть. 58-этажное творение из стекла, розового мрамора и бронзы с водопадами и рощицами живых деревьев в фойе — магнат, правда, позднее приказал их вырубить, что обошлось ему еще в 100 тысяч долларов,— окрестили «самым роскошным зданием на свете».

Квартирка здесь стоит 2 миллиона. Отсюда можно понять, как сложилось трехмиллиардное состояние сорокалетнего Трампа — сына Трампа, потомственного торговца недвижимостью. Вес таких властелинов земли и жилья в американском обществе колоссален. Небоскреб выше Белого дома не только в прямом смысле. Президенты, мэры, губернаторы добиваются расположения Трампов в надежде пополнить свои избирательные фонды. Модные актеры, блистательные хирурги и адвокаты мечтают обрести гнездышко в престижном районе.

Вот почему журнал «Нью-Йорк» как-то назвал строителей и торговцев недвижимостью «подлинными принципалами американских городов». В чем-то они похожи на свои творения — небоскребы. Причина возникновения небоскреба сводится, как известно, к фантастической дороговизне земли. В той же степени многоэтажность капиталов Дональда Трампа, масштаб его операций во многом объясняются тем счастливым обстоятельством, что 1 га на Манхэттене стоит в пересчете около 70 млн. рублей. Продается здесь даже ...воздух! Хочешь — надстраивай здание, хочешь — расширяй соседнее.

Правда, все это обязывает созидать на века. И приходит шальная мысль: не реже ли отваливалась бы штукатурка и расходились блоки в наших домах, если бы строительные организации как-то рассчитывались с государством за использованную землю? И не больше экономилось бы этой государственной земли?

А внизу, в тени небоскребов кричит, несется на предельной скорости, передразнивает броуновское движение та самая жизнь, которая делает Нью-Йорк, вообще большие города Америки рекордсменами по темпу, стрессу и эмоциональному выжиманию человека. Но присмотримся. Здесь многое не укладывается в привычные стереотипы американистики.

Сравнительно невысокая популярность президента у простых американцев? Но как раз именно эти «простые» с охотой выкладывают доллары, чтобы сфотографироваться вместе с изображением Рейгана в натуральный рост, вырезанным из картона. Эта затея уличных фотографов заразила одно время буквально всю страну. Любовь американца к телевизионным знаменитостям, к политикам-«звездам» не всегда зиждется на классовой основе.

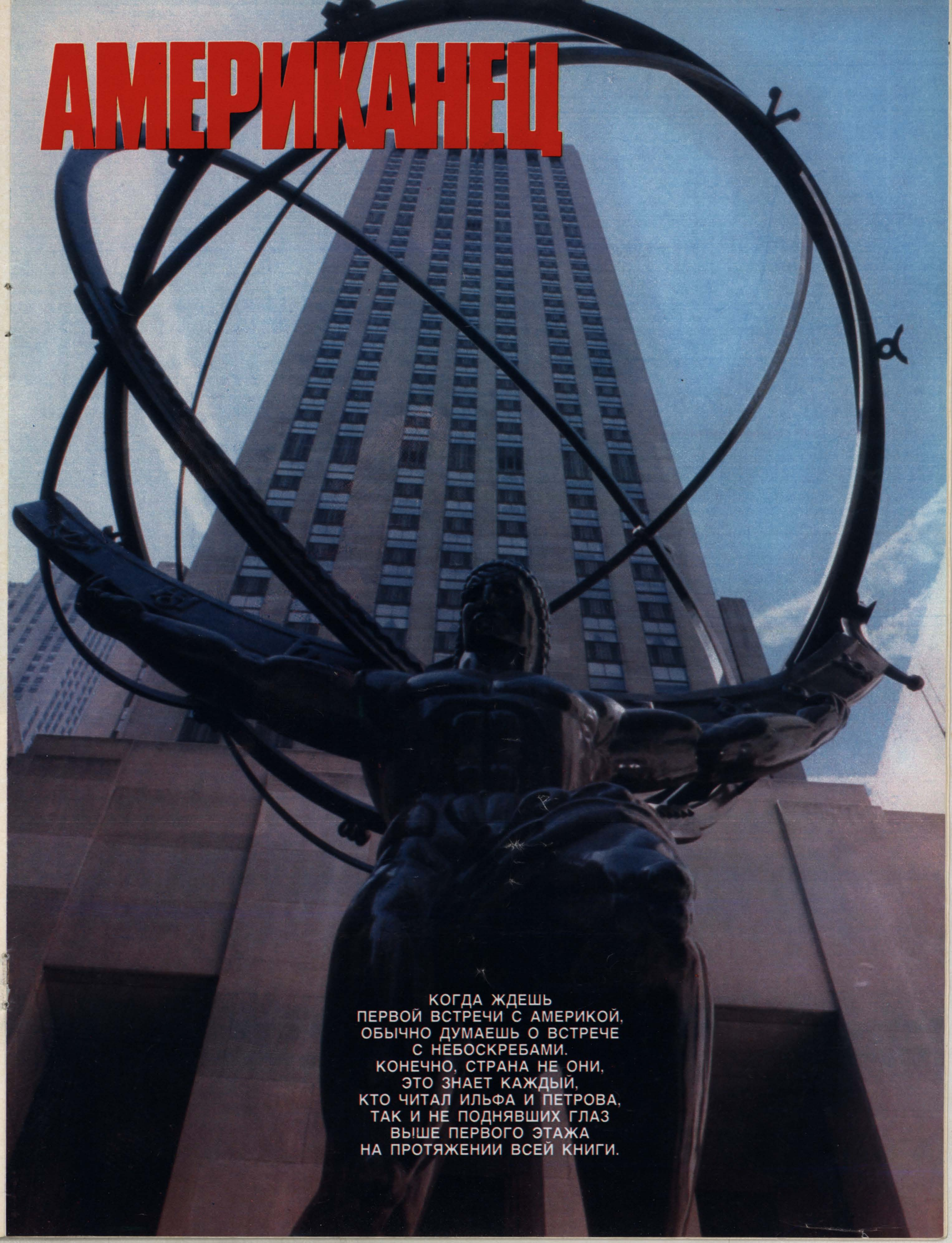
Стандартность американской кухни, не облагодетельствовавшей мир ничем, кроме «хот-догс», «горячих собак» — сосисок и бифштекса с картошкой? Но лишь в одном Нью-Йорке 21 тысяча ресторанов. Описание тех из них, что специализируются на кухне всех мыслимых времен и народов, занимает 12 страниц справочника городских услуг, именуемого «Желтые страницы». Туда не вошли, конечно, толпы уличных лоточников. Эти торгуют чем угодно — от турецкой халвы до «бегеля», завезенного европейскими эмигрантами бублика, который здесь едят с солью и горчицей.

Мэр Нью-Йорка Эдвард Коч любит хвастать: «Русская еда у нас в городе лучше, чем в России». Если мэр имеет в виду московские рестораны, то, по-моему, он не преувеличивает.

Наши исследователи американской сферы обслуживания зорко запримечали, что очередей «у них» нет. Я позволю себе не согласиться. Есть очереди. Скажем, за... деньгами.

Это любопытное зрелище. Американец подходит прямо на улице к окошку в стене, заталкивает в щель пластмассовый квадратик, набирает на клавиатуре компьютера секретный код, затем номер своего счета, потом сумму — обычно в пределах 250 долларов,— и автомат, мягко урча резиновыми валиками, выбрасывает разглаженные, свеженькие, нагретые в его чреве банкноты. Табло тут же показывает остаток вклада.

Электронный банкир к услугам круглые сутки. Приспичило ночью положить деньги на счет? Перевести с одного счета на другой? Проверить, сколько осталось после того, как оплатил чеками счета за аренду квартиры, электричество, воду, телефон, за



АМЕРИКАНЕЦ

КОГДА ЖДЕШЬ
ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ С АМЕРИКОЙ,
ОБЫЧНО ДУМАЕШЬ О ВСТРЕЧЕ
С НЕБОСКРЕБАМИ.
КОНЕЧНО, СТРАНА НЕ ОНИ,
ЭТО ЗНАЕТ КАЖДЫЙ,
КТО ЧИТАЛ ИЛЬФА И ПЕТРОВА,
ТАК И НЕ ПОДНЯВШИХ ГЛАЗ
ВЫШЕ ПЕРВОГО ЭТАЖА
НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ КНИГИ.

покупки в магазине? Пожалуйста. Однако главная задача робота-банкира: выдать американцу ровно такую сумму наличными и точно в тот час, когда он в них нуждается.

Газеты любят поминать «капиталистов с толстыми бумажниками». Образно, но неточно. Бумажники состоятельных американцев давно отощали, да и вообще не бумажники это, а чаще всего раскладные «гармошки» для хранения кредитных карточек. Банки, большие универмаги, фирмы бензоколонок, страховые компании — все они предлагают сегодня колоды пластмассовых жетонов с персональным магнитным кодом.

Америка учится жить без «живых» денег.

Деньги носить опасно. Ограбят, убьют за десятку. Много с собой не возьмешь. Бум компьютерной технологии вместе с модой на кредитные карточки позволяет блестяще решить хотя бы одну денежную проблему: как их, проклятые, удобнее всего потратить.

Философ Артур Шопенгауэр как-то назвал банкноту «абстракцией человеческого счастья». Если принять эту формулировку, то выходит, что счастье в Америке еще более абстрагировалось, превратившись в мириады электронных сигналов, компьютерных команд. Ученые исследуют особую психологию кредитных карточек. Их обладатель, считают, легче идет на крупные покупки, вольготнее сорит деньгами, которых нет в физическом наличии. Этим, кстати, и объясняется пристрастие универмагов и банков к новой форме оплаты, не говоря уж о взимаемых за услуги процентах.







Продолжение на стр. 18.





**ФАКУЛЬТЕТ
НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ПЕДИНСТИТУТА ИМЕНИ ГЕРЦЕНА —
УНИКАЛЬНЫЙ В СВОЕМ РОДЕ
И НЕ ИМЕЕТ АНАЛОГОВ
НИ В ОДНОЙ СТРАНЕ.**





Олег ПЕТРИЧЕНКО.
Фото Эдуарда ДУДКО

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОСТОИНСТВ?

«Можно выглядеть элегантно в шестнадцать и в шестьдесят. Только в шестнадцать это труднее»,— говорят французы.

Всегда вспоминаю эти слова, встречаясь с давней знакомой Т. Ф. Петровой-Бытовой. И всегда поражаюсь — годы, как тяжелый мартовский снег, оседают на ее плечах, не тают от весеннего солнышка и все-таки не властны над ней: все так же подвижна, почти так же неутомима и сказанное отнюдь не реверанс — примерно шестьдесят процентов территории страны занимают земли, где проживают малые народности Севера, и большую часть этих «процентов» она исколесила вдоль и поперек в своих этнографических экспедициях.

Татьяна Федоровна — старший преподаватель, руководитель студенческого ансамбля «Северное сияние» факультета народов Крайнего Севера пединститута имени Герцена. Факультет уникальный: все, что связано с ним, не имеет аналогов ни в одной стране. Здесь учатся внуки тех, кто несколько десятилетий назад совершил небывалый в истории человечества рывок из глубин родового строя в социализм. Боюсь, правда, что понять всю сложность этого превращения могут лишь те, кому довелось побывать в старом, скажем, мансийском стойбище, повстречаться со стариками, увидеть, услышать первобытное камлание шамана...

Годы моей армейской службы проходили на территории Тюменской области, и кое-что из этой старины я еще застал. Тяжелая поступь газовиков и нефтяников еще не тронула тогда изумрудных болот, течения чистых речек не замутили радужные пятна солярки, острый, настоянный на таежном разнотравье воздух хотелось пить, увезти с собой в подарок городским друзьям.

Но друзья уже сами спешили сюда — на вездеходах и бульдозерах. Стальные гусеницы перелопатили не только мох: лет тридцать назад немыслимо было даже предположить, что местные мальчишки и девчонки, не слышавшие паровозного гудка, будут летать за тысячи верст в далекий, неведомый город, чтобы научиться там... языку своих предков.

Таковы парадоксы индустриализации. Долгие годы мы стыдливо замалчивали их, как и многое другое в национальном вопросе. Валюта, хлынувшая из недр земли, воспринималась исключительно как дар божий и не было предела восторгам:

Вы ко мне пришли,
Герои,
Как в легенду,
В темный лес,
Есть болото,
Нет дороги,
И на сотни лет
Объезд.
Я дарю вам
Запах нефти,
Грохот газа,
Древность слов.
Океан тепла и света —
Все для умных
Смельчаков.
Я — мансийская земля!

Так писал всесоюзно известный местный (но живущий в Ленинграде) поэт. Цитирую его по собственной статье, в которой, размышляя о нем, истории края, по молодости тоже взахлеб рассказывал о «героях-первопроходцах, покоряющих дикие, необжитые края».

Увы, дикими они были только для людей пришлых, подчас нравственно не доросших до того, чтобы увидеть, оценить и отстоять неброскую первозданную красоту здешних мест, почувствовать своеобразие, высоту древней культуры давно и не нами обжитых мест...

К счастью, ее увидели и спасли другие.

Татьяна Федоровна увлеклась Севером случайно. Коренная горожанка, страстная поклонница Айседоры Дункан, «великой босоножки», решительно отказавшейся от классических балетных поз, она профессионально занималась хореографией, училась во ВХУТЕМАСе. Однажды, попав на концерт художественной самодеятельности в Институте народов Севера, была буквально потрясена пластикой, эмоциональностью юных нанайцев, эскимосов, хантов, манси...

Рокочущие, завораживающие ритмы барабанов, бубнов, отблеск костров на бронзовых лицах, удивительная естественность движений, рассказывающих о совершенно незнакомой, но такой понятной жизни: охоте на медведя или моржа, весеннем прилете птиц, радостях и печалях любви,— мне тоже довелось пережить какой-то психологический шок от встречи с этим искусством. Было это в начале шестидесятых. Рок-н-ролл набирал первые обороты вокруг планеты, добирался и до нас на магнитофонных лентах и рентгеновских «костях». И вдруг где-то у черта на куличках, почти за Полярным кругом, я увидел и услышал нечто, по своей дикой первобытной силище воздействия заткнувшее за пояс всех заокеанских кумиров! Какой-то непонятный, из самой земли, казалось, исходивший ритм, круживший голову, бешено ускорявший бег сердца. Воистину нет пророка в своем отечестве: и сейчас, узаконив джаз, реабилитировав «Битлз», пережив нашествие афро-азиатской музыки, мы в большинстве своем до сих пор не замечаем, какое богатство лежало да и сейчас лежит почти невостребованным на нашем Севере, малоисследованный фольклор которого поистине хранит в себе воспоминания о будущем... А за все сбереженное большое спасибо Татьяне Федоровне, родоначальнице большинства наших ансамблей — от профессиональных, хорошо известных за рубежом корякского «Мэнго», чукотского «Эргырона» до многочисленных коллективов художественной самодеятельности, взращенных уже учениками ее учеников.

Все это всходы самого первого кружка национальной северной хореографии, основанного ею до войны. Чуть позже начался отсчет многих тысяч километров, проделанных ею на собачьих, оленьих упряжках, колесных пароходиках и всех прочих видах транспорта, двигавшихся в направлении Ледовитого и Тихого океанов. Она жила в самых отдаленных стойбищах, жила одними заботами с оленеводами, рыбаками, охотниками, наблюдая, записывая, запоминая их обычаи, обряды, напевы и танцы. И зимой, вернувшись в институт, вместе со своими учениками-студентами отшлифовывала найденные алмазы, чтобы вновь в первозданной чистоте заблестели они на родине будущих молодых учителей.

Подвижнический, упорный, упрямый труд... Чего ради? Ну, понятно, если бы посвятила себя профессиональному коллективу — вынянчила, вырастила его, поставила на ноги и, глядишь, на этих резвых ножках объехала бы весь свет, заслужила и лавры, и звания.

А она дочь дипломата, вдова известного советского кинорежиссера П. Петрова-Бытова (зрители со стажем хорошо помнят его фильмы «Пугачев», «Каин и Артем»), более двадцати лет жила на мизерные доходы почасовика и все время начинала с нуля, пестуя первокурсников — поколение за поколением. Однако это был единственный и самый честный путь к намеченной цели — сохранению, возрождению искусства северян. Лишь в последние годы ее кропотливая, незаметная работа получила признание — ансамбль стал известен в стране, выезжал в Норвегию, Югославию, Францию, Татьяне Федоровне присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Судьба Т. Петровой-Бытовой типична для интеллигентов ее поколения, понимавших интернационализм как действие, как конкретную помощь другу. Не увлечение экзотикой, а чувство долга, искреннее желание сберечь, не дать окончательно угаснуть костру самобытной культуры руководило ею, как и тысячами предшественников — других русских людей, бесстрашно уходивших в неизведанные, неизученные глубины тайги, тундры, чтобы повести за собой к новой жизни забитые, обреченные царизмом на вымирание меньшинства.

Не только отсталость, но и ненависть стояла на пути пионеров. Ненависть шаманов, купцов, недобитых белогвардейцев. На своем посту погиб первый председатель первого революционного комитета Чукотки петроградец с Путиловского завода Михаил Сергеевич Мандриков, немало учителей пало от предательских выстрелов из-за угла.

Но время не остановить... Осенью 1925 года жители бывшего Царского Села с удивлением смотрели, как по вечерам диковинно одетые — в малицы и унты — люди собирались вокруг костра в глубине старинного парка возле бывшей загородной резиденции царей — величественного Екатерининского дворца, пели, плясали, разговаривали на неизвестных наречиях. Это была первая группа чукчей, нанайцев, ительменов, эвенков, приглашенных учиться на подготовительный рабочий факультет Ленинградского университета. Лишь трое из них умели читать, большинство впервые увидели каменные дома, и всем предстояло за считанные годы пройти путь многих столетий.

Это не было экспериментом этнографов — было началом культурной революции на Севере, целину которого вслед за русскими учителями должны были поднимать свои специалисты. Не только наукам — новой жизни учились вчерашние «остяки и самоеды», поселившиеся в царских апартаментах одного из красивейших дворцов Европы.

Ленинград сыграл особую роль в их судьбе. Вслед за рабфаком, просуществовавшим до 1930 года, был создан Институт народов Севера, готовивший из представителей национальных округов специалистов самых разных профессий. В ленинградском отделении Института языкознания АН СССР были созданы письменности для всех народов Севера, разработаны алфавиты, напечатаны первые в их истории буквари, учебники, книги для чтения.

Таким было начало. Сегодня хрестоматийными стали примеры участия северян в деятельности высших органов власти нашей страны, из их числа вышли министры, талантливые ученые, далеко перешагнула границы страны известность уроженца Чукотки Ю. Рытхэу, манси Ю. Шесталова, нанайца Г. Ходжера, нивха В. Санги, других деятелей культуры.

Но недаром, видимо, говорится, что наши недостатки — продолжение наших достоинств. Справедливо восхищаясь достигнутым, гордясь лучшими, мы как-то не заметили, что грандиозные плотины, возведенные в Сибири, иной раз перекрывают не только могучие реки, но и крохотные ручейки, питавшие ветвистое древо национальных культур малых народностей. Да что малых! Недавно в Ленинград приезжал очень интересный Якутский драматический театр имени П. Ойунского. Естественно, что на спектакль «Добрый человек из Сычуани» постарались попасть, наверное, все молодые якуты, обучающиеся в ленинградских институтах. Противоестественным (во всяком случае, для меня) показалось, что большинство из них, так же как и я, нуждались в переводчике и пользовались наушниками: спектакль шел на их родном языке. Конечно, упрощенно было бы объяснять это, увы, повсеместное явление только индустриализацией Сибири, осуществлением масштабных технических проектов в некогда малолюдных районах, коренным образом изменивших уклад жизни обитателей здешних мест. Все гораздо сложнее. И немало бед наделал тут формализм, стремление к «валовым» показателям недавно почившего в бозе Минпроса.

— Вступительные экзамены будущие наши студенты сдают дома местным преподавателям,— рассказывает декан факультета народов Крайнего Севера А. Козлова.— Здесь проходят только собеседование по родному языку, и результаты его порой бывают просто обескураживающими: свой язык будущие преподаватели не знают, и мы вынуждены начинать с ликбеза, заниматься с ними по школьным учебникам. Зачастую не соответствует требованиям вуза и общая подготовка: как-то из девятнадцати эвенкийских студентов мы вскоре были вынуждены отчислить одиннадцать. Их знания, а тем более прилежание не выдерживали никакой критики.

Или вот познакомьтесь с блестящей характеристикой, выданной Минпросом Бурятской АССР эвенку Павлу Чекундаеву. Прямо хоть на доску почета его! А он всего через месяц пребывания

в Ленинграде совершил преступление... И когда юристы затребовали справки уже по своей линии, оказалось, что он и не комсомолец вовсе, и на учете в милиции состоял. Складывается впечатление, что иногда к нам присылают ребят не столько для учебы, сколько затем, чтобы избавиться от них дома... В среднем к последнему курсу хорошо, если остается половина принятых. Отсев очень большой, хотя не всегда можно винить в этом только учеников. Трудно, очень трудно выпускнику поселковой школы учиться на равных с горожанами. Тем более с воспитанниками, скажем, педагогических классов ленинградского новатора Ильина...

Разумеется, не только о трудностях и заботах рассказывала Антуанетта Георгиевна — факультету есть кем и чем гордиться. Не все автономные округа равнодушно относятся к подбору и дальнейшей судьбе своих посланцев. К тому же и ленинградцы не пассивные наблюдатели — обращались за помощью даже в ЦК партии, и положение пусть медленно, однако изменяется к лучшему.

— Недавно в институте открылся факультет педагогики и психологии дошкольного воспитания, где учатся северяне. А значит, дома преподавать родной язык будем теперь с детского сада,— говорит четверокурсница ханты Таня Покачева.— Важным считаю и то, что минувшим летом наши ребята впервые участвовали в фольклорно-диалектологической практике. Старики уходят, необходимо сберечь для будущего их опыт, традиции, знания. Так что записанные материалы могут оказаться бесценными, пригодятся в учебной, научно-исследовательской работе...

Таня Покачева пошла по стопам мамы, тоже учительницы. После окончания института собирается вернуться либо в родной поселок Аган, либо в одну из школ Нижневартовского района. В мае вместе с манси Мариной Хатаневой и ненкой Ириной Солиндер поедет в Хельсинки на международный симпозиум филологов, где выступит с докладом. Столь высокий уровень подготовки некоторых студентов такая же реальность сегодняшнего дня, как и тревоги декана, о которых рассказано выше.

Однако педагогика не та наука, где из простого сложения успевающих и неуспевающих студентов можно вывести среднеарифметического учителя.

Средненький — кому он нужен? В отдаленных северных районах школа была и долго еще будет своего рода культурным центром и спрос здесь с учителя особый — это должен быть эрудированный, неравнодушный к истории, творческому наследию своего народа человек.

К сожалению, существующая система обучения не слишком способствует его воспитанию. Неясна, например, нынешняя роль самого факультета: понятно, что здесь изучают, преподают родные языки, но основные педагогические знания ребята получают, занимаясь на других факультетах, где своя жизнь, свои заботы.

Оставляет желать лучшего и материальная база: молчу про дисплеи, но хорошо бы округам и автономным республикам, отправляющим в Ленинград своих детей, «скинуться» хотя бы на стулья для общежития.

Хочется верить, что в процессе реорганизации всей нашей огромной системы народного образования не будет забыта и эта малая уникальная частица его, что смутные для педагогики да и для всей нашей жизни времена показухи, застоя безвозвратно канули в прошлое.

Тане Покачевой, ее товарищам, с которыми я встретился на репетиции «Северного сияния», очень многое предстоит для этого сделать. Не меньше, чем в свое время их русской наставнице Т. Ф. Петровой-Бытовой.

НЕБОСКРЕБ И АМЕРИКАНЕЦ

Начало на стр. 16.

Парадоксально, но купюры в бумажнике — это сегодня примета американца без достатка. Значит, у него нет кредита доверия в банке, нет заветного пластмассового квадратика. В обывательский обиход вошел даже новый афоризм: «Деньги — кредитная карточка бедняка».

Истинный бедняк такого остроумия, конечно, не поймет. Мир новомодных компьютерно-электронных отношений со сферой обслуживания так же холоден и чужд для него, как сияние летнего катка где-нибудь в роскошном комплексе нью-йоркского Рокфеллер-центра.

Любопытно, что в сервисе в США занято 76 миллионов человек. Для сравнения вспомним, что в промышленности работает 25 миллионов, а в сельском хозяйстве — всего 3 миллиона. После 1982 года появление новых рабочих мест также на 85 процентов связано с услугами.

Между тем американцы в последние годы все громче ворчат на то, как им ремонтируют автомобили, продают авиабилеты и подают обеды в ресторанах. Томас Питерс, один из авторов книги «В поисках качества», возмущен: «В целом сервис в Америке отвратителен». Иные советские издания с видимым удовольствием перепечатывают такого рода статьи, пытаясь, как они признаются, расшатать стереотип о превосходном обслуживании за океаном.

Дело тут, по-моему, сложнее. Продавец транзисторных приемников в Нью-Йорке действительно порой не может показать, как включается новая модель. Но эти модели меняются каждый месяц. И качество их таково, что они включаются с первого нажатия кнопки...

Но отрешимся на минуту от безумной суеты на улице и задерем голову вверх: как поживаешь, американский небоскреб образца 80-х? Первое, что бросится в глаза,— он не похож на своих предшественников. Кстати, сами предшественники не похожи друг на друга.

Американцы гордятся поколением нью-йоркских небоскребов 20—30-х годов. Знаменитый 102-этажный Эмпайр стейт билдинг, гостиница «Панхеллник», переименованная сегодня в «Бикман-тауэр», украсивший миллионы открыток Крайслер-билдинг, созданный божьим даром архитектора Уильяма Вана Алена... Эти строения башенного типа с изобретательными, скульптурными силуэтами вершин, как считают, удачно оживили панораму города. А главное — их было сравнительно мало.

Новый бум 60-х годов привел к тому, что небоскребы стали бичом американских городов. Нью-Йорк, Чикаго, Атланта, Сан-Франциско бойко состязались в возведении «спичечных коробок» — бездушных, лишенных полета фантазии, уныло прагматичных. Американская высотная архитектура была поражена вирусом так называемого корпоративного модернизма. В этом было что-то от состояния общественного сознания послевоенной Америки, боготворившего «человека корпорации», чья индивидуальность полностью растворялась в интересах своего клана.

Позднее символом этого архитектурного стиля стали 411-метровые башни нью-йоркского торгового центра, две скучные сваи, вбитые в нью-йоркское небо. На эти здания словно легло проклятие: о них редко пишут, еще реже говорят. Нью-Йорк словно хочет забыть свою ошибку.

К началу 70-х представление об идеальном жилище должно было измениться. Толчок этому дала знаменитая книга Джейн Джекобс «Гибель и жизнь больших американских городов». С небоскребами там связываются худшие опасения социологов-урбанистов: расчленение города на вертикальные бетонные поселения, уползание человека-улитки в панцирь своей высотной квартиры, пещерная жизнь в XX веке.

Энтузиасты охраны окружающей среды надеялись, что им удастся вернуть архитекторам вкус к малоэтажной Америке. Вышло наоборот. И об этом мало кто сегодня жалеет. Высотный бум 80-х родил поразительные, тянущиеся в поднебесье формы, намного более «гуманизированные», более приспособленные к тому, чтобы служить не только своим обитателям, но и городу. Небоскреб начал улучшать качество городской жизни — как ни трудно было в это поверить.

В сверкающих стеклом боках штаб-квартиры компьютерной фирмы ИБМ видишь отражение соседних домов. Гигантское, поставленное на попа зеркало как бы наполняет квартал светом, разрежившая скученность нью-йоркских улиц. На ступенях, врезанных на высоте 20—30-х этажей в грань Трамп-тауэра, растут деревья, будто архитектор шепчет «прости» живой природе. Два кукурузных початка в Чикаго отвели нижние этажи под гараж, откуда скоростные лифты поднимают жильцов в квартиры.

Небоскреб нового поколения старается быть уютным домом.

На тот час, когда я выстукиваю эти строки, самым высоким зданием Америки слывет башня «Сирз-тауэр» в Чикаго. Красные импульсные огни ее крыши мигают на высоте 441,71 метра. Но инженерная мысль страны рвется выше. У мечтателей о супернебоскребах есть своя философия: они видят в них что-то вроде космического корабля, своего рода трамплин технического прогресса. Сверхвысокие здания обогатят нас новой технологией, обещают они, еще раз коронуют человека как всемогущего владыку природы.

И вот уже Дональд Трамп предлагает нью-йоркским властям построить в Верхнем Уэст-сайде «Телевижн сити» — 150-этажный небоскреб, окруженный 45-этажными «карликами». А в Чикаго готов проект 760-метрового колосса, где семь 30-этажных секций смогут закручиваться на 45 градусов, чтобы компенсировать напор ветра. Автор проекта С. Рэскроу хотел бы утрамбовать в свою вавилонскую башню ядерного века 2400 гостиничных номеров, 800 квартир, сонм магазинов и ресторанов, центр для проведения выставок, три театра и как точку над «i» астрономическую обсерваторию на крыше.

Пока неясно, не придется ли каждый раз помещать жильцов в своего рода барокамеру, компенсирующую перепад давления. Ведь взлет на энный этаж уже становится сродни подъему водолаза из пучины морской. Но это лишь крохотная проблемка на фоне новых, невиданных взаимоотношений человека и города.

Социологи не знают, что даст или отнимет супернебоскреб у культуры общества. Как изменится психология поведения обитателя, взирающего на мир с 1000-го этажа? Такая высота уже технически достижима. Что станет с транспортом? Короче, куда идет небоскреб и американец?

Но нет сомнений: их не остановить.

А как строится небоскреб? Мне довелось наблюдать за этим из окна нью-йоркского корпункта — будто кто-то устроил спектакль для русского журналиста. Надо заметить, что меня очень утешал вид на Гудзон из окна гостиной — в прорехи между бетонными башнями проглядывала настриженная кусочками лента реки, днем мелькали баржи, а ночью плескались огни заречного штата Нью-Джерси. Словом, глаз отдыхал от пишущей машинки.

И вот над одной такой прорехой нависла угроза — на Девятой авеню стали рыть котлован под фундамент. Экскаваторы грызли землю день и ночь, но никаких гор грунта, как ни странно, не появлялось. Его мгновенно слизывали «траки» — слоноподобные грузовики,— их ловко втискивали в городское движение особые регулировщики со стройки.

— Это на сколько же этажей замахнулись? — спросил я при случае м-ра Теннети, «супера» своего дома, то бишь, по-нашему, техника-смотрителя.

Тот небрежно махнул рукой:

— Малыш. Сорок — сорок пять, не больше.

До окончания моей командировки оставалось около года. Нет, голубую полоску реки закрыть не успеют.

— За год не успеют,— обронил я вслух. Теннети посмотрел на меня с большим любопытством.

Через день я выглянул в окно... и застыл, ошеломленный. Этаж был готов. Еще два дня — еще этаж. Башня лезла ввысь, будто ее толкали снизу автомобильным домкратом. На виду работало, я сосчитал, человек шесть — восемь.

Заинтригованный, пошел утром посмотреть вблизи, что у них за стройплощадка. Ее в обычном нашем понимании не было. Завешанные цветной нейлоновой сеткой стены строящегося дома прямо примыкали к тротуару, по которому молодая мать катила детскую коляску. Собственно, и нужды в стройплощадке никакой не было. Нигде не складывались бетонные блоки. Не видно было змеиных лежбищ труб. Не мокли под дождем горы стекловаты. И все-таки пешехода встречала ласковая надпись на щите: «Извините за наш вид».

Я не строитель и потому пришел лишь к двум общим выводам. Конструктивные элементы индивидуально создавались прямо на месте из металлических балок и бетона, доставлявшегося непрерывной, отхронометрированной до минуты цепочкой автомашин. Все остальное, что привозилось,— облицовочные плиты, трубы и прочее — немедленно устанавливалось куда надо. Хранить что-либо до дождичка в четверг фирма-подрядчик не умела.

И еще: вокруг стройки на тротуарах царила чистота. Ни глинистой жижи, ни цементных луж. Асфальт порой казался чище, чем рядом, в соседнем квартале. Объяснялось это просто. Власти нещадно штрафуют строительные компании, если они осмелятся добавить городу мусора, могут лишить их права на следующую стройку. Поэтому те каждый день окатывают тротуары из брандспойта, драят щетками.

Правда, для неумытого, в общем, неопрятного Нью-Йорка это, как маникюр для трубочиста.

Город — живой организм, он может круто менять свои повадки. Игра цен на недвижимость, проекты предпринимателей вроде Дональда Трампа определяют моду на городские районы, их новый облик. Такой бум благополучия обуял сегодня Уэст-сайд, западный край Манхэттена в районе между 60-ми и 80-ми улицами. Каждая вторая дверь здесь —

вход в ресторанчик. Каждая третья — в модный магазинчик — «бутик». Бесчисленные кафе на европейский манер выплескивают летом на тротуар пестрые озерца столиков и зонтов.

Бродишь в этой коммерческой круговерти, толкаешься среди процветающих, благополучных, веселых, дай им бог здоровья, ньюйоркцев, и вдруг инстинктивно, еще не сознавая, в чем дело, улавливаешь какую-то печальную ноту. Какой-то мимолетный знак беды, как запах лекарства, если бы он вдруг прорезал волны аппетитных ароматов, что струятся вон из той итальянской пиццерии.

Что это? И тут же понимаешь: инвалиды! Их непривычно, на московский глаз, много. Кто-то катит их в колясках. Они сами катят себя на причудливых, приводимых в движение электромотором конструкциях, управляемых порой движениями одного-единственного пальца. Парализованные, люди с тяжелыми физическими недостатками — завсегдатаи ньюйоркских парков. Их удивительно часто видишь в музеях и на выставках. Порой чудится, что в Нью-Йорке устроили вечный съезд инвалидов.

Нет, их наверняка не больше, чем в Москве или Рязани. Просто Нью-Йорк да и другие большие американские города милосердны к человеку в инвалидной коляске. Они не прячут его в четырех стенах, а, напротив, стараются проломить стену, отделяющую больного от общества. Тротуары, подъезды домов, переходы в подземке снабжены пологими скатами — инвалид может передвигаться с минимумом неудобств. Часть уличных телефонов, туалетов на вокзалах, в аэропортах и на стадионах специально сконструирована так, чтобы ими мог пользоваться обладатель инвалидной коляски. Парализованный с легким сердцем отправится здесь за покупками в большой универсам — он знает, что там к его услугам специальный лифт. И самое поразительное: какая-то мудрая пневматика наклоняет городской автобус, сравнивая его первую ступеньку с тротуаром: входи, немощный и престарелый!

Хорошо, когда сострадание отливается хотя бы в скромные мелочи городского быта, а не только в колонки газетного шрифта.

Кипит, голосит нью-йоркская улица. Вот уж где ярмарка раскованности, расхристанности! Всем, кажется, наплевать, кто ты такой, как ты одет. Босиком, но во фраке? Извольте, сэр. В шляпе, но в овечьей шкуре через плечо? Как вам угодно, мисс. Я видел однажды, как по Сентрал-парк-саут деловито расхаживал голый человек в одних носках, похоже, умалишенный. Хотя бы один на него воззрился, позволил бы себе тень любопытства. Только старый негр, продавец сосисок, пробормотал под нос: «Ну ты даешь, парень...»

И все-таки преследует ощущение, будто чего-то не хватает в этом живом водовороте, в надсадном уличном гуле, в сумятице красок и ликов. Какая-то незримая пустота. Что-то вроде утреннего кафе, где все вроде бы на месте: и столы, и стулья, и пестрые воздушные шарики. Нет только посетителей. А точнее, того, для чего все это существует,— человеческой общности.

Бывает, хочешь взглянуть кому-нибудь на улице в глаза и, как правило, не ловишь ответного взгляда. Наталкиваешься на какую-то льдинку отчужденности. Американец настороже, готов перейти к мгновенной самозащите. Он знает: контакт даже взглядом опасен. Мало ли к чему все это приведет! Да и вообще, кто ты мне, а я тебе в этом безумном, бескрайнем мегаполисе, где живут, считая с пригородами, 16 миллионов человек?

Одиночество. Как ни странно, именно оно, кажется мне, царит в суете нью-йоркской улицы. Не это ли оборотная сторона прославленной американской раскованности, великодушной всетерпимости к чужой внешности, чужому поведению? Ньюйоркец может быть наедине с самим собой и среди прихожан собора Святого Патрика, где венчался Джон Кеннеди, и, примостившись верхом на пожарной колонке, среди лавины автомашин. Общенациональный опрос, проведенный журналом «Психология сегодня», показал: 22 процента американцев считают себя «одинокими или отчужденными от других людей».

Одиночества так много, что общество не прочь сделать на нем доллар-другой. Именно на эту кнопку человеческой души жмут фирмы, когда нужно заставить американца что-то купить. Скажем, услуги ньюйоркской телефонной компании. Ее реклама: «Не скучай в одиночестве — подними трубку». Зов концерна Эй-ти-ти, тоже телефонного: «Протяни руку и дотронься до кого-нибудь». На картинках, рекламирующих пиво, люди никогда не остаются наедине с бутылкой и стаканом. Они потягивают «корс», «хайникен» в веселой компании. Торгуют вроде бы не алкоголем, торгуют общением.

Почему одиночество точит Америку? «Люди запакованы в эгоизм индивидуальной погони за материальными благами. Нас не так уж часто поощряют ценить людей»,— размышляет Луиз Берникоу, известный социолог, автор книги «Один в Америке: поиски общения». И добавляет вроде бы загадочную фразу: «Мы также живем в мире, где не так уж ясно, для чего существуют все остальные люди...»

А имеется в виду нечто важное. Попробуем влезть на минутку в шкуру здешнего обывателя. В самом деле, для чего кинотеатры, тамошние билетеры, киномеханики, администраторы, когда изображение доставляют тебе на дом по десяткам кабельных телевизионных каналов? Для чего живой банкир, кассир, охранник у входа в банк, если всех их вместе тебе прекрасно заменила та самая кредитная карточка? Компьютеры, видеомагнитофоны, лазерные компакт-диски, в которых запаяны часы божественной, абсолютно «натуральной» музыки, пчелиные соты небоскребов... Кажется, человек скоро будет проводить больше времени с электронно-транзисторными друзьями, чем с живыми душами.

Конечно, у прогресса нет псевдонима «одиночество». Но достижения цивилизации заманивают американца в изолированную нишу, соблазняют его жизнью наедине с самим собой.

Да только ли американца? Сегодня у эпидемии одиночества нет национального флага. Ей не предъявлять паспорт на пограничном контроле.

Невидимые границы рассекают и американские города. В десяти минутах езды от гордых небоскребов Манхэттена попадаешь в некую мертвую зону, в район необитаемых, перечеркнутых крестами пожарных лестниц домов, что глядят и, кажется, не видят света белого глазницами выбитых окон. Гарлем, Южный Бронкс в Нью-Йорке, Уоттс в Лос-Анджелесе, окраина по имени «Желание» в Новом Орлеане. Сама Америка стыдится такой Америки.

Я отстучал эту фразу о «глазницах выбитых окон» и подумал: а читатель-то узнает в ней что-то знакомое, давно набившее оскомину. Уж где поплясала международная журналистика, так это на теме американских трущоб и бездомных. Горечь хочется сегодня заесть чем-нибудь послаще. Приход эры гласности, стремление увидеть Америку не только на черно-белой фотографии в траурной рамке рождают в душе инстинктивный отпор: «Да сколько можно о бездомных! Помилуйте, не те времена...»

Один прекрасный советский драматург, чьи пьесы не перестают меня восхищать, съездил недавно за океан и написал в газете: «Мне кажется, журналисты совершают ошибку, без конца показывая нищего негра, сидящего на решетке метро. Америка — страна благополучных и богатых, вот что надо знать, чтобы верно судить о ней».

Чтобы верно судить об Америке, не нужно прежде всего шарахаться от односторонних проклятий к не менее односторонней аллилуйе. Другое дело, что и свет, и тени великой страны достойны более вдумчивого, пристального взгляда, более, если можно так сказать, общечеловеческого. Когда узнаешь, что 800 тысяч американских семей подали заявки на дешевые государственные квартиры и многим, как сообщает доклад конгресса США, придется ждать своей очереди 10 и более лет,— в этом угадывается что-то близкое, если не родное. Кстати, сами американцы без крова, объединившиеся сейчас в Национальный союз бездомных, во многом связывают свою участь с расходами правительства на гонку вооружений. Ее свертывание может помочь обеим странам энергичнее заняться проблемой жилья.

Но человек, которому некуда податься на ночь с улицы,— это рана не нашего — их общества. Рана, может быть, более страшная, чем она выглядела в злорадных и потому поверхностных журналистских репортажах. Бездомные, которых в Америке, по разным подсчетам, от 250 тысяч до 3 миллионов,— феномен сложный, изменчивый. Знаем ли мы, например, что есть несчастные без крыши над головой, но с кое-какими деньгами в банке?

Как-то мой друг художник Чарлз Келлер позвал меня на крышу своего дома 703 на Ист, Шестая стрит в Нью-Йорке. Хотел показать округу. Внизу, на пустыре, я вдруг увидел жалкие сооружения из ящиков, кусков полиэтилена, листов жести.

— Что это, Чарли?

— Городок бездомных. Странное дело. Пустырь вроде бы никому не нужен. У людей есть на что построить здесь сносное жилье. Так нет, муниципалитет не дает. Сейчас вот в суд бедняг потащили...

Мы спустились с Келлером к его новым соседям, получили приглашение пожаловать в их пронизанные сквозняками, хлопающие на ветру клеенчатыми крышами конуры. Из восьми обитателей поселка запомнились двое. Дэвиду Джекобсу 35 лет, учился когда-то в Бостонском университете, занимался проблемами ядерной физики. Не ужился там: слишком упорно протестовал против ориентации университетских лабораторий на военные дела. Подрабатывает сейчас уроками, яростно ищет место, где бы можно было возобновить исследования. Не теряет присутствия духа. Делли Торрес 33 года. Она пуэрториканка, преподаватель средней школы, где получает довольно сносную зарплату.

Фасолевый суп с мясом варился на кирпичном очаге во дворе. В будке у Джекобса немало красочных банок с продуктами, в том числе не из дешевых: кофе, джем. Где-то у друзей хранится холодильник, ультразвуковая электродуховка... Кажется, еще можно собрать эти осколки прежнего благополучия, склеить их, еще есть какие-то накопления или даже постоянный заработок, как у Делли. Нет одного — жилища. Нет и надежды его обрести.

Так кто же они, американские бездомные? Почему-то в нашей печати обходился второй такой подтвержденный статистикой факт: более трети американцев без крыши над головой — психически ненормальные люди, алкоголики, наркоманы, потерявшие представление о том, что их окружает.

Отношение властей к остальным долгое время сводилось к тезису, что это лентяи, бездари, короче, неудачники, проигравшие гонку за место в обществе жесткой конкуренции. Сегодня это не так. Их армия пополнилась так называемыми новыми бездомными — жертвами фантастического скачка цен на жилье. Стоимость односемейного дома сейчас в среднем 103 тысячи долларов. С оплатой в рассрочку — более 300 тысяч. А квартиры в аренду? В одном из крупнейших городов США, Бостоне, только 2 процента квартир сдаются за месячную плату менее 300 долларов.

Идет также процесс так называемой джентрификации, то есть облагораживания городского населения. Под этим приторно сладким термином скрывается нечто, на наш взгляд, удивительное. В Америке ежегодно исчезает около полумиллиона квартир, которые можно было раньше арендовать за умеренную плату. Домовладельцы сознательно не ремонтируют дома, выталкивают жильцов холодом и тьмой на улицу, чтобы возвести на руинах дорогой дом для «белой кости». Скажем, мультимиллионер Дэвид Рокфеллер задумал «облагородить» Восточный Гарлем, соорудив там 500 квартир экстра-класса.

А пока делли и дэвиды скитаются по пустырям американских городов. Более половины новых бездомных — семьи с детьми. «Бездомность все меньше результат личной неудачи и все больше вызвана мощными силами извне»,— признает Сизар Пералес, один из членов нью-йоркского муниципалитета. В городе 60 тысяч бездомных. А 19 ночлежек и 55 отелей и мотелей, приспособленных в качестве временных убежищ, могут вместить только 22 тысячи.

Нет, эта отверженная Америка — не миф журналистики периода застоя. Это голая, безрадостная правда вне зависимости от того, увидел ее из окна лимузина заезжий драматург или нет.

Отчаяние бездомного особенно на виду в дни природных бедствий. Похолодание до нуля градусов, легкий, по нашим меркам, снегопад. А для Америки это настоящая катастрофа.

Мне почему-то кажется, что многое в этой стране — от фермерского хозяйства до городского быта — устроено так, чтобы действовать лишь в условиях идеальной погоды. Бог любит Америку. Самая северная точка страны, не считая Аляски, если перенести ее, эту точку, на советскую территорию, угодит на широту Днепропетровска — Волгограда.

Но вдруг метеорологический подвох! На Нью-Йорк свалился снег. Вся система сразу начинает буксовать. Никто не чистит улицы. Автомашины нещадно бьются и вязнут в сугробах. На экране телевизора диктор задирает брюки и учит, как нужно заправлять в носки подштанники. Нью-йоркский Вавилон стонет и причитает: беда, беда!

В этом много комичного. Но только не для американца, брошенного судьбой на улице наедине с ласковым, нежным снежком. Я никогда не забуду сцену в городском суде, где мне пришлось в то утро разбирать свою тяжбу с домовладельцем. Фойе гудело, сновали возбужденные адвокаты, машина американского правосудия брала стремительный разбег, когда вдруг что-то произошло. Зал притих, стянулся в одну точку. За стеклянной стеной, на заснеженной, мглистой улице полицейские поднимали носилки с каким-то комком, накрытым белой простыней. Из-под простыни торчала посиневшая, напряженно-прямая, как для удара каратэ, ладонь.

— Бездомный. Ночью замерз...— произнес кто-то. Зал очнулся. Секунда — и толпа уже металась, считала деньги, подавала иски, жевала бутерброды. Поминки на миг и на бегу.

Их, наверное, не удостоились те 54 американца, которые замерзли насмерть в Вашингтоне за последние пять лет.

...По небоскребам скользят сверху вниз сумерки. Местные острословы говорят, что Нью-Йорк, как красивая женщина, лучше всего выглядит в темноте. Только какая же это тьма! Факелы высотных зданий, всплески уличного неона сливаются над Манхэттеном в странное призрачное зеркало. В витринах магазинов таинственно мерцают макеты хлева, где явился на свет божественный плотник.

А на гранях уже знакомого нам Трамп-тауэра вспыхивают елки, и примостившиеся рядом, прямо там, на верхотуре, музыканты в красных камзолах льют вниз — на гул улицы, на скрип тормозов, на завывания полицейских сирен — сладкозвучие Моцарта и Генделя...

Это мой дебют в «Огоньке», хотя начал печататься я сорок лет тому назад («Знамя» № 7, 1948 г.).
Не случайно в «Огоньке» не печатался.
Не случайно, по-видимому, созрела эта публикация.
Стихотворение «И Сталин в землю лег» написано в 1960 году и прочитано в день смерти Бориса Леонидовича Пастернака.

Григорий ПОЖЕНЯН

ДОКАЖИ МНЕ, СУДЬБА

* * *

Когда, подобрев от потерь,
вернулись мы после погони,
подумал я: люди и кони
должны отдышаться теперь.
А все, что до этого дня
застыло над мушкой прицела:
бежало, скакало, летело
и даже цвело для меня.
Мне снились нелепые сны
о том, что в то первое лето
кузнечики красного цвета
рождаются после войны.
И что надо мной тишина
натянута, словно под пыткой,
и тонкою черною ниткой
вот-вот оборвется она.
...Как много моим небесам
досталось тяжелых закатов.
Но я, как тогда, в сорок пятом,
поверить готов чудесам.
И вроде былому хана:
распахнуты окна и двери.
И вновь, не считать бы потери.
Но память моя холодна.
А полночь велит: не спеши,
твой красный кузнечик не прыток.
Утрачено столько попыток
спасенья заблудшей души.
И горе мгновенью тому,
когда, утолявшие жажду,
проснувшись, увидят однажды
забитые окна в дому.

СТИХИ О МОЛЧАНИИ

1

Зверь не может молчать —
он кричит.
А не может кричать —
он мычит.
Камни тоже кричат,
ветки тоже кричат,
и колышутся ветки.
А мне говорят: помолчи.
А мне говорят: замолчи.
А я уже намолчался в разведке.

2

Молчи, как палец у курка.
Как нож в немом покое ножен.
Молчи, как колокол, что должен
молчать, не грянул час пока.
Молчи, как реки подо льдом,
как торф, как смолы, как молока.
Как зерна, что молчат до срока,
чтоб всем пожертвовать потом.

* * *

А если — зола
И мы оползнем снова к нему.
Тогда зеркала
Я с утра занавешу в дому.
И вмиг — на крыльцо
в чем стоял. И — была не была.
Я дерну кольцо,
чтоб земля под ногами плыла.
И то ли в леса,
а, быть может, к матросам в моря.
Стянув пояса,
по походному — прочь якоря.
И думай — не думай.
Когда уже выхода нет,
Качни свое дуло,
Гляди в свое дуло поэт
За славное дело,
Когда на пределе цена,
Спокойно и смело
готов расплатиться сполна...
Но крайности — к черту,
Мы вдоволь хлебнули пальбы.
Уж лучше бы четко
Ни шагу назад от судьбы.

ПОЭТ И ЦАРЬ

И Сталин в землю лег,
и Пастернак.
Поэт и Царь.
Тиран и Божий дух.
Немой удел —
теперь их общий враг.
Земной предел —
теперь их общий друг.
Они ушли, не чувствуя вины.
Они теперь равны
и не равны.

Один избрал неверный саркофаг.
Другой избрал зеленых три сосны.

* * *

Ты радовался егерской лыжне,
легко писал, легко сорил деньгами.
Моя зима стонала под ногами.
Твоя весна скакала на коне.
И все тебе — мастями, не в урон:
В чести парады, гимны и поклоны,
а в Сургуте валили лес Платоны
и пел им сладким голосом Нерон.
И лучших вечным снегом засыпало,
когда, хмелея от избытка чувств,
в те роковые дни лесоповала
ты заказал Его, из бронзы, бюст.
Он и теперь стоит у входа в дачу,
хоть нет на этот берег переправ.
Но ты уже не можешь жить иначе
на выселках, у выгоревших трав.
...Не ровен час, и бронзового друга
ты скоро сам закроешь на засов.
Но кровь стекает с бронзовых усов.
Не поскользнись.
Он знает дело туго...

* * *

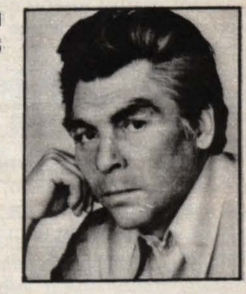
Докажи, докажи, докажи,
докажи, что ты предан.
Что тебя не убили во ржи.
Что устойчив к запретам.
Докажи, что к убийцам отца
ты терпим и лоялен.
Что не понят тобой до конца
И. В. Сталин.
Докажи и сейчас, и потом,
чтоб сомненья распались,
что не сменишь родительский дом
на Лас-Пальмас.
. . . .
Я обязан, я должен, но мне
не медали —
недодали доверия мне.
Недодали.
Разве я нарастил этажи
недоверья?
Докажи мне, судьба, докажи,
чтоб поверил теперь я.

* * *

Благословляю виденье слепца,
бессонницы свои благословляю
и мученичеством объявляю
невыносимо горький век отца.
Тебя благословляю —
кромка льда —
последнюю прижизненную кромку.
Стихов незаменитую котомку
и отданные мною города.
Благословляю связки всех мостов,
насильственно разорванные мною.
Клянусь моей единственной войною,
что к исповеди я предстать готов.
Содрав надежд озябшую кору,
свои плоты топлю, а не сплавляю.
И ничего с собою не беру.
И всех, с кем расстаюсь,
благословляю.

Поэма «Возвращение» была написана мною четверть века тому назад. Предлагал я ее в различные журналы, пытался опубликовать в своих книгах, но все попытки были безуспешны. Даже авторитет тогдашнего редактора «Нового мира» А. Т. Твардовского не смог пробить ей дорогу к читателю. В томе, где представлена переписка поэта, есть его письмо ко мне от 9 ноября 1962 года, в котором он, критикуя поэму за некоторую «литературность», в целом одобрял «чувства и мысли, которые являются отголоском сердца на многое из того, что принадлежит известному периоду в жизни нашего общества, в жизни поколения, встретившего свое детство на пороге 1937 года и других лет». Предлагаю сегодня отрывки из поэмы.

Сергей
ПОЛИКАРПОВ



ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

В телогрейке, в ношеной сорочке,
В пепле догорающего дня
Он вошел, как тень, промолвив:
— Дочка!..
Здравствуй.
Не узнала ты меня?..—
...Годы замелькали каруселью,
Память повернула время вспять:
Над своею детскою постелью
Помнишь ты заплаканную мать,
Что и по сегодняшнюю пору,
Стук заслышав в дверь,
Белеет вдруг,—
Как печать хронического горя,
Замер на лице ее испуг...
Пригород приземистый, барачный,
Где селились издавна ткачи,
Как глаза ошпаренные рачьи,
Окна вытаращивал в ночи.
Что таил ты, пригород фабричный,
В коммунальных скучась конурах,
Против правоты единоличной
Жившего в кремлевских теремах?
Замышлял какую ты крамолу
Против власти, избранной тобой? —
Каждый житель ходит,
словно голый,
В мыслях и делах пред слободой.
Жизнь людская на аукционе —
Для веков и это не внови! —
С молотка родной
Пускал родного,
Искушаем жаждою любви
К собственной,
Такой непрочной жизни,
К счастью, не отведанному им,—
В пряничной обещанной отчизне
Ханжество светило молодым.
Нагоняло страх сиренным воем
Лагерей трехзначное число:
Пол-России стыло под конвоем,
Пол-России в конвоиры шло...

2

От отца ни слуха и ни духа
С той поры, как ночью увели,
И соседи кланяются сухо,
И скупее тратятся рубли.
Знаем только то, что нынче знаем,—
Кабы впрок пережитое шло! —
Родина была как бы трамваем:
Вел один,
А остальных трясло!..
Ты писала коротко в анкете:
«Нет отца... Погиб отец... Погиб...»
И тебе точило сердце это,
Как червяк в засушье точит гриб.
Хоть тебя раскаянье казнило,
Но втемяшил быт:
«Хитря живи!..»
Жизнь тебя жестокости учила,
Не успевши научить любви...
Ты себе боялась в том признаться,
Раскаляя сердце добела,
Долгих зим и весен восемнадцать
Ты отца отчаянно ждала,
Ты себе прощения ждала.

3

Самодельный сундучок-скиталец,
Волосы, как редкий белый дым,—
Реабилитированный старец
С нестерпимым взглядом молодым,
В телогрейке, в ношеной сорочке,
В пепле догорающего дня
Он вошел, как тень, промолвив:
— Дочка!..
Здравствуй.
Не узнала ты меня?..—
Не расцветшей —
Девочкой тогдашней
Приходила ты к нему во сне,
Мором и карболовкой пропахшем,
В лагерной далекой стороне.
Не проходят синяки от маег,
Если душу в ступе потолочь...
Дочь свою отец не понимает,
И отца не понимает дочь.
Ей сама история велела
Опыт всех веков в себя впитать...
Ты отца и чтила, и жалела,
И пыталась, как могла, понять.
Но когда словам его внимала,
Не могла сидеть спокойно ты:
Сердце всею кровью восставало
Против отчей слезной доброты
И его слепой наивной веры,
Что страдал за правду все года,—
За колючим лагерным барьером
Зацвела стоячая вода...
Нет, не в силах был б руки эти,
Если в жилах кровь омолодить,
Землю от чумного лихолетья
Снова, коль случится, оградить.
Плотью и душою став калекой,
Он стоит у жизни на краю,
Нынче ты в ответе перед веком
За его судьбу и за свою!
Нынче все распахивая двери
Настежь — для оставшихся
в живых,
Мы еще не все свои потери
Отыскали в ямах гробовых...

Декабрь 1961 — февраль 1962 года.

Фазиль ИСКАНДЕР

РАССКАЗ

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

О МАРАТ!

Заходя в номер, где находился удав, по словам Марата, никогда нельзя было знать, где его застанешь. То он обвивал торшер и, положив голову возле лампы, дремал, то он забирался на вешалку, и стоило щелкнуть выключателем, как можно было увидеть возле своей головы его брезгливо вытянутую морду. То он забирался на диван, то на их кровать, что было особенно противно, иногда он оказывался в шкафу с бельем, иногда обвивался вокруг трюмо и, свесив голову, неподвижно следил за изображением своего двойника. Иногда он залезал в ванну, иногда в раковину умывальника, и тогда, разумеется, Марату подойти и вымыть руки было невозможно.

Каждые два-три дня Зейнаб мыла удава в теплой ванной. Однажды она попросила Марата наполнить ванну водой, и Марат, по его словам, случайно напустил туда слишком горячую воду. Когда Зейнаб вывалила своего удава в ванну, тот одним прыжком взвился и выпрыгнул из нее.

Именно после этого удав, по наблюдениям Марата, его возненавидел, хотя как он узнал, что ванну наполнял именно Марат, до сих пор для него остается тайной. Чувствуя, что удав его ненавидит, Марат на всякий случай принес из дому кинжал, подарок его знаменитых лыхнинских родственников. Он повесил его над диваном, якобы для украшения номера. Другая гораздо более скромная мера по собственной защите заключалась в том, что Марат, ложась спать с Зейнаб, теперь всегда устраивался у стенки.

Кстати, я как-то спросил у Марата, чем Зейнаб кормила своего удава и, если кроликами, то где она их брала.

— Насчет кроликов не знаю,— отвечал Марат,— но пару раз, когда я заходил днем, она выметала из комнаты какие-то перья... Так что скорее всего она его кормила живыми курицами.

В первое время мухусчане, радуясь успехам Марата, спрашивали у него:

— Марат, это правда, что ты живешь с укротительницей удава?

— А что тут такого,— отвечал Марат,— конечно, правда.

— Как только ты не боишься, Марат?! — восторженно удивлялись мухусчане.

— А чего бояться,— пожимал плечами Марат,— он в своем углу спит, мы — в своем.

Но так длилось недолго и долго длиться не могло, ибо черная зависть сгущается за спиной незаурядного человека и пытается оболгать его. Вскоре она изменяет ему со своим удавом. Говорили, ссылаясь на достоверные источники, что бывший муж Зейнаб, который и научил ее работать с удавом, был задушен последним на почве ревности.

Другие договаривались до того, что, в сущности, Зейнаб по-настоящему живет с удавом, а Марата держит при себе просто так, для блезира.

Слухи дошли до Марата, Марат был поражен глупостью и бессмысленностью этих слухов. Он только разводил руками и презрительно подымал брови. Он надеялся, что люди сами поймут нелепость этих слухов и сами от них отмахнутся. Но слухи упорно держались.

— Кому-то это интересно было,— говаривал Марат с многозначительным намеком, кивая головой куда-то вверх и в сторону.

У Марата появился, выражаясь псевдонаучным языком, оправдательный комплекс. Теперь, встречаясь с ребятами на набережной и в кофейнях, он заводил разговор о своей жизни с Зейнаб, обращая внимание слушателей на роскошь и многообразие их любовных утех и одновременно мимоходом сообщая о жалком прозябании удава в углу комнаты под настольной лампой.

— Да-а? — говаривали некоторые, выслушав его рассказ с недоверчивой миной,— а нам рассказывали совсем по-другому.

Негодяи! Кому ж лучше Марата было знать, кто с кем живет! Но таков закон черни, людям хочется, чтобы другие люди, способные возвыситься над общим уровнем, обязательно для равновесия имели бы унижающие их пороки.

В конце концов Марат почувствовал, что он часто испытывает порывы злости не только к удаву, но и к ни в чем не повинной Зейнаб.

Что касается удава, то его Марат возненавидел вдвойне. Однажды в кофейне до его слуха случайно долетел обрывок разговора об этом фантастическом любовном треугольнике, в котором якобы очутился Марат. Причем на этот раз рассказчик сплетни роль Марата свел до позорного минимума.

— Кто-то же должен был ей таскать чемодан с удавом, а тут Марат и подвернулся,— заключил рассказчик свой гнусный рассказ.

В тот день Марат крепко выпил и пришел в гостиницу. Зейнаб в номере не оказалось, но у него был свой ключ, и он вошел. Увидев Марата, да еще без Зейнаб, удав злобно зашипел в его сторону. Марат этого больше не мог вынести.

— Кто на кого должен шипеть! — воскликнул Марат и, сняв туфель, запустил его в удава. Туфель попал прямо в середину огромного лоснящегося мотка. Удав дернулся головой в сторону Марата и зашипел еще злобней. Тогда Марат снял второй туфель и кинул его в эту мерзкую лоснящуюся кучу. Удав еще более решительно дернулся головой и зашипел.

Марат сел на диван, и, облокотившись рукой о стол, горестно задумался над своей нелегкой судьбой. То, что было предметом его гордости, становилось предметом его позора. Просидев так некоторое время, он опустил голову на стол и заснул.

Проснулся он от какой-то неимоверной тяжести, которая давила ему на грудь. Он открыл глаза и с ужасом убедился, что удав обвился вокруг него и душит его. Марат попытался одной рукой (другая была прижата к туловищу) сдернуть с себя чудовищные витки удава, но сделать это было невозможно. Он почувствовал рукой, как дышат и переливаются внутри удава его неимоверные мышцы.

Чувствуя, что еще мгновение и он потеряет сознание от сдавливающей силы удава, Марат вспомнил о своем кинжале и попытался до него дотянуться. Но дотянуться оказалось невозможным, надо было для этого встать на диван. К счастью, правая рука Марата была свободной. Марат с трудом перевалился на диван и, став на колени, уже теряя силы, выпрямился, но все равно не смог дотянуться до кинжала.

Марат собрал всю свою волю. Удав, как бы пульсируя своими мышцами, то страшно сдавливал его, то чуть-чуть отпускал, и Марат, пользуясь этими мгновениями, успевал вздохнуть воздух. Все-таки ему удалось встать трясущимися ногами на зыбкую поверхность дивана и достать свободной рукой до кинжала. Проклятье! Новое препятствие встало на его пути: кинжал никак не выходил из ножен. Необходима была вторая рука. Тогда Марат несколько раз изо всех сил тряхнул кинжал, держа его за рукоятку, и наконец ножны со свистом соскочили и обнажили лезвие. Собрав последние силы, Марат сунул кинжал в звонко треснувшее, напряженное тело удава. Мгновенно объятия чудовища ослабели, а Марат резал и кромсал уже дрябло провисшие, опадающие кольца.

Бедняга Зейнаб, придя с базара, застала картину ужасного конца ее Султана. Она молча опустилась на колени и, поглаживая мертвое, искромсанное тело удава, проплакала до самого вечера.

Она плакала, повторяя:

— Бедный Султан, где мой кусок хлеба? Бедный Султан, где мой кусок хлеба?

По словам Марата, он чуть с ума не сошел от этих ее однообразных причитаний. Марат надел свои туфли, погасил ненужную настольную лампу, которая все еще светила в опустевшем углу, и стал утешать Зейнаб.

Он отдал ей весь запас своих денег, примерно на полгода скромной жизни, пока она освоится с новым удавом, если будет продолжать заниматься этим делом позже. Марат окончательно утешил ее, смастерив из оставшихся кусков шкуры удава несколько прелестных сумочек. Не помню, говорил ли я, что у Марата были золотые руки. Кроме всего этого, Марат помог бедняжке Зейнаб оформить фиктивную справку о том, что удав умер от простуды.

Интересно, что подлые завистники Марата сам этот его античный подвиг попытались объяснить в духе своей старой сплетни о связи Зейнаб с удавом.

Они говорили, что Марат, якобы неожиданно придя в номер, застал Зейнаб возлегающей на диване в объятиях удава. Увидев такое, Марат якобы вскочил на диван и, выхватив свой кинжал из ножен, стал полосовать разнеженного, совершенно не подготовленного к борьбе удава.

* * *

Одно время, длилось это года два, Марат перестал работать на прибрежном бульваре, а устроился в научно-исследовательский институт, где получил фотолабораторию и даже был засекречен. Я уж не знаю, что он там за снимки делал, кажется, что-то, связанное с плазмой, или с чем-то еще не менее загадочным.

Но факт остается фактом, его оттуда выперли. Вернее, он сам все сделал, чтобы его оттуда выперли. Судя по его словам, он там соблазнил одну женщину, которой показывал серию фотографий, переснятых из одного заграничного журнала.

Эти снимки, изображающие голых женщин, он выдал за плоды собственноручного труда. То есть он ей довольно прозрачно намекнул, что все эти женщины сами ему позировали и она, если захочет, найдет среди них достойное место. По его словам, это ее сломило.

Хотя многие мужчины в наш век стали болтливее женщин, женщины в целом все еще остаются достаточно болтливыми существами. Одним словом, эта женщина проболталась какой-то из своих подруг о коллекции Марата, та проболталась еще кому-то, и через некоторое время кто-то донес начальству, что Марат, вместо того чтобы фотографировать, скажем, внутриатомные процессы, черт знает чем занимается у себя в фотолаборатории.

Внезапная профсоюзная ревизия обнаружила эти снимки, и разразился грандиозный скандал. Перед самым общеинститутским собранием, где решался его персональный вопрос, Марат зашел ко мне в редакцию и показал журнал:

— Вот смотри...

— Ну, конечно,— сказал я ему, перелистывая журнал,— ты им его покажи — и дело с концом.

— В том-то и дело, что не могу,— отвечал он.

— Почему?

— Какими глазами после этого я на нее посмотрю?

— Она сама виновата,— говорю,— нечего было твои секреты выбалтывать.

— Нет,— отвечал он, подумав,— черт с ними, пусть выгоняют...

И он действительно ни слова не сказал про журнал, он только утверждал, что снимки были сделаны не в институтской лаборатории. В конце концов дело было передано в суд, но он и тут не признался, что фотографии были переснята из иностранного журнала, хотя над ним висело довольно грозное обвинение.

Институт добивался от суда признания фотографий порнографическими, и в этом случае Марат мог получить срок. Но суд не признал их таковыми, хотя усомнился в их художественной ценности, на которую напирал Марат.

По словам Марата, пачка его фотографий пока-

Окончание.
Начало в № 21.

мест ходила по рукам, начиная от институтского профкома и кончая судом, сильно уменьшилась. Он был уверен, что все, вплоть до народных заседателей, поживились за счет его снимков.

Я думаю, что во всей этой истории рыцарские соображения, по которым Марат не открывал источник своей фотоколлекции, сильно преувеличены. Эти соображения, безусловно, имели место, но они сильно преувеличены. Я думаю, во всей этой истории он сознательно шел на скандал, чтобы еще больше раздуть свою славу.

Правда, тут еще один момент имел место. А именно — этот злосчастный журнал был привезен из заграничной командировки одним из сотрудников института, и Марат, по его словам, отчасти боясь, что кто-нибудь узнает, каким образом ему в руки попал этот журнал, скрывал происхождение знаменитых фотографий. Все это, видимо, так, но все-таки главным было соображение престижа покорителя сердец.

Тем более что именно в это время среди мухусчан кто-то стал распространять злобные слухи о том, что знаменитый роман Марата с лилипуткой Люсей Кинжаловой — плод его болезненной фантазии.

Тут я должен решительно вступиться за Марата. Я сам неоднократно видел его в обществе Люси Кинжаловой. Он прогуливался с ней по набережной, бывал в ресторанах, а однажды причалил к лодочной пристани, и в лодке была Люся.

Грозно сомкнув брови и подняв Люсю на руки, он с видом Стеньки Разина, кидающего в Волгу персидскую княжну, взмахнул своей драгоценной ношей, при этом у драгоценной ноши юбка отвеялась от ног, обнажив лягастые бедра перекормленного ребенка. Затем он благополучно ссадил ее на пристань и улыбкой подчеркнул шутливость своего жеста, абсурдность самого предположения, что вот так ни с того ни с сего он может бросить за борт ни в чем не повинную женщину.

Единственным козырем в руках людей, отрицавших роман Марата с Люсей, было правильное наблюдение, что Марат перестал с ней встречаться задолго до того, как ансамбль лилипутов, в который входила Люся, уехал в другой город.

Что верно, то верно. Тем не менее роман был, он был коротким, но бурным. Впервые Марат с нею познакомился в ресторане. Около дюжины лилипутов сидели за двумя сдвинутыми столиками и ужинали, попивая вино и болтая ногами.

Марат послал им две бутылки вина, издали выпил за их здоровье, лилипуты выпили за его здоровье, а потом, посовещавшись между собой, прислали ему через официантку бутылку вина. Марат снова издали выпил за их здоровье, они тоже издали выпили за его здоровье, после чего Марат, подозвав свою официантку, послал им еще две бутылки вина и несколько плиток шоколада, по числу женщин.

Тут лилипуты, склонившись к столу, долго совещались и наконец, подозвав официантку, через нее пригласили Марата к своему столу. Они решили, что так он им дешевле обойдется, но здорово просчитались. Марат подсел к ним и за разговором дал знать, что, кроме своей прямой профессии, он еще числится внештатным корреспондентом местной газеты «Красные субтропики» и ряда других столичных газет. (Ряд других газет, вероятно, до сих пор не подозревает о существовании своего внештатного корреспондента в Мухусе.)

Именно во время этого застолья Марат обратил внимание на Люсю Кинжалову, совершенно не подозревая, что рядом с ней сидит ее жених. Возможно, что он вообще не подозревал, что лилипуты могут иметь своих женихов и невест. Во всяком случае, он стал оказывать Люсе знаки внимания, и она охотно, и даже чересчур охотно, стала принимать их, не считаясь со своим женихом, который, оказывается, в это время сильно страдал.

Узнав, что Марат имеет отношение к прессе, лилипуты пришли в сильное возбуждение и, посовещавшись между собой, пожаловались ему на своего администратора, который, оказывается, очень плохо с ними обращался. Оказывается, администратор, чтобы сэкономить командировочные деньги, холостых лилипутов загонял по пять человек в одиночный номер. Он заставлял их укладываться поперек кровати, что было и неудобно, и унизительно, тем более что женатые лилипуты получали полноценные номера. Администратор таким образом экономил командировочные деньги, доставал фиктивные гостиничные счета, а разницу в деньгах клал себе в карман.

Марат был в высшей степени возмущен таким бесчеловечным обращением с лилипутами, и они в тот же вечер пригласили его в гостиницу, чтобы он сам во всем убедился на месте.

В гостинице Марат предложил, не осложняя вопрос участием прессы, просто-напросто набить морду администратору. К счастью для администратора, а может, и для Марата (я имею в виду последствия), того не оказалось в номере.

Марат зашел вместе с лилипутами в один из номеров, и они еще долго там застольничали и разговаривали о жизни. Многие лилипуты сильно опьянели, и Марат их разносил по номерам, а Люся, вопреки страданиям жениха, показывала, кого куда нести.

В конце концов Марат собственноручно уложил пятерку лилипутов в их номер и со всей очевидностью убедился в обоснованности их жалоб. Кстати, оказывается, в эту пятерку входил и жених Люси Кинжаловой, о чем Марат не знал.

А между тем жених не стал лежать в постели, как предполагала Люся, но, откинув одеяло, слез с нее и попытался повеситься на перилах гостиничного балкона. К счастью, его вовремя заметили и, задыхающегося, вытащили из петли.

Но к этому времени, по словам Марата, Люся Кинжалова по уши в него втрескалась. По словам Марата, можно было понять, что у них, у лилипутов, инкубационный период влюбленности вообще гораздо короче. Марат обещал сделать с нее несколько снимков, и она на следующий день подошла к месту его работы на бульваре.

Так они стали встречаться, и жених мирился с Маратом. Опять же, рассказывая об этом, Марат придал своим словам такой оттенок, что у лилипутов период любовных страданий тоже укороченный.

Не успел Марат насладиться новизной необычного любовного приключения, как из деревни Лыхны к нему в дом приехала делегация родственников и выразила резкий протест по поводу якобы будущей женитьбы Марата на карлице, как они говорили.

Отец Марата, погибший во время войны, был по происхождению русским, но мать его была абхазкой и родом из Лыхны. Родственники Марата по материнской линии, оказывается, все время держали его в поле своего зрения, и, как только поведение его, как им казалось, начинало порочить их славный род, они каким-то образом оказывались рядом и с неслыханным упрямством заставляли его следовать представлениям о приличии, выработанным их славным древним родом.

Они прямо объявили ему, что, если он сам не прекратит встречи с этой карлицей, они, выражаясь их языком, силой выволокут ее из-под него. Особенность абхазского языка состоит в том, что это действие, выраженное по-русски четырьмя словами, по-абхазски передается одним словом, и потому выразительность его в переводе несколько тускнеет.

Одним словом, они дали ему знать, что никогда не согласятся на то, чтобы он ввел в дом своей матери карлицу неизвестного племени. Кстати, они обещали ему полноценную абхазскую невесту, если он связался с карлицей из соображений собственного маленького роста. Марат был маленького роста, но, разумеется, не настолько, чтобы такого рода соображения приходили ему в голову.

— Бедный Марат,— изредка говорили они, подчеркивая, что вырос он без отца. Но чаще всего эти слова имели совершенно противоположный смысл.

— Бедный Марат,— говорили они, имея в виду, что он и не подозревает, какие беды обрушатся на его голову, если он будет упорствовать в своих заблуждениях.

Когда родственники вмешались в его роман с Люсей, Марат сначала пытался им объяснить, что он не собирается ее вводить в дом. Тогда тем более, отвечали они ему, незачем позорить их род, появляясь с карлицей в людных местах.

Марат попытался послать их к черту, но из этого ничего не вышло. Родственники уехали в деревню, прикрепив к месту работы Марата двух дубиноподобных молодых людей, которые дежурили там. Глядя на этих верзил, поочередно патрулирующих на приморской улице, Марат не на шутку разнервничался.

Конечно, с Люсей Кинжаловой он продолжал встречаться, но это было сопряжено с немалыми трудностями, и нервы Марата стали пошаливать. Надо знать упрямство его лыхнинских родственников, а с другой стороны, самолюбивость Марата. Марат терялся в догадках, стараясь узнать степень полномочий этих двух деревенских верзил. То ли они должны просто препятствовать их встречам, то ли, увидев Марата с Люсей, они должны молча сунуть ее в мешок, увезти куда-нибудь в горы и выпустить ее там, как кошку, от которой хотят избавиться.

Именно находясь в состоянии этих мрачных раздумий, он во время одного из вечерних застолий с лилипутами задал, в сущности, невинный, но показавшийся всем бестактным вопрос:

— Слушайте,— спросил Марат,— а лилипуты голосуют?

Многие до сих пор не могут понять, с чего вдруг Марату пришла в голову эта мысль. Лично я думаю, что он в раздумьях о собственном бесправном положении, вызванном исключительной патриархальностью его деревенских родственников, случайно, не подумав о последствиях, перескочил на окружающих его лилипутов.

Лилипуты сильно обиделись на его вопрос и стали громко удивляться невежеству Марата, потому что, по их словам, всякий нормальный человек знает, что лилипуты такие же полноценные граждане страны, как и все остальные.

— Ты лучше посмотри на свой нос,— оказывается, сказала ему Люся.

— А что мой нос? — тревожно спросил Марат.

— Очень он у тебя большой,— отвечала Люся,— вот ты его и суешь, куда тебя не просят.

— С точки зрения лилипутской, нос у меня, может, и большой,— отвечал Марат, сдерживая гнев,— но с точки зрения интеллигентных женщин Москвы и Ленинграда, у меня, к твоему сведению, римский нос.

Надо сказать, что Марат был весьма нетерпим ко всякого рода критике по отношению к его внешности. Сам он мог подшутить и над своим носом, и над своим небольшим ростом. Так, относительно женщины, не в меру привязавшейся к нему, он говорил: «Она решила, что я высокий голубоглазый блондин...» Такого рода шуточки и намеки он вполне допускал, но только когда они исходили от него самого.

Одним словом, застолье начинало сильно портиться, и лилипуты, учитывая, что всех угощал Марат, стали его уговаривать, чтобы он не обижался на Люсю. В конце концов сама Люся Кинжалова признала грубость своего замечания и в доказательство полной сдачи своих позиций поцеловала Марата в нос. И хотя лилипутам удалось спасти застолье, раздражение Марата не проходило, и он, время от времени вспоминая замечание Люси, бормотал: «Ха, мой нос, видите ли, слишком большой...»

После этого вечера отношения Марата с Люсей, может быть, не сразу, но достаточно быстро охладели. Во всяком случае, дубиноподобные верзилы, командированные из деревни, через неделю сняли патруль и уехали к себе в Лыхны.

Между прочим, через год снова явилась в Мухус делегация лыхнинских родственников, исполненная мягкой, но неотразимой настойчивости. Дело в том, что Марат в это время завел себе парик, чтобы прикрыть сравнительно небольшую лысину на голове. Он давно и болезненно переживал начало своего облысения, и тем не менее парик в условиях Мухуса достаточно смелое нововведение. Но Марат всегда отличался смелостью и независимостью взглядов.

Парик так удачно сидел на голове Марата, что люди, не очень близко его знавшие, даже не понимали, что на голове Марата собственный несколько истощенный волосяной покров прикрыт париком. Тем не менее могу поклясться, что парик этот украшал его голову не более двадцати, двадцати пяти дней.

Лыхнинские родственники предложили ему не позорить их перед другими (по-видимому, злорадствующими) родами своей волосяной шапкой, а скромно пользоваться своими волосами. Они указали ему, что лысина не позорит мужчину, что она позорит только женщину.

Несколько дней Марат боролся за независимость покрова своей головы, потом не выдержал и сдался, не дожидаясь, пока родственники его выставят дежурить какого-нибудь верзилу с граблями в руках, чтобы тот стаскивал с него парик.

* * *

Осенью того же года по Мухусу пробежал слух, что Марат женился. Я его давно не видел, потому что после ухода из научно-исследовательского института он стал работать не на бульваре, там его место занял другой человек, а на краю города возле базара.

Учитывая все его рассказы, я жаждал увидеть женщину, которую он сам добровольно ввел в дом и при этом не вызвал никаких нареканий со стороны лыхнинских родственников.

Однажды вечером, когда я сидел на скамейке прибрежного бульвара, передо мной возник Марат со своей женой. Кажется, они сошли с прогулочного катера.

— Прошу любить и жаловать, мой маленький оруженосец! — сказал Марат и представил свою жену.

Я опешил, но, ничем не выдавая своих чувств, протянул ей руку и представился. Это была приземистая тумбочка с головой совенка. Покамест Марат плел свой романтический, а в сущности, милый вздор относительно того, что несокрушимая твердыня, то есть его холостяцкие убеждения, так вот эта несокрушимая твердыня пала под неотразимыми чарами этого неземного существа, я украдкой рассматривал ее. Да, это была тумба с головой совенка, и я жалел, что лыхнинские родственники на этот раз проморгали Марата.

Я заметил, что, пока Марат все это выбалтывал, воодушевленный собственным красноречием, эта тумба с головой совенка наливалась ненавистью к Марату. Это была знакомая мещанская ненависть ко всякого рода чудачествам, отклонениям от нормы, преувеличениям.

Конечно, сказать, что я это заметил и принял к сведению, было бы неточно. Я в самом деле это

заметил, но тогда подумал, что, может быть, это мне показалось. И только последующие события подтвердили, что я не ошибался.

— А как твои лыхнинские родственники? — спросил я тогда у Марата, имея в виду его женитьбу.

— Я у них никогда ни о чем не спрашивал и спрашивать не собираюсь,— самолюбиво ответил Марат.

Помнится, в конце этой встречи Марат сказал, что не успеет его возлюбленная разрешиться законным наследником, как к ее ногам будет брошена медвежья шкура, истинно мужской подарок молодой жене.

Марат давно увлекался охотой и мечтал убить медведя или воспитать медвежонка. Почему-то у него две эти мечты легко уживались, но ни одна из них пока не могла осуществиться.

Однажды он и меня увлек своим охотничьим азартом. Он сказал, что знает способ и место раздобыть медвежью шкуру. Он присобачил к стволам наших ружей электрические фонарики, чтобы, если во время ночной засады появится медведь, мы могли бы сначала ослепить его светом наших фонариков, а потом убить.

Мы приехали в одну горную деревушку, где у него оказался знакомый крестьянин, кажется, один из представителей его славного рода по материнской линии. И вот, поужинав у этого крестьянина и немного попив чачи, мы отправились на кукурузное поле, которое, по словам хозяина, время от времени посещал медведь.

Никаких признаков, что наши с медведем посещения кукурузного поля совпадут, не было, и я преспокойно вместе с Маратом отправился ночью подстерегать медведя. Мы дошли до края поля, упирающегося в лес, и Марат, притронувшись пальцем к губам, указал мне на необходимость полного молчания, а сам стал, низко нагнувшись, искать медвежьи следы.

После долгих поисков он опять же, прикрыв пальцем рот и указав мне этим, чтоб я от волнения не издал какого-нибудь восклицания, показал мне на нечто, что должно было означать наличие этих следов. Несколько раз присветив фонариком кусок вспаханного грунта, он показывал мне на что-то, что я обязан был принять за медвежьи следы. И хотя я ничего не видел, кроме куска вспаханного поля, я не мог ему возразить, потому что при малейшей моей попытке издать звук он страшно озирался и прикладывал палец к губам.

Наконец он знаками показал мне, что один из нас, а именно он, залезет на дерево, а другой из нас, а именно я, должен дожидаться медведя внизу. Мне это распределение ролей сильно не понравилось, но я не стал возражать, потому что мне всетаки казалось слишком невероятным, что медведь придет именно в эту ночь.

Марат залез на молодой бук, я сел у его подножия, прислонившись спиной к стволу. Сначала все было тихо, но потом наверху раздался какой-то шум и треск ветвей. Я уже не знал, что и подумать, и шепотом спросил у него, не напала ли на него рысь.



Он мне объяснил, что сова пыталась спикировать на его белую шапочку, но теперь все будет хорошо, потому что он снял шапку и спрятал ее в карман. Теперь-то я понимаю, что это было чудовищным предзнаменованием его женитьбы, но тогда об этом никто и помыслить не мог.

Снова установилась космическая тишина ночи, которую время от времени нарушал плач шакалов и лай далеких деревенских собак. Я сидел, прислонившись к стволу, прислушиваясь к тревожным шорохам леса, и все думал, как он со мной несправедливо поступил, оставив меня внизу, а сам взобравшись на дерево. Я, конечно, почти не верил в возможность появления медведя, но он ведь был в этом уверен и распорядился моей жизнью, как менее полноценной.

Почему-то всегда бывает обидно, когда твоей жизнью распоряжаются, как менее полноценной. Тут я вспомнил, что у меня хранится фляга с коньяком. Мы ее привезли из города, чтобы во время ночного бдения бороться при помощи этой бодрящей жидкости с прохладой и дремотой. Я снял флягу с ремня и сделал несколько хороших глотков.

Коньяк прогнал дремоту, и я с новой силой почувствовал, до чего некрасиво поступил со мной Марат, укрывшись в кроне молодого бука и оставив меня внизу один на один с голодным медведем. Ведь засаду мы устроили с таким расчетом, чтобы перехватить медведя, когда он захочет влезть на кукурузное поле. Если бы засада была устроена в таком месте, где медведь, уже нажравшись кукурузы, более благодушно настроенный, покидает кукурузное поле, было бы гораздо спокойней. Но на это уже поздно было рассчитывать.

Я несколько раз вскидывал ружье и зажигал фонарь, чтобы на всякий случай прорепетировать последовательность предстоящей операции. Я почему-то боялся, что, услышав подозрительный шум, я сначала спущу курок, а потом включу фонарик.

Несколько раз бодро вскидывая ружье и включая фонарик, я старался привыкать к этой последовательности, как вдруг вспомнил, что курок моего ружья стоит на предохранителе и если я впопыхах забуду об этом, то, сколько бы я ни нажимал спусковой крючок, выстрела не произойдет. Я отчетливо представил себе такую картину: медведь, слегка ослепленный светом моего фонаря, некоторое время крутит головой, а потом, встав на дыбы, идет на меня, а я, как дурак, жму на спусковой крючок и не могу понять, почему мое ружье не стреляет.

Сначала спустить предохранитель, потом зажечь фонарь, а потом уже нажимать на спусковой крючок, зубрил я про себя эту как будто бы простую последовательность действий, но в условиях этой дикой ночи можно было все перепутать.

Кстати, свет от фонарика оказался настолько слабым, что он не то что медведя, а и летучую мышь навряд ли мог ослепить. Стараясь быть готовым в любое мгновение зажечь фонарь, то есть спустить предохранитель, я для бодрости и ясности головы несколько раз прикладывался к фляжке.

Я около десяти раз проделал все эти операции, разумеется, кроме выстрела, и, довольный собой, уже оставил было винтовку, как вдруг почувствовал, что забыл, в каком положении должна находиться пластинка предохранителя, когда она предохраняет ружье от случайного выстрела. Я никак не мог припомнить, в каком положении она предохраняет от выстрела, эта проклятая пластинка: когда она сдвинута вниз или оттянута наверх.

Сначала я старался припомнить, как было до того, как я стал тренироваться. Но я ничего не мог припомнить. Тогда я решил логически или даже филологически дойти до истины. Говорят, рассуждал я про себя, надо спустить курок. Не означает ли это, что и предохранитель надо спустить, то есть сдвинуть пластинку вперед? Но, с другой стороны, не означает ли спустить курок — это оттянуть мешающий курку предохранитель и, значит, сдвинуть пластинку на себя?

Я чувствовал, что мне не хватает какого-то одного шага, одного усилия ума, чтобы решить эту кошмарную логическую задачу, и я несколько раз, чтобы прояснить свой мозг, прикладывался к фляжке и вдруг обнаружил, что она пуста.

Я решил больше не заниматься этой растреклятой логической задачей, осторожно отставил от себя ружье на такое расстояние, что я ни ногой, ни рукой не смогу его задеть, даже если усну под сенью молодого бука. Обезопасив себя таким образом, я несколько успокоился. Я решил, что, если медведь и в самом деле появится, я все сделаю, как отрепетировал, и если не послышится выстрел, надо сдвинуть пластинку предохранителя в другое положение.

Тут я вспомнил про коньяк, и мне стало стыдно, что я один, без Марата, выпил весь коньяк. Но потом, после зрелых раздумий, я решил, что я правильно сделал. Делиться коньяком с человеком, который собирается всю ночь провести на дереве, прежде всего опасно для его собственной жизни.

Именно это я ему сказал, когда он рано утром спустился с дерева и попросил сделать пару глотков. Марат на меня сильно обиделся и, не говоря ни слова, ушел под сень грецкого ореха искать орехи. Через некоторое время, вскинув голову на дерево, он закричал: «Белка!» — и выстрелил.

Белка висела несколько мгновений на кончике качающейся ветки. Марат промазал. Я вскинул ружье, зачем-то включил фонарь, хотя было совсем светло, и выстрелил. Только тут я вспомнил про предохранитель, значит, все-таки мое ружье не стояло на предохранителе. «Ай да молодец!» — подумал я про себя.

Шумя листьями, белка полетела с дерева. Я подбежал и поднял ее легкое, теплое еще тело. Марат даже не взглянул в мою сторону. Нагнувшись, он искал под деревом грецкие орехи, уже начинавшие вылущиваться из кожуры и падать с дерева.

Вот какое охотничье приключение было у нас с Маратом, если не считать встречу с геологами на обратном пути. Мы остановились на несколько часов в их лагере, и Марат попытался ухаживать за пожилой геологиней, которая сначала никак не могла понять, что от нее хочет Марат, а потом, поняв, выгнала его из своей палатки, куда он забрался во время всеобщего послеобеденного сна. Позже Марат свой неуспех у геологини объяснял тем, что был в плохой форме после бессонной ночи и действовал чересчур прямолинейно.

Но я отвлекся. Марат женился и решил бросить медвежью шкуру к ногам молодой жены в качестве награды за рождение славного наследника рода.

Чтобы действовать наверняка, он начал с того, что поехал на Урал покупать чистокровную сибирскую лайку. Он привез эту лайку и носился с ней, как хороший отец с первенцем. Жена его с первых же дней возненавидела это благородное животное. Насколько я знаю, лайка ей отвечала тем же.

Сведения о его семейной жизни этого периода очень скудны. Одно ясно, что в его доме не было большого благополучия. Тем не менее его жена родила дочку, и они так или иначе продолжали жить вместе.

Несколько позже, когда Марат неожиданно стал писать стихи и песни, у него появилось довольно известное в местных кругах стихотворение «Я ждал наследника». Стихотворение это можно рассматривать как грустный упрек в адрес судьбы, который, кстати говоря, легко переадресовать и на его жену.

Дочку свою он, конечно, любил, и я несколько раз видел его на бульваре, прогуливающего ее всю разодетую в полупрозрачный нейлон, и каждый раз эта сцена (гордо возвышающийся Марат и маленькая толстенькая девочка с телом, розовеющим сквозь нейлон) пародийно напоминала лучшие времена Марата, когда он по набережной прогуливался с Люсей Кинжаловой.

Кстати, сколько я ему ни говорил бросить эти пустые занятия, я имею в виду стихи, или в крайнем случае хотя бы бегло познакомиться с историей поэзии, или в самом крайнем случае хотя бы прочитать самых известных современных поэтов, Марат отмахивался от моих советов и продолжал писать с упорством, генетический код которого, безусловно, заложен в нем материнской линией.

И вот что всего удивительней для человека, который ни разу в жизни не раскрыл ни одного стихотворного сборника, он добился немалых успехов. Он стал печататься в нашей местной газете, а две его песни вышли и на всесоюзную арену, во всяком случае, их несколько раз передавали по радио. Никак не умаляя заслуг Марата, я все-таки должен отметить, что успех его песен — безусловное следствие очень низкого профессионального уровня этого жанра.

Тут я приступаю к самому щекотливому месту своего рассказа. Видно, писание стихов после приобретения сибирской лайки окончательно добило его жену. Во всяком случае, целомудрие ее пошатнулось. Во время одного из охотничьих походов Марата жена его изменила ему с монтером, приходившим починять электричество. Может, она это сделала, пользуясь отсутствием лайки, может, она и ненавидела лайку, как потенциального свидетеля ее вероломных замыслов. Теперь это трудно установить.

Оказывается, этот пьяница-монтер сам же первый и рассказал о своей победе над женой Марата. Между прочим, несмотря на то, что рассказывал он это в среде таких же полуюмпенов-пьяниц, они упрекнули его за то, что он посмел обесчестить нашего Марата.

— Да она сама первая,— говорят, оправдывался электрик,— да она мне даже стремянку не дала сложить...

Почему-то именно это последнее обстоятельство больше всего поразило воображение мухусчан.

— Даже стремянку не дала сложить,— говорили они, как о бесстыжем признаке окончательной порчи нравов. Получалось, что стремянка, во всяком случае в развернутом виде, как бы приравнивается к живому существу, и грехопадение в присутствии раздвинутой стремянки превращается в акт особого цинизма.

Между прочим, она продолжала встречаться с этим электриком уже вне связи с починкой электричества и, само собой разумеется, без всякой стремянки.

Примерно через полгода она ушла от Марата к этому монтеру, чем несколько сгладила свой грех, но никак не сгладила боль и обиду Марата. Лично мне он показывал тот самый кинжал, которым он когда-то искромсал удава, а теперь собирался зарезать ее и его. Мне стоило многих слов заставить его отказаться от этой страшной и, главное, никчемной мести. Разумеется, я был не один из тех, которые уговаривали его не делать этого хотя бы ради его собственной матери и его собственного ребенка.

Так как Марат достаточно широко извещал о своем намерении, я ждал, что лыхнинские родственники не замедлят явиться и каким-то образом укротят его гневную мечту, но они почему-то притихли и в город не приезжали. Можно догадываться, что по их таинственному кодексу морали в намеренье Марата не было ничего плохого. Точно так же они не препятствовали Марату, когда он сблизился с укротительницей удава. Не только в убийстве удава, но и в самой связи с укротительницей они, по-видимому, ничего плохого не видели, кроме молодечества или, выражаясь их языком, проявления мужчинства.

После ухода жены нервы у Марата стали сильно пошаливать. Всякие ночные звуки не давали ему спать и выводили из себя. Собственный будильник он на ночь заворачивал в одеяло и уносил в ванную. Жужжание мухи или писк комара превращали ночь в адское испытание.

А тут еще как назло была весна, и в пруду недалеко от дома Марата всю ночь квакали лягушки. Они настолько ему мешали жить, что он каждый день стал охотиться на них с мелкокалиберной винтовкой, решив извести всех лягушек этого пруда.

С неделю он стрелял лягушек, но потом этот, можно сказать, сизифов труд был прерван делегацией лыхнинских родственников, которые подошли прямо к пруду, и старейший из них вежливо, но твердо взял из рук Марата его мелкокалиберку.

Настоящий мужчина, было сказано при этом Марату, охотится на оленя, на волка, на медведя и на другую дичь. В крайнем случае, если из-под него кто-то выволакивает жену (выражаясь их языком), он может стрелять в этого человека, но никак не в лягушек, что позорно для их рода и просто так почеловечески смехотворно.

Больше Марат этого не мог выдержать. Он собрал свои пожитки и, покинув наш край, уехал работать в Сибирь на родину своей лайки. Я сознательно (лыхнинские старцы) не даю более точного адреса.

Что касается его бывшей жены, она благополучно живет со своим монтером, насколько благополучно можно жить с человеком, который в пьяном виде поколачивает ее, не без основания утверждая, что она в свое время изменяла мужу. Во всяком случае, можно отдать голову на отсечение, что он ее не называет своим маленьким оруженосцем.

— Меня Марат содержал, как куколку,— жалуется она соседкам после очередных побоев своего монтера.

— Ах, тебя, эфиопка, Марат содержал, как куколку,— рассуждают между собой возмущенные мухусчанки,— а чем ты его отблагодарила? Тем, что отдалась монтеру, даже не дав ему сложить стремянку?!

Перед самым своим отъездом из Мухуса Марат показал мне ответ на письмо, которое он отправлял в Москву на всесоюзный конкурс фотографий, который проводил ТАСС. Он им посылал свой знаменитый снимок, сделанный когда-то в московском метро. Его кровоточащему самолюбию сейчас, как никогда, нужно было признание.

Я прочел ответ конкурсной комиссии. В нем говорилось, что присланный снимок очень интересен, но он не подходит по условиям конкурса, потому что их интересуют ОРИГИНАЛЬНЫЕ фотоснимки, а не фотомонтаж, хотя и остроумно задуманный.

Они ему не поверили. Что я мог сказать Марату? Что рок никогда не останавливается на полпути, а всегда до конца доводит свой безжалостный замысел?!

И все-таки я верю, что Марат еще возродится во всем своем блеске. Но сейчас я хочу спросить у богов Олимпа во главе с громовержцем Зевсом, я хочу спросить у хитроумного Одиссея, у бесстрашного Ахиллеса, у шлемоблещущего Гектора, у всех у них, умудренных опытом естественной борьбы за обладание нежной, лепокудрой Еленой. Пусть они мне ответят, как? как? как?! эта приземистая тумба с головой совенка могла сломать нашего великого друга, чьи неисчислимые победы совершались почти на наших глазах. Или тайна сия нераскрытой пребудет в веках, и нам ничего не остается, как суеверно воскликнуть: «Прочь, богомерзкая тварь! Изыди, сатана!»



И. Я. ВИШНЯКОВ(?). 1699—1761.
ПОРТРЕТ ВЕЛ. КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ. (Коллекция Л. Кропивницкого.)



А. К. БОГОМАЗОВ. 1880—1930.
ПОРТРЕТ ЖЕНЫ. (Коллекция А. Шлепянова.)



СПОРЫ НА ВЕРНИСАЖЕ

«Сколько людей, столько и мнений», «о вкусах не спорят» — эти и другие сентенции, судя по нашей почте, никак не могут удовлетворить читателей, присылающих отклики на наши художественные вкладки. Мы решили дать авторам писем возможность поспорить друг с другом.

...Что это за «искусство» пропагандирует наш журнал «Огонек»? Мало того, что все выставки и музеи заполнены этим, еще и здесь печатают, коль те музеи и выставки люди не посещают. Ну когда же будет перестройка художников на искусство для народа? «Это» они малюют для своего удовольствия. Нам такое не нужно. Пора прекращать это безобразие в стране! Неужели в ЦК КПСС не заглядывают в «Огонек»? Иначе остановили бы тиражирование таких полотен, отравляющих души советских людей. Я коммунист с 1964 года. Требую прекратить выпуск этого в свет в любом виде!.. У нас есть что пропагандировать и чем воспитывать людей. Прошу принять меры без неприятностей мне за эти возмущения.

Василий ШРАМ,
учитель биологии.
Омск

Какая досада, когда человек не в состоянии вырваться из рамок раз и навсегда установленного стереотипа, что настоящую живопись творят только «настоящие классики»! И ведь таких людей, увы, много по той простой причине, что ничего иного они с детства до преклонного возраста не видели, да и не могли видеть, ибо на всем протяжении их жизни иная живопись выжигалась каленым железом.

Сколько талантливых художников погибло в неравной борьбе: одни спились, другие бросили живопись, третьи уехали за рубеж и там канули в вечность. И только теперь мы пытаемся по капле восстанавливать справедливость. Признали давно прославленного во всем мире Шагала, «открыли» еще совсем недавно рядом с нами живших Зверева и Сидура, вспомнили об уехавшем Шемякине, приобретшем за рубежом широкую известность. Сколько еще таких художников живет среди нас, а мы о них не знаем ничего или почти ничего.

Замечательно как раз то, что «Огонек» почти в каждом своем номере дает материал о художниках, которых предстоит читателям открыть, знакомит с различными нетрадиционными жанрами и, таким образом, воспитывает способность к их восприятию.

Пожалуйста, продолжайте больше публиковать произведений мало известных широкой публике мастеров, таких, как А. Зверев или В. Калинин. Думаю, было бы также полезно ознакомить читателей с русскими художниками, которые, как и Шагал, по разным причинам работали в других странах, такими, как Цадкин, Явленский, Архипенко и другие.

Г. ЕРОФЕЕВА,
Москва

Я очень люблю живопись, коллекционирую ее. Люблю художников Шишкина, Айвазовского, Перова, Серова, Крамского и других. Очень нравится Шилов. Надо больше пропагандировать такую живопись, которая дает эстетическое удовольствие, воспитывает хороший вкус у людей. А что может дать людям живопись, которую видишь на ваших страницах? Вот, например, портрет, сделанный Лентуловым. Я бы оскорбилась, если бы меня так нарисовали, это же карикатура! Как можно таких людей считать художниками, да еще выставлять в музеях? Это не только мое мнение. Вся наша семья не признает такого искусства, и друзья наши...

Г. А. ПАТРУШЕВА,
г. Жданов

Я был в числе тысяч посетителей знаменитой, но закрытой раньше объявленного срока выставки «на Каширке» «Художник и современность». Свидетельствую: впечатление, произведенное ею, незабываемо.

Не знаю, какую выгоду принесла выставка в рублях, думаю, что немалую... Несомненно другое: ею был внесен реальный вклад в дело перестройки умонастроений творческой интеллигенции, угрюмо-настороженной, изверившейся за годы застоя.

Хочу понять — доколе будут торжествовать чиновники, которые все на свете знают лучше профессионалов-подвижников, многие годы бескорыстно работающих в искусстве?

До сих пор энтузиасты и бессребреники получают тумаки и шишки, теснимые деляческой машиной, печально напоминающей знаменитый механизм под названием «Бульдозер», с помощью которого столь успешно решались творческие споры минувших времен.

Пора выработать гарантии социальной защиты от повторения этих губительных ошибок.

Пора остановить перестраховщиков, пытающихся вновь вбить клин в отношения между художником и государством, мешающих консолидации всех здоровых сил нашего общества.

Бессмысленные, раздражающие запреты, неумение и нежелание вести диалог, чиновничья спесь — вот что наносит реальный вред и людям, и престижу государства. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять — «запретители» спят и видят, чтоб поскорей кончилась перестройка. Вопрос — миру ли провалиться или им чай по-старому пить — они решают в пользу чая.

Евгений ПОПОВ,
писатель

К сожалению, среди высокохудожественных произведений часто встречаются такие поделки, о которых не скажешь, что их выполнил художник; многие из них в лучшем случае могли бы занять место на страницах «Мурзилки» или помещены в разделе детского творчества журнала «Юный художник». Особенно много репродукций подобного типа «произведений» в «Огоньке» за прошлый год. Вот далеко не полный перечень фамилий этих «творцов»: О. Булгакова, А. Ситников, А. Лентулов, Т. Нариманбеков, П. Филонов, В. Бубнова, А. Зверев, В. Хлебникова, В. Калинин...

Неужто так сильно деградировали живописное искусство, скульптура, которыми мы так гордились?

А. ВИНОГРАДОВ,
кандидат технических наук,
член общества «Знание».
п/о Б. Вяземы

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ КУЛЬТУРЫ СССР В. Г. ЗАХАРОВУ

Уважаемый Василий Георгиевич!

С некоторых пор издание книг, альбомов и журнальных материалов по изобразительному искусству натолкнулось на неожиданное и весьма ощутимое препятствие. Заключается оно в том, что дирекция Государственной Третьяковской галереи запретила фотосъемку принадлежащих ей произведений художников разных эпох. В итоге сложилась совершенно нетерпимая обстановка. Мало того, что наша дорогая Третьяковка из-за нерадивости различных руководящих лиц оказалась в аварийном состоянии и закрылась на долгие годы. Теперь «голод на искусство» еще более усугублен, до степени грубой деформации экологии культуры, ибо даже сделать хорошие репродукции с картин, скульптур и рисунков, принадлежащих ГТГ, ныне стало невозможно. Директор ГТГ Ю. К. Королев и его помощники категорически отказывают издательствам и редакциям в праве фотосъемки. И это несмотря на существование уже построенного запасника («депозитария»), где без всяких сложностей можно производить фотографирование любого типа. Впрочем, недавно не была допущена съемка даже на открытой выставке «Искусство и революция» (в здании у Крымского моста). Нетрудно понять, как вследствие такого беззаконного запрета страдают художественные запросы миллионов зрителей и читателей. Но, очевидно, дирекции ГТГ это безразлично. Никаких серьезных аргументов в защиту своей позиции она не приводит. Разве что иногда говорят, что музейные экспонаты будет воспроизводить сам музей. Но это решительное извращение самой основной общественной функции государственных хранилищ произведений искусства. Общество поручает музеям хранить эти произведения, но они, как известно, принадлежат народу, являются **общественным достоянием**, и ставить препоны на пути к его использованию недопустимо, противоречит основам культурной политики нашего государства.

К сожалению, трудности сходного рода встречаются иногда и при контактах с другими советскими музеями, художественными, историческими, краеведческими, литературными и иными.

Мы спрашиваем Министерство культуры СССР, в ведении которого находится Государственная Третьяковская галерея, на чем основано укоренившееся ныне грубое своеволие во взаимоотношениях музея и редакционно-издательских учреждений? Можно ли допускать, чтобы какие-то узковедомственные соображения и интересы, а то и просто злые прихоти музейных «владык» наносили жестокий урон великому делу эстетического воспитания советского народа, пропаганде нашего искусства в СССР и за его пределами?

Мы просим безотлагательно положить предел этому недостойному произволу.

По поручению Бюро критической комиссии СХ СССР и Бюро секции критики и искусствознания МОСХ РСФСР

А. КАМЕНСКИЙ,
А. МОРОЗОВ,
Д. САРАБЬЯНОВ,
А. ЯКИМОВИЧ



ПОРОГ ОТЕЧЕСТВА

Евгений РЯБЧИКОВ

РЕДКО КОМУ ВЫПАДАЕТ СЛУЧАЙ УВИДЕТЬ ВСЮ ГРАНИЦУ. НО ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ, НЕ ЗАБИРАЯСЬ В КАБИНУ ВЕРТОЛЕТА, НЕ ВСКАКИВАЯ В СЕДЛО, НЕ БОРОЗДЯ МОРЯ, ПРОДЕЛАТЬ ДАЛЬНИЙ ПУТЬ ПО ВСЕЙ ГРАНИЦЕ В... ЗАЛАХ МУЗЕЯ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК КГБ СССР. ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО, ПРЕДСТАВЛЕНА ОНА В МИНИАТЮРЕ, НО ДОСТОВЕРНО И С ТАКИМ ТЩАНИЕМ, ЧТО ДАЕТ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ САМОЙ, НО И О РАТНОМ ТРУДЕ ЧАСОВЫХ РОДИНЫ.

Гидом в нашем «путешествии» по музейным залам согласился быть легендарный следопыт, Герой Советского Союза полковник Никита Федорович Карацупа. Невысок он ростом, коренаст, тверд на ногу — за долгие годы службы на границе привык ходить по дозорным тропам.

Как только полыхнуло пламя Октября, старый корпус пограничных войск развалился. По указанию Ленина, границы были закрыты, остановлен мутный поток нарушителей. Экстренно принятые меры были весьма своевременными — под видом контрабандистов через границу рвались шпионы, диверсанты и террористы, получившие приказ: любыми средствами содействовать свержению Советской власти. Враг действовал решительно и нагло. Требовалось немедля позаботиться о защите молодой республики Советов. И Ленин подписывает решение о создании ВЧК, а 28 мая 1918 года — ровно 70 лет назад — декрет об организации пограничной охраны.

На старых картах, представленных в музее, отмечены места боевых действий пограничников, разгромивших основные силы басмачей. Бои, погони, схватки — трудная фронтовая жизнь границы. Видим и портреты пограничников Петра Сайкина, Ивана Ломанова, Степана Карпова и других отважных воинов, с винтовкой и гранатой, верхом на коне, а то и пешком, вступавших в бой с лазутчиками.

Колоссальные средства расходуют спецслужбы для создания самых изощренных средств нарушения советской границы, переброски через нее своих агентов и снаряжения для них. Они пытаются любыми средствами прорваться через кордон. И вот уже 70 лет стоят на страже рубежей Отечества пограничные войска — детище народа, его охрана. Войска разительно изменились.

В 20-х годах около половины населения нашей страны старше 9 лет было еще неграмотным, и в силу этих причин на заставы приходило много плохо подготовленных молодых людей. Граница становилась для них школой гражданственности, бдительности, мужества и просто начальной школой, в которой постигали они азы грамотности. Это теперь приходят на границу образованные, знакомые с техникой молодые люди, которым можно доверить и современное оружие, и быстродействующие средства связи, и бронетранспортеры, и вертолеты, и корабли, и самолеты.

Полковник Н. Ф. Карацупа, ведущий нас из зала в зал по музею, рассказывающий о том, где и когда отражали пограничники налеты врага, как раскрывали они хитроумные замыслы нарушителей, входит в зал, в котором представлены стенды, посвященные боевой деятельности его самого, легендарного следопыта. Вот зеленая фуражка Никиты Карацупы, пробитая пулей. Вот его истертая кожаная куртка, маузер, компас, карабин, карты. Здесь и чучело погибшей в бою любимой собаки Ингуса.

Никита Федорович Карацупа прибыл на дальневосточную заставу более полувека назад. Граница учит, воспитывает, закаляет: героями не рождаются — ими становятся. Всей своей боевой жизнью Карацупа показывает, как важно и нужно знать военное дело, воспитывать в себе мужество, стойкость и бесстрашие, физическую выносливость, готовность в любой миг встать на защиту Родины.

Пришло время — кончилась срочная служба Карацупы, а он выразил желание остаться в пограничных войсках. Его авторитет как следопыта был так велик, что пригласили преподавать в той школе, которую он окончил, звали его и в Москву, но в ответ Карацупа твердил свое: просил оставить его на родной заставе. И опять — дозорные тропы, секреты, погони, схватки то в камышовых зарослях, то в тайге, то в безлесых сопках. Только когда началась Великая Отечественная война, старший лейтенант Карацупа решил оставить родную заставу — первым подал он заявление с просьбой направить его на фронт. Ему отказали — «малыми силами» предстояло охранять дальневосточную границу, и Карацупа со своим Ингусом был нужен не только на заставе.

На запад пошли эшелоны с пограничниками и Приморского, и Хабаровского, и Забайкальского пограничных округов. Пришло время и для Карацупы — его вызвали в округ и поручили срочно формировать специальный ударный отряд особого назначения для борьбы со шпионами, диверсантами и террористами в прифронтовой полосе.

●

Семья в зеленых погонах.

●

Вот он — легендарный Ингус.

Фото Владимира ГРЕЧУХИНА и из семейного архива Н. Ф. Карацупы.

Земля и небо гудели от взрывов. Все горело. Дороги заполняли войска, беженцы, санитарные эшелоны. Ревели танки и бронемашины. Скрипели колеса фур и телег, ржали кони, кричали люди, и во всем этом оглушающем гуле важно было немедля разобраться, познавать хитрости и коварные уловки врага: он расставлял всюду «адские ловушки», минировал дороги и тропы, отравлял колодцы, заполнял взрывчаткой детские игрушки и консервные банки. И всюду жди пулю снайпера, пожар, нападение из-за угла. Но Карацупа привык к долгим пешим и конным походам, к встречам с глазу на глаз с врагом. Со своим отрядом быстро ориентировался он в боевой обстановке и стал, подобно саперам, очищать землю от «тайной смерти», от тех, кто отравлял колодцы, минировал дороги, пытал и вешал на столбах шахтеров и колхозников.

Что ни день — погоня, бой. Что ни ночь — схватки с «тенями», нападавшими в нашем тылу на госпитали, артиллерийские склады, штабы, средства связи. Все время — в седле, в кабинке «газика», на танке, в самолете, а чаще — пешком по болотам, в лесной чащобе, среди развалин городов и селений.

И вот — Победа. Можно было демобилизоваться, идти на покой, лечиться, отдать больше времени семье, но Карацупа вернулся на границу: без нее он не мыслил своей жизни.

Он — подполковник, знаменитый следопыт, и его стали направлять на «активные участки» границы, где нарушитель, проявив хитрость и используя новейшие технические средства, проникал в советский тыл. Карацупа летел со своим — уже новым — Ингусом на самолете, обследовал район «прорыва», строил различные версии: как мог нарушить границу лазутчик? куда он следует? пункт назначения? Выбрав вариант, следопыт приступал к поиску следов, опросу местного населения. Труден поиск: в одном случае нарушитель был доставлен к берегу подводной лодкой и, надев на себя акваланг или легкий водолазный костюм, перебирался на сушу. В другом случае нарушитель спускался на землю с неба на парашюте с борта специально оборудованного самолета-шпиона.

Во время одной из сложных операций, которые проводил Карацупа высоко в горах, я нашел его на скале,— подполковник обсуждал с пограничниками предварительные итоги поиска нарушителя. У Никиты Федоровича засеребрились виски, лицо потемнело от ветров и солнца. Вот только глаза остались молодыми, ищущими, зоркими. Полазил я с ним по горам, походил по долинам, поездил на машине — неутомим Карацупа! Сколько в нем сил, энергии, точного понимания событий.

«Огонек» опубликовал тогда серию моих очерков «Следопыт», вышли и книжки, прошли радиопередачи, и опять, как в былые времена, юнцы стали играть «в Карацупу». Именем следопыта называли пионерские отряды, библиотеки. Большое счастье литератора — более полувека дружить с воином-пограничником, ставшим литературным героем, любимым детворой и молодежью, основавшим свою школу следопытства, воспитавшим плеяду следопытов не только в нашей стране, но и в дружеских странах, освободившихся от колониального гнета и создававших свои пограничные войска. И где бы ни был Карацупа, он всегда и везде прост, скромен, внимателен, трудолюбив. Презирает вино и табак: убивают они остроту чутья,— и вообще вредное зелье. Не терпит Карацупа фальши и обмана,— следопыт, по его убеждению, должен быть честным, зорким, точным и правдивым человеком.

Ратный труд никогда не был легким. На границе он труднее втрое. Жить, постоянно держа палец на взведенном курке, все время прислушиваясь к тревожным звукам,— напряженная, сложная, суровая жизнь. За десятилетия боевой жизни на границе Никита Федорович Карацупа задержал 467 нарушителей, 129 убил он в схватках, и это далеко не полный итог службы на границе ветерана. Опасно? Да, опасно. Трудно? Да, трудно, и даже очень. Но Отечество воспитывает своих рыцарей, защитников, посвящающих жизнь служению Родине, защите священных рубежей. Получив приказ выйти на охрану Государственной границы СССР, молодой воин-пограничник становится не только часовым, но еще и дипломатом, и юристом, и психологом, и историком, и знатоком животного мира и правил таможенной службы — человеком, умеющим сердечно встретить друга и пресекать коварные планы врага.

И сын полковника Н. Ф. Карацупы — майор пограничных войск Анатолий Никитович, и внук Андрей — курсант пограничного училища; семья в зеленых погонах. Они — носители традиций пограничных войск, отмечающих свое 70-летие.



О ЦЕНЕ СЛОВ И ЦЕНАХ НА ПРОДУКТЫ

Начало на стр. 6.

из этой классификации во имя социальной демагогии (простите, «справедливости») стратегией.

Вроде бы уже выявили мы в спорах, что именно эти «потолки», «уравниловки» и «выводиловки» стоят у нас на пути к тому, чтобы в стране резко возросло как количество нужных товаров и услуг, так и качество их. А ведь высокий курс рубля обеспечивается вовсе не наличием определенного количества денег в обороте, он зависит от обеспеченности любого рубля (сколько бы их ни было в обороте) нужными (и качественными) товарами и услугами (и не только материального свойства, разумеется). Так надо ли бояться сверхвысоких заработков, говоря о бесчисленных «радетелях» и «заботниках» о здоровье нашей экономики, не дающих работать тем, кто может и хочет произвести для страны гораздо больше товаров, чем производит сейчас?

Обещаемая нам экономистами и сотрудниками Госкомцен реформа, на мой взгляд, никакой реальной структуры цен создать не может, ибо в ходе ее цены по-прежнему намерены декретировать сверху, без расширения свободы конкуренции между предприятиями (производящими и торгующими), без их борьбы за покупателя, до достижения предприятиями реальной финансовой самостоятельности, определяя их чисто канцелярски — по «реальным затратам», которые не случайно же даже наши ведущие экономисты на пороге принятия ответственнейших решений в области ценообразования удивительно дружно «путают» с общественно необходимыми затратами. Для ускорения движения нам навязчиво предлагают, запрягая, телегу поставить впереди лошади. То, что может быть только итогом общего оздоровления экономики, проявлением этого оздоровления, объявляют средством оздоровления. На практике это значит, что нам предлагают обойтись без оздоровления.

Как бы такая «революция» не превратилась в главную мину под перестройку. Просто удивительно было бы, если бы бюрократия упустила столь простой для осуществления и столь эффективный способ вбить клин между народом и идеологами перестройки.

Экономика вовсе не должна быть экономной. Это плюшкинская формула, у которого, как известно, вся энергия уходила на спасение обрывков бумажек и охрану засохших кусочков кулича, в то время как хлеб гнил в скирдах, а дома стояли с дырявыми крышами. Что действительно «должна» делать экономика, так это делать страну и всех ее жителей богаче, зажиточнее, и при социализме у нее для этого более чем достаточно не используемых пока возможностей.

Старый, предприимчивый Соломон Борисович, приглашенный в коммуну Макаренко, никак не мог взять в толк: как это двести уже достаточно больших мальчиков и девочек, у которых есть руки и головы на плечах, не могут заработать себе на суп? Нас же от лица высших откровений науки упорно уверяют, что двести миллионов взрослых советских людей, у которых и руки, и ноги, и головы вроде бы на месте, не способны обеспечить себя хлебом с маслом так, чтобы не увязнуть в долгах и не начать закладывать в ломбард бабушкины кринолины!

Вот и приходит в голову «ненаучная» мысль: а что, если нам начать выравнивать линию экономического фронта путем наступления, а не бегства? То есть не повышая на все и на вся цены ради реанимации и консервации бюрократической системы, а снижая количество бездарей и бездельников на всех этажах социальной лестницы? Очень хотелось бы, чтобы это предложение было рассмотрено в качестве одного из проектов «реформы цен», всенародное обсуждение которой нам обещано, в частности, и в статье В. Павлова.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Бушуют споры о реформе цен, кипят страсти, высказываются все новые и новые аргументы, предложения, прогнозы, а в это время...

Елгавский завод микроавтобусов РАФ начал наконец-то выпуск машин для многодетных семей. Всю душу вложил коллектив, чтобы микроавтобус был практичным и удобным, но... Когда долгожданный микроавтобус появился на свет, не только у многодетных родителей, но и у творцов машины «глаза на лоб полезли» — 30 тысяч рублей за нее надо заплатить при оптовой цене менее пяти тысяч! Так решил Госкомцен СССР, очень озабоченный, как уверяет нас его руководство, проблемами социальной справедливости.

А вот еще один факт. Все мы все с большим и большим ужасом поглядываем на небо. Давно уже ученые забили тревогу, и вот обоснованность ее, похоже, находит свои зловещие подтверждения. «Озонная дыра» над Антарктидой из сезонной, как сообщают, превратилась в постоянную, расширяющуюся. Да и в средних широтах толщина озонного слоя ежегодно уменьшается и уменьшается. А слой этот очень тонкий и неплотный, хотя и защищает все живое на Земле от смертельной солнечной радиации. Наиболее губителен для молекул озона, как выявили ученые, «холодильный газ» — фреон. Возникла ситуация, требующая незамедлительной замены фреона в холодильниках и аэрозольных системах (в том числе бытовых) на другой, безопасный в этом отношении газ. Наши химики нашли решение задачи. Уже в 1984 году предприятия «Союзбытхима» начали использовать вместо фреона пропан. Технические и научные трудности остались позади, но... Госкомцен отверг все предложения, которые позволили бы произвести замену, не разорив соответствующие предприятия. Дело в том, что пропан чуть не в два с половиной раза дешевле фреона (при снижении к тому же норм расхода вдвое). А выполнение планов (с соответствующими финансовыми последствиями) определяется, как мы отмечали, по истраченным предприятием рублям. Один только Брестский завод бытовой химии, попробовавший спасти озонный слой над земным шаром, потерял на удешевлении продукции около пяти миллионов рублей, фонд зарплаты у коллектива уменьшился на 100 тысяч рублей (и другие фонды тоже).

О наших с вами интересах печется Госкомцен, намертво подгоняя оптовые цены на продукцию к «реальным затратам»? Если бы! Вдумайтесь, наши регламентаторы цен готовы насмерть отстаивать заскорузлые «затратные» принципы, выгодные бюрократии и напрочь игнорирующие интересы как экономики, так и миллионов покупателей страны, даже если речь заходит о спасении всего живого на Земле!

И вот этим людям нас призывают вручить в руки подготовку и проведение «реформы цен», от итогов которой во многом прямо зависит весь ход экономических преобразований в стране. Не слишком ли доверчивыми кажемся мы, рядовые граждане, тем «аннушкам», которые старательно разливают подсолнечное масло на путях перестройки?

Людмила УВАРОВА

Года за два с половиной до войны, а, может быть, даже немного раньше, не могу сейчас припомнить точную дату, я стала работать в московской спецшколе преподавателем немецкого языка. Было мне в ту пору неполных девятнадцать, за плечами всего-то-навсего техникум иностранных языков, правда, я продолжала учиться дальше, в институте, на вечернем отделении.

Помню первый день занятий. В класс меня привел директор школы, въедливый и придирчивый, из породы бытовавших в те годы недоверчивых, всех во всем подозревавших демагогов, с которыми одинаково тягостно молчать и говорить. Одет он был так, как одевались в то время многие ответственные работники,— полувоенного образца френч, подобный тому, какой носил товарищ Сталин, на ногах светлые бурки, отороченные кудрявым барашковым мехом.

Перед тем как войти в класс, еще в учительской, директор дал мне журнал, в журнале столбиком, как оно и полагается, были написаны фамилии учеников. В конце списка стояла не фамилия, а одно лишь имя — «Василий».

— Знаете, кто это? — спросил директор.

— Нет, не знаю.

Он, прищурясь, окинул меня пронзительным взглядом, зачем-то расстегнул и снова застегнул пуговку на вороте своего френча, нахмурил жиденькие брови, как бы предваряя значительность последующих слов.

— Это сын товарища Сталина,— вызывать его к доске, но никогда никаких ему замечаний, ни одного-единого. Запомните это!

Потом директор школы представил меня и ушел, тут же я села за стол.

Признаюсь, очень хотелось увидеть сына нашего вождя, еще как хотелось! Ведь, если так подумать, я была ненамного старше своих учеников, ну, а потом, кто бы на моем месте, пусть даже самый опытный и зрелый человек не захотел бы лично, воочию узреть сына великого отца народов?..

И вдруг что-то ударило меня в лоб, не больно, но ощутимо. От неожиданности я вскочила со стула, по классу пронесся откровенный смех.

На пол, рядом с моим столом, упал белый «голубь», я подняла его, он был сделан умело, из довольно плотного картона непогрешимой белизны.

Смех разрастался все сильнее.

«Что же делать? Может быть, обратить все в шутку?»

Однако я не успела даже слова произнести, как откуда-то сбоку снова полетел белый картонный голубь, упав на мой стол.

— Кто это сделал? — спросила я.

Молчание было ответом мне.

— Я надеюсь, что тот, кто бросил в меня голубя, окажется сознательным и открыто признает свою вину...

Снова молчание. Потом из-за парты, стоявшей возле окна, встал коренастый мальчик. Что-то знакомое, много раз виденное, почудилось мне в надменном очерке губ, в хмурых бровях, сдвинутых к переносице; нижние веки у него были слегка приподняты, и потому взгляд казался как бы притушенным. Откинув назад голову, он ясно, отчетливо проговорил:

— Свою вину? А что за вина, хотелось бы знать?

Я продолжала вглядываться в его



Василий Сталин. Июль 1943 года.

известно, давно нет в живых, воспитывается он у Ворошилова.

Еще Тимур рассказал, что мечтает стать летчиком. Все учащиеся спецшколы после окончания учебы должны были отправиться в Качу, в тамошнее летное училище, чтобы выучиться на летчиков.

— По-моему,— сказал Тимур,— это и есть самое настоящее счастье — быть летчиком, летать в небе — вы не находите?

На другой день я принесла Тимуру первый том Понсон дю Террайля, а он дал мне две тоненькие книжечки, посвященные похождениям бравого сыщика Ника Картера.

Юра Холмогоров случайно узнал о том, что я даю Тимуру читать книги. Должно быть, сам же Тимур рассказал ему.

Как-то на большой перемене, когда я шла в учительскую, Юра догнал меня. Тихо, так, чтобы никто не слышал, попросил:

— Если можно, мне бы тоже хотелось читать ваши книги...

Так мы трое стали обмениваться приключенческими книгами — Тимур, Юра и я.

Надо сказать, что Василий не всегда являлся в школу, часто пропускал уроки, причем никогда не объяснял, почему не пришел. Впрочем, его никто и не спрашивал.

Не ведаю, почему Василий невзлюбил меня. Может быть, сказалась его нелюбовь к немецкому и он механически перенес эту нелюбовь на меня?

Не знаю. Знаю одно, он никогда не выполнял домашние задания, большей частью отказывался пересказывать содержание того или иного рассказа, прочитанного в классе, отговариваясь всегда одинаково:

— Я себя плохо чувствую...

Сознавая свою силу, абсолютную безнаказанность, он не мигая смотрел на меня в упор своими зеленоватыми глазами, которые казались мне скользкими, словно бы убегающими.

Как-то в самом начале, когда я стала преподавать, я обратилась к Василию:

— Пожалуйста, перескажите мне то, что я сейчас читала...

Он не сразу ответил мне:

— Что-то мне не хочется пересказывать...

Зеленоватые глаза его чуть сощурились.

Я чувствовала, весь класс, затаив дыхание, ждет, что-то скажу теперь я.

— Хорошо,— сказала я и поставила против его имени в журнале слово из четырех букв: «неуд».

В тот день я не успела выйти из школы, как за мной в раздевалку ринулись три или четыре добровольца.

— Скорее, вас требует директор!

Так и сказали: не просит зайти, а требует.

Я поднялась в директорский кабинет. Хозяин кабинета расхаживал по комнате, от окна к двери и обратно. Завидев меня, он круто обернулся, встал передо мной, заложил руки в карманы своего полувоенного френча.

— Вы что,— начал он тихо, почти неслышно.— Вы что, с ума сошли?

Бросился к своему письменному столу, схватил со стола классный журнал, раскрыл его.

— Это, это что такое?

— Это «неуд»,— сказала я.— Он не захотел пересказывать, сказал, что не хочется. Кроме того, он никогда не выполняет заданий...

Несколько мгновений директор смотрел на меня. Не могу передать ту постепенно меняющуюся гамму различных чувств, которые выражали его глаза, чего только там не было: удивление, негодование, презрение, отвращение...

— Вот что,— начал он, выдержав значительную паузу, должно быть, ожидая каких-то моих оправданий, но я тоже молчала, да и что тут можно было сказать,— вот что, если еще раз вы позволите себе такое...

Из истории современности

ВАСИЛИЙ

шительно произнес он.— Понимаете? Сын товарища Сталина!

Странное дело, многое стерлось в памяти за истекшие годы, но этот разговор помнится до мельчайших подробностей; снова видится мне узенькая полоска усов над верхней губой директора, острые, хитренькие глазки его в припухлых мешочках, слышится голос, вдруг разом потерявший свой несколько визгливый тембр и обретший внезапную начальственную величавость. Начальственную и в то же время подобострастную. Уж не знаю, как эти две противоречащие друг другу интонации умели сочетаться в его голосе, но что было, то было — сочетались!

Он остановился, выждал паузу, чтобы подчеркнуть то, что сейчас выскажет.

— Никогда никому ни при каких обстоятельствах не говорите, что сын товарища Сталина учится в этой школе. Поняли?

Я молча кивнула.

— Запомните еще вот что: берегитесь потерять классный журнал! Журнал может попасть в руки врага. Враг, возможно, пытается собрать все сведения о товарище Сталине, для него, конечно же, важно и интересно, где учится сын товарища Сталина, где можно обнаружить сына товарища Сталина, поэтому еще и еще раз напоминаю вам — берегите классный журнал, как зеницу ока!

— И еще помните,— он поднял кверху острый, словно циркуль, указательный палец с длинным, заботливо выхоленным ногтем,— вы можете спрашивать сына товарища Сталина, можете

лицо и, чем дольше вглядывалась, тем все более знакомым казался мне его низкий с вертикальной морщиной лоб, коротко остриженные, рыжеватого оттенка волосы, срезанный подбородок.

— Так вот,— сказал Василий, конечно же, то был он,— я это сделал. Оба голубя послал вам я. Как привет или приветствие, называйте, как хотите...

Он произносил слова отрывисто, словно рубил их пополам; надменные губы его дрогнули в неясной улыбке.

— Поняли? — спросил он меня, спросил так, словно я была в чем-то перед ним виновата.

Я молчала. Вспомнилась мне моя комната на Большой Бронной, за которую я не платила квартплату уже четвертый месяц, мамино лицо, надо было маме подбросить немного деньжат, сама никогда не попросит, а ведь ей, наверное, не продержаться до конца месяца, и еще следовало подшить старые, прохудившиеся валенки и отдать перелицевать зимнее пальто, и на все нужны деньги, деньги, деньги, а их долго не было у меня...

Много чего вспомнилось в эти тягостные минуты, когда сын великого вождя всех времен и народов ждал моего ответа.

— Поняла,— сказала я.

* * *

Лучше всех ко мне относился Тимур Фрунзе, худенький, светловолосый, узкоплечий, с удивительно подвижным, умным лицом и живыми глазами, которые часто менялись, порой казались золотистыми, походившими цветом на осенние упавшие листья.

И еще один мальчик, я чувствовала, симпатизирует мне. Юра Холмогоров, о нем говорили, что он превосходный пловец, прыгун в высоту и в длину, бегает быстрее всех и классно ходит на лыжах. Юра был сыном какого-то дипломата, жившего в Париже.

Нас троих, меня, Тимура и Юру, объединяло общее пристрастие к приключенческой литературе. Я старалась придерживаться правила, строго предписанного в школе всем учителям и даже техническим работникам — нянечкам, буфетчице, уборщикам, курьерам,— избегать всякого рода посторонних разговоров.

Но Тимур, непосредственный, контактный, удивительно располагавший к себе, сам подошел ко мне, когда я вышла из подъезда школы.

— Нам по дороге? — спросил он.

— Я на Большую Бронную, домой,— сказала я.

— Стало быть, по дороге,— решил он.— Мне надо к Пушкинской.

Дорогой Тимур спросил меня:

— Вы что, коренная москвичка?

— Коренная,— ответила я.— Родилась на Мытной улице, недалеко от Калужской площади.

Уж не помню, как у нас зашел разговор о Дюма. Помню только, что Тимур сказал:

— Это мой самый любимый писатель.

— И мой тоже,— призналась я.

— Знаете что? — внезапно предложил он мне.— Давайте меняться книгами.

— Хорошо,— согласилась я.

Дорогой Тимур рассказал мне, что у него есть сестра Таня, родителей, как

Журнальный вариант.

Он запнулся в поисках нужного слова.

— Такое самоуправство, то, имейте в виду, с нашей школой можете распроститься.

— Но он же не пожелал отвечать,— сказала я.

Директор мгновенно оборвал меня:

— Значит, не хотел.— Директор пристукнул кулаком по столу.— Очевидно, вы забыли наш разговор, повторю еще раз, а вы извольте слушать. Никогда, ни при каких обстоятельствах не делайте Василию замечаний, никогда не ставьте ему плохие отметки, это уж не ваша забота — ставить ему отметки.

— Но если он не хочет отвечать уроки? — спросила я.— Что же делать тогда? Какой же это пример для всех остальных учеников?

Директор откашлялся, как и всегда, когда намеревался сказать что-то важное, значительное, и торжественно произнес:

— Сын товарища Сталина — пример для всех учеников, как бы он ни учился, отвечает ли он урок или не желает отвечать. Сын товарища Сталина — исключение из общего правила...

С тем я и ушла. Исключение из общего правила? Да, так оно и есть, наверное...

Однажды Василия не было в школе около недели, но вдруг он явился к моему уроку И, не слушая меня, стал напевать что-то.

Я замолчала, он замолчал тоже. Я начала объяснять новое грамматическое правило, он снова запел.

Я спросила

— Я вам не мешаю?

— Нет,— ответил он, усмехнувшись.— Продолжайте...

Прозвенел звонок. Я вышла на улицу, было холодно, ветрено, снег сыпал крупными хлопьями с неба.

Я шла и плакала.

Кто-то осторожно взял меня за руку. Я оглянулась. Это был Тимур.

— Перестаньте,— сказал он.— Я вас очень, очень прошу, не надо плакать...

Я быстро вытерла глаза. Не хватало еще того, чтобы мальчик, мой ученик, успокаивал меня.

— Хорошо. Не буду больше.

— И не надо. Вы же все равно не переделаете его, его вообще нельзя переделать.

* * *

Ни с кем из школьных педагогов я не сошлась близко, ни с кем, само собой, не говорила откровенно. Да и, думается, вряд ли кто-либо с кем-то говорил в те годы откровенно.

Я была самая молодая учительница в школе, все остальные были много старше, учителя с большим опытом, с большим стажем.

Может быть, потому мои коллеги относились ко мне скорее равнодушно, я не представляла ни для кого из них никакого интереса. Лишь один учитель математики Вячеслав Витальевич Горохов, громогласный старик, острослов и неисправимый насмешник, благоволил ко мне.

Он был со мной откровенен. Должно быть, жизненный опыт, точное знание людей подсказали ему, мне можно доверять, я не продам...

— Знаете, а наш директор,— он произносил это слово почему-то через «э» — дирэктор,— большой дурак, вы не находите?

Как-то он спросил меня, когда мы шли вместе домой:

— Что, говорят, у вас с Василием не сложились отношения?

Все в школе называли сына Сталина только так, по имени, Василий.

— Не сложились,— ответила я.— Он, не знаю, почему, терпеть меня не может.

— А может быть, вы ему просто-напросто нравитесь? — спросил Вячеслав Витальевич и сам же ответил: — А что, очень даже может статься. Годами вы же почти ему сверстница, кроме того, такие, как вы, всегда нравятся мальчишкам...

— Да нет, я ему абсолютно не нравлюсь.

— Я многое знаю о Василии с давних пор,— сказал Вячеслав Витальевич.— Одна моя знакомая преподавала в школе, где он начинал учиться. Она рассказывала, что этот мальчик отличается неровным, непредсказуемым, крайне импульсивным характером, сегодня, скажем, может дружить с кем-то напропалую, а назавтра вдруг ни с того ни с сего возненавидеть...

— А у вас с ним сложились отношения? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Как-то об этом не задумывался. Я даю задания, он их выполняет, он, в общем, любит, во всяком случае, приемлет математику.

— Выходит, вам повезло,— сказала я.

Не выдержала, рассказала ему о том, давнем случае с «неудом», который я поставила Василию. Он слушал меня, не говоря ни слова. Потом произнес с непередаваемым выражением:

— Уж этот дирэктор...

Прошел несколько шагов, остановился. Я невольно остановилась вместе с ним.

— Скажите, вас это все не удивляет?

— Что именно? — спросила я.

— Все.

Я промолчала, а он проговорил мрачно:

— Все время только и делаю, что не перестаю удивляться, даю слово! Право же, не верится подчас, неужели теперь двадцатый век? Нет, в самом деле?

Я ничего не ответила, только молча взглянула на него. Наши глаза встретились. Должно быть, мы оба тогда подумали об одном и том же, но не решались высказать свои мысли. Хотя вроде бы доверяли друг другу.

* * *

В конце зимы школьники приняли участие в лыжном кроссе в Опалихе. До того месяца два они тренировались в Сокольниках, готовясь к этому кроссу.

Помню ветреный морозный день февраля. Я шла в школу, меня догнал Тимур.

— Юрка пришел первым,— радостно объявил он. Тимур обладал поразительным свойством, не так уж часто встречающимся,— радоваться чужой удаче.— Мы с ним шли сперва на равных, потом он вырвался и обогнал всех!

Юра Холмогоров, наверное, поджидая нас, стоял возле подъезда школы. Меховая шапка сдвинута набок.

— Поздравляю,— сказала я Юре.— Говорят, ты победитель кросса.

— Папа считает, это мой ему подарок,— заметил Юра.

— А ты что, написал ему? — спросила я.

— Зачем писать? Он же сам приехал несколько дней тому назад. Его вызвали в Москву,— сказал Юра. Помолчал, потом добавил: — Какой-то странный он стал... Все время о чем-то думает...

В эту минуту к школе подъехали две машины, из одной вылез Василий, в другой сидели трое — охрана Василия.

Сухо кивнув всем нам, Василий обратился к Юре:

— Ну как, победитель, все еще не можешь опомниться от своей победы?

И, не дожидаясь ответа Юры, прошел в подъезд.

— Он участвовал в кроссе? — спросила я.

— Участвовал,— ответил Юра.— Пришел седьмым.

Прозвенел звонок. Мой урок был первым. Я вызвала к доске троих. В том числе Юру.

Все трое, вызванные мной, писали на доске предложения, простые и придаточные, и делали грамматический их разбор.

Лучше всех на этот раз отвечал, пожалуй, Юра. Я сказала:

— Сразу видно, ты хорошо подготовился...

— Он у нас вообще старательный,— произнес с места Василий.

Юра ничего не ответил, кто-то искательно и наверняка притворно засмеялся.

Когда Юра шел к своему месту, я случайно, подняв глаза, увидела, как Василий смотрел на него, губы его улыбались, но нижние веки как бы поднялись выше обычного, должно быть, потому взгляд Василия казался особенно колючим.

Внезапно я поняла: да он завидует ему, конечно же, завидует. Ведь Юра, а не он пришел первым...

На следующий день во время большой перемены я окликнула Юру, протянула ему превосходно изданный сборник фантастических произведений Конан Дойла.

— Если хочешь, возьми, почитай,— сказала я.— Тут «Затерянный мир», «Когда земля вскрикнула» и еще «Последнее приключение Шерлока Холмса».

— Это когда он сразился с профессором Мориарти? — спросил подошедший к нам Тимур.— Я читал, замечательный рассказ!

— Молодец,— произнес кто-то за моей спиной.

Я обернулась. Позади стоял Василий, засунув руки в карманы своих отлично выглаженных бриджей. Он одевался, пожалуй, лучше всех в школе; видно было, что любил и ценил хорошую одежду, большей частью носил заграничные спортивные пиджаки и куртки, бриджи и толстые клетчатые гольфы.

Юра все еще держал мою книгу в руках.

— Это что, никак подарок победителю кросса? — спросил Василий, глядя на книгу.

— Да нет,— быстро ответил Тимур.— Мы меняемся книгами, все трое, даем друг другу то, что кажется интересным...

— Меняетесь? — протянул Василий, недоуменное выражение его лица сразу сменилось некоторым оттенком насмешки.— Значит, организовали обменный пункт? Так прикажете понимать?

Прошло дня четыре. Окончив уроки, я уходила из школы.

Черная машина, привозившая и увозившая Василия, уже стояла около подъезда, позади стояла еще одна машина с охраной.

Василий сел в машину, на заднее сиденье, машина тронулась с места, вторая немедленно поехала вслед за первой.

Я шла по тротуару, глядя прямо перед собой. Внезапно Василий опустил стекло и крикнул мне:

— А ну, постойте...

Я остановилась.

— Вы дали читать Конан Дойла Холмогорову? — спросил Василий, глядя куда-то поверх моей головы.— Интересная книга?

— Да,— сказала я.— Это очень интересная книга.

Василий засмеялся. Мне редко приходилось видеть его смеющимся, большей частью он выглядел хмурым, высокомерным. А тут засмеялся, причем чувствовалось, что смеется непритворно, от души. До сих пор, хотя с той поры прошло столько лет, видится мне его лицо, озаренное смехом, блестящие зубы, почему-то казалось, у него чересчур много зубов, сощуренные глаза, неглубокая ямочка на щеке.

— Боюсь,— сказал он, отсмеявшись.— Боюсь, что вам не скоро придется снова увидеть эту вашу очень интересную книгу...

Сердце мое сжалось. Какое-то неясное предчувствие охватило меня.

Предчувствию этому суждено было сбыться. Вечером я пошла к Никитским в аптеку купить для мамы лекарства и встретила там Вячеслава Витальевича.

Мы вместе прошли на Тверской бульвар, к памятнику Тимирязеву.

Внезапно он спросил меня тихо:

— У вас, кажется, учился Юра Холмогоров?

— Да,— сказала я.— Один из лучших наших учеников. Только почему вы говорите о нем в прошедшем времени?

— Больше он не будет ходить в школу.

— Почему?

Вячеслав Витальевич прошептал мне на ухо:

— Вчера стало известно, что отец его...

Он сделал характерный жест, популярный в те годы, перекрестил пальцы обеих рук.

— Боже мой,— воскликнула я не сдержавшись.— Боже мой, ведь отец только что вернулся из Парижа! Юра так ждал его...

— И вот, как видите, дождался,— с неподдельной горечью заметил Вячеслав Витальевич.

Я была ошеломлена. Стало быть, Юриного отца забрали? Должно быть, недаром он показался Юре странным, непохожим на себя. Наверное, неспроста его вызвали из Парижа, и он со дня на день ждал ареста...

На следующий день меня потребовал к себе директор школы.

— Значит, так,— деловито и мрачно начал он.— Полагаю, ваша работа в нашей школе пришла к своему логическому завершению.

Он бегло глянул на меня и тут же отвел глаза в сторону, но я не смотрела на него. Выгоняют? Что ж, пусть будет так...

— Потрудитесь оформить свой уход так, как полагается.

— Хорошо,— сказала я.

Он еще раз обратил свой взгляд на меня, на этот раз более продолжительный.

— Я же вас предупреждал,— тихо, почти вкрадчиво начал он,— держаться с учащимися как можно более официально, только так, как надлежит держаться педагогу со своими учениками. Но вы не послушались меня...

Я молчала по-прежнему.

— Это же надо только представить, чтобы учительница организовала со своими учениками некий обменный пункт!

Я до боли закусила губу, чтобы не крикнуть.

Он произнес точно те же слова, что и Василий.

Все стало ясным. Словно яркая вспышка магния разом осветила темноту.

Я повернулась к дверям, а он крикнул мне вдогонку:

— Классный журнал не забудьте оставить в учительской...

* * *

Незадолго до войны я встретила на улице Тимура. Он, как мне показалось, вырос, возмужал. Ему очень шла летная форма, он окончил летное училище, стал летчиком.

— Выходит, сбылась мечта,— сказала я.

Он кивнул, улыбнулся.

— Сбылась, конечно...

Они все стали летчиками. Все те, кто учился тогда в «моем» классе. Все, кроме Юры Холмогорова. Я спросила Тимура, не слыхал ли он чего-либо о Юре. Яркие глаза его мгновенно потускнели.

— Нет, ничего...

Нахмурив брови, Тимур задумался.

— Юра тоже мечтал стать летчиком, как и я...

Больше мы с Тимуром не встретились, и только позднее, уже в войну, в начале 1942 года, я прочитала в газетах о подвиге молодого летчика Тимура Фрунзе, награжденного посмертно званием Героя Советского Союза.

Мне вспомнилось тогда, как мы менялись книгами с ним и Юрой Холмогоровым, вспомнились невеселые дни моей работы в спецшколе, и снова сквозь годы я услышала голос Тимура:

«Мечтаю стать летчиком! По-моему, нет большего счастья, чем летать в небе...»

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ — АЛЬТЕРНАТИВА КОМАНДНОМУ СТИЛЮ

Как можно помочь предприятию, оказавшемуся в прорыве?
Ответ привычен и немудрен — подкорректировать план, помочь с ресурсами — глядишь, и вытянут...
— Пойти по этому пути — значит заведомо проиграть! Нужно искать другие выходы,—
говорит президент американской национальной Ассоциации по качеству и участию профессор Джон Симмонс, недавно побывавший в СССР по приглашению Института США и Канады АН СССР.

— Считаю, что сегодня советская экономика пытается преодолеть затянувшийся кризис. Чтобы в этом преуспеть, мало одного желания, даже если оно исходит и снизу, и сверху. Необходимо выработать новый экономический механизм. Нужно найти в себе смелость признать, что до сих пор шли по неправильному пути, а следовательно, попытаться отыскать иную дорогу. Мне показалось, что многие в вашей стране это понимают.

— Вы говорите о наших трудностях, как о своих...

— Находясь в Советском Союзе, я убедился: здесь сегодня взялись за решение проблем, над которыми в США бьются уже более десяти лет. Поиском новых путей в развитии экономики как раз и занимается наша Ассоциация. В деловых кругах Америки она широко известна, достаточно сказать, что в число 6000 участников входят всемирно известные компании, такие, как «Форд», «Дженерал моторс», «Ай Би Эм».

Сейчас в СССР у всех на устах слово «демократизация». Мне показалось, пока это понятие применяется лишь к общественной жизни. Если кто-то заговорил о демократизации, то тут же всплывает и слово «гласность». Наша же Ассоциация занимается проблемой демократизации в экономике, где, как известно, нужно меньше говорить и больше делать.

— Но ведь несомненным проявлением демократизации в экономической жизни можно считать принятие Закона о трудовых коллективах...

— Вы правы, но создать и утвердить закон значительно легче, чем заставить его активно работать. Как я понял, одной из проблем сейчас является умение применить Закон о трудовых коллективах и Закон о государственном предприятии. И мне это понятно. Уже 15 лет мы в США осуществляем программу «Демократизация на рабочих местах». В чем она заключается? Если в двух словах — это попытка создания механизма, при котором за счет расширения прав трудовых коллективов и каждого отдельного рабочего возросла бы их ответственность за выполняемую работу. Разве не на это нацеливается сейчас и вы? Процесс, как видите, очень сложный. Пятнадцать лет, а результаты... Судите сами: 84 процента занятых в производстве американцев выступают за нашу программу. А реально занимается ее осуществлением лишь каждая десятая компания, хотя уже неоднократно подтверждалась экономическая эффективность программы. Задача Ассоциации — выравнять эти два показателя, естественно, за счет второго.

— Пятнадцать лет — срок немалый. Мы же пытаемся говорить о конкретных результатах спустя три года. И порой, прямо скажем, результаты не радуют. Расскажите о своем опыте.

— Сразу скажу: мне показалось, что наши выводы полностью применимы и к вашей ситуации. Первое. Насколько я знаю, теперь в СССР подвергается острой критике командный стиль руководства, когда все решения спускаются сверху. Как известно, чтобы выпрямить стальной прут, его нужно несколько перегнуть в другую сторону. Вот и мне показалось, что сегодня ошибочно начинают переоценивать самостоятельную роль нижнего производственного звена, то есть бригад.

— Вы считаете, это одна из причин, почему подчас бригадный подряд и хозрасчет оказываются у нас неэффективными?

— Думаю, преувеличение роли бригад — один из факторов их неэффективности. Процесс демократизации на производстве — это процесс коллективный, в котором должны быть заинтересованы все — и верхнее, и среднее, и нижнее звенья. Второе. Мы много говорим о том, как хорошо или, наоборот, как плохо работают, с одной стороны, управляющие компаниями, директора заводов, с другой — рабочие. Но существует и среднее звено, так называемые средние руководители. У нас они в основном находятся на производстве, так как 94 процента компаний — частные и не подчиняются министерствам, штат которых невелик. Это экономисты, начальники производств, бухгалтеры... У вас, помимо этого, существует, если я не ошибаюсь, армия «аппаратчиков», составляющих штаты министерств, ведомств, контор. Вот о ком следует особо поговорить. Чаще всего они являются главными противниками демократизации. Это неудивительно. Когда права рабочих расширяются, когда бригады берут на себя дополнительные обязанности и начинают самостоятельно, напрямую выходить на поставщиков и на покупателей, под «аппаратчиками» трещат кресла. На словах-то они все обеими руками за демократизацию, а на деле всячески пытаются ей воспрепятствовать. Одна из типичных отговорок — мы уже все знаем и учиться управлять по-новому нам не нужно. А рабочим якобы некогда доучиваться, у них и так хватает дел. Конечно, сочетать учебу и работу нелегко. Но сегодня необходимо понять, что без экономической учебы на всех уровнях движение вперед невозможно.

Правда, я знаю, что в СССР намечены серьезные меры как по совершенствованию экономической учебы, так и по сокращению чрезвычайно раздутого штата министерств.

— Да. Но хочу поделиться с вами и одним из самых распространенных сейчас в Москве анекдотов. На ветвистом дереве сидит огромная стая ворон. Подходит к дереву мужик с двустволкой, прицеливается и стреляет в стаю. В небо с жутким карканьем поднимается и начинает кружить воронье облако, ну, а дерево, естественно, пустеет. Мужик кладет ружье на плечо, разворачивается и уходит. Через несколько десятков шагов он снова поворачивается к дереву и видит такую картину: небо опять чистехонько, а дерево снова сплошь покрыто воронами. Разница лишь в том, что каждая отдельная ворона сидит на другой ветке, не на той, на какой сидела сначала. Так сказать, потревожили.

— А у нас говорят так: «Что делать — можно выяснить за одну минуту. А над вопросом «Как делать?» приходится биться десятилетия». Очевидно, ваш анекдот и об этом. Но вернемся к экономической учебе. Если умело и грамотно организовать учебный процесс, он обязательно принесет доход. Например, компания «Дэнсон Корпорэйшн», выпускающая канцелярскую продукцию, с каждого доллара, потраченного на повышение образовательного уровня рабочих, имеет два доллара прибыли. А в компании по производству фототехники «Поляроид» кружок по качеству существует в каждой бригаде. Он собирается раз в неделю, естественно, во внерабочее время и рассматривает предложения рабочих по совершенствованию производственного процесса. Рационализаторские предложения оплачиваются по конечному результату. Вся бригада финансово заинтересована в экономии. Таким образом, наш третий вывод заключается в следующем: на производстве необходимо создать такую систему экономической учебы, чтобы рабочие были в ней заинтересованы, чтобы она стимулировала их трудовую активность. И это относится не только к производственной сфере. Скажем, отдел по налогам штата Массачусетс (две тысячи сотрудников) собрал на 500 миллионов долларов больше среднегодового показателя. Это произошло за счет повышения личной заинтересованности служащих. Благодаря повышению их активности резко снизилось число лиц, уклоняющихся от уплаты налогов. Итак, четвертый вывод заключается в том, что демократизация на рабочих местах эффективна и на малых, и на больших предприятиях, и в промышленности, и в банках, и в больницах, и в школах, и в магазинах...

— Ну хорошо, допустим, что делать — выяснили. Перейдем к самому сложному: как делать?

— Естественно, мы живем в разных политических и экономических системах. Советы давать трудно, но все же... Важно не только иметь дельные предложения, но и настроить рабочих на самостоятельный поиск новых путей развития, хотя бы с перспективой в два-три шага. Тут очень важна материальная заинтересованность. Но ее также не следует переоценивать. Пример «боления» за интересы фирмы показывают японцы. У них есть чему поучиться.

Хороший американский пример: руководство компании «Дженерал моторс» обратилось к бригадам, работающим на конвейере, с предложением — пусть сами рабочие решат, что необходимо сделать для увеличения производительности труда. Бригады придумали следующее: установить вдоль всего конвейера через каждые двадцать метров телефоны для того, чтобы каждый рабочий мог самостоятельно, минуя начальство, связываться с поставщиками деталей. Ответственность так ответственность. Что же вы думаете? Если раньше сроки замены бракованных деталей составляли 2—3 недели, то теперь после утреннего телефонного звонка замена брака приходит к обеду. При этом высвободилась передаточная инстанция, часть этих самых «средних руководителей». Вообще мы считаем, что хорошо организованная бригада может дать от трех до пяти серьезных рационализаторских предложений в год. Представляете, каждая! Да в масштабах всей страны! Это реально.

— Каковы ваши впечатления от хода перестройки в СССР? Насколько соответствует то, что вы слышали о ней до поездки, всему увиденному и услышанному здесь?

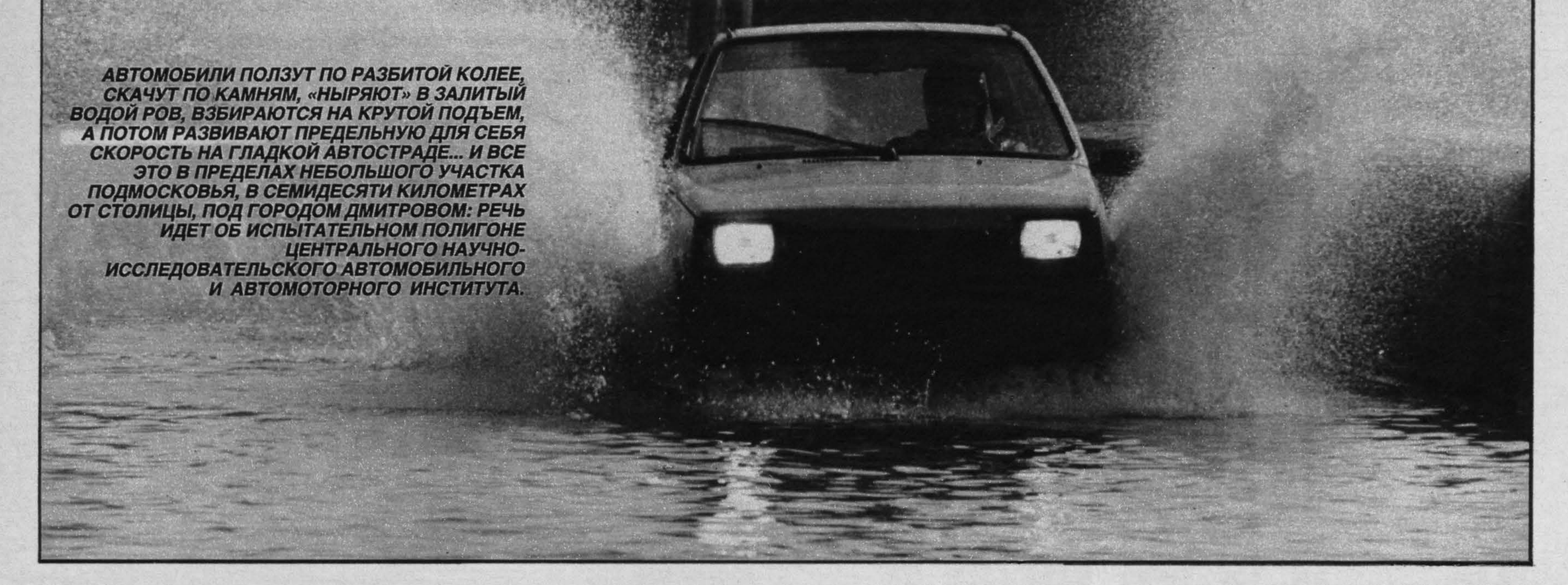
— Грандиозно... Честно говоря, когда я, человек дела, употребляю подобные слова, то мне самому несколько неловко. Мне сейчас трудно что-либо сказать о минусах, потому что слишком много появилось плюсов. Я ведь еще в студенческие годы с интересом читал Маркса, Ленина. И сейчас, когда в СССР большие политики пытаются на деле руководствоваться ленинской теорией социализма, я заново открываю Ленина. Принятие Закона о трудовых коллективах и Закона о государственном предприятии свидетельствует о том, как решительно настроено ваше руководство на обновление, оздоровление экономики. Может показаться странным, но у нас в США этого как раз и не хватает. Если бы Рейган уделял столько внимания экономике, сколько уделяет ей Горбачев, я уверен, США смогли бы добиться в этой области значительно большего, чем они имеют сегодня.

У меня есть предложение — осуществить обмен опытом передовых директоров. У вас, очевидно, в эту группу могли бы войти руководители РАФа, объединения в Сумах, автокомплекса в Тольятти... Хотелось бы, чтобы и Кабаидзе приехал. По публикации «Огонька» он меня очень заинтересовал, жаль, не удалось встретиться лично. Подойти к этому нужно со всей серьезностью. Когда группа американских директоров отправлялась для обмена опытом в Японию, неделю она провела в отеле. Оторванные от повседневных дел и от своих семей, люди занимались исключительно вопросами предстоящей командировки. Все, что можно было узнать до отъезда, они узнали. А по возвращении — еще неделя «в изоляции», потраченная на обобщение опыта. 90 процентов того, что увидели, оказалось неприемлемым, но зато остальное немедленно нашло использование в производстве. Так нужно отнестись и к предлагаемому мной обмену. Иначе подлинный успех невозможен. А конкретные результаты обобщить сообща и опубликовать на страницах «Огонька» и одного из американских журналов.

— Приятно заканчивать полезный разговор, договариваясь о новой встрече...

— Надеюсь, слишком долго ждать не придется.

Беседу вел Михаил МАМАЕВ.



АВТОМОБИЛЬ В ТРУБЕ

Борис СМИРНОВ

За два с лишним десятка лет существования полигона о нем рассказано в прессе так много, что еще раз перечислять все его замечательные достоинства нет уже никакой необходимости. Стоит лишь добавить, что автомобили испытываются здесь не только в дорожных условиях: есть масса всевозможных стендов, приборов и установок, которые рассказывают о характере и повадках исследуемого автомобиля больше и полнее, чем самые умудренные опытом, самые пропыленные дорожной экзотикой водители-испытатели. И вот не так давно на полигоне появился новый интересный объект — аэродинамическая труба.

До сих пор, как известно, у нас в стране «продувались» только макеты — в основном самолетов и космических аппаратов; теперь очередь дошла и до машин — уже не макетов, а реальных легковушек, автобусов, грузовиков. Таким объемным, дорогостоящим объектом располагает далеко не каждая из известных автомобильных фирм мира, и созданная под Дмитровом труба по своим параметрам заняла сейчас одно из первых мест в международной иерархии подобных объектов.

...Придирчивый читатель, наверное, тут же поспешит задать вопрос: «А зачем нам нужна такая дорогая игрушка? Ведь раньше и без нее обходились. Вон сколько машин понастроили, и ничего! И вообще, что там исследовать, ведь наши конструкторы и так «сдирают» свои автомобили с зарубежных моделей, пусть бы уже копировали полностью — и лучше, и дешевле выйдет...»

Упреки эти, на чей-то взгляд безграмотные, все же содержат долю истины. А истина в том, что страна, давшая миру Ломоносова, Черепановых, Ползунова, Кулибина, отстала от других стран в развитии своей автомобильной промышленности еще с прошлого века — с самого рождения автомобиля. И отстает, к сожалению, до сих пор. И не догонит, пока не создаст своей совершенной техники — прежде всего испытательной. Это лишь кажется, что стоит нам только поднапрячься, и мы вот так, топором на коленке, создадим самый новый, самый лучший в мире автомобиль. Между прочим, в Японии, которая стала теперь в этом деле бесспорным законодателем моды, за считанные годы построено... семнадцать разнообразных аэродинамических труб! Тот же Форд стал «продувать» свои модели еще в тридцатых годах; дальновидные инженеры этого магната уже тогда понимали, что экономичность, безопасность, комфортабельность автомобиля, как и самолета, немыслимы без учета аэродинамических характеристик, и здесь нельзя не вспомнить без досады, что аэродинамика, как наука, родилась и оформилась тоже у нас, в России, что прототип аэродинамической трубы К. Э. Циолковский создал еще в 1897 году... Эх, да что говорить, сколько исторических шансов мы упустили! И во многом «благодаря» таким вот разговорчикам: «Да на кой нам все это...»

Ну, хорошо, построили мы наконец эту трубу, а почему же два года о ней почти ничего не слышно?

— Потому что на трубе до сих пор продолжаются наладочные работы,— объясняет заведующий отделом аэродинамических исследований Р. Г. Галустян.

Нет, нет, не ждите разоблачительного материала о неумелых строителях и испытателях! Дело не в этом (хотя упущения, конечно, были, но не о них сейчас речь).

Мы стоим с Рудольфом Гургеновичем у внушительного, размером с самолетный ангар, здания, и ничего «трубного» при всем желании я в нем не нахожу: коробка и коробка, сплошные стены, ряд окон понизу... Галустян тоже смотрит на здание, но во взгляде его почти отцовская нежность.

— В сентябре восемьдесят третьего мы здесь рубили лес... А в восемьдесят шестом сдавали объект комиссии. Сейчас идет наладка оборудования, скоро закончим метрологическую аттестацию трубы... Что, вы считаете — долго? Да что вы! Знаете, какой нормальный срок принят во всем мире для ввода в эксплуатацию подобной установки? Лет десять! А мы управляемся за четыре года! И многие специалисты, которые приезжают к нам из весьма развитых стран, едва не падают в обморок: как, у советских есть теперь такая великолепная труба! Мы уже заключаем ряд договоров на совместные испытания, в том числе и с иностранцами... Нет, я не хвалюсь, но вы не забывайте — у нас в стране давно существует прекрасная школа создания аэродинамических сооружений! Правда, авиационных, но теперь — и автомобильных. Приезжали сюда наши авиационные специалисты из ЦАГИ — они нам во всем помогали... Вы понимаете, аэродинамическая труба — это тончайший, точнейший инструмент для измерения того, что мы называем техническим рационализмом, оптимальной выгодой. И даже красотой! Иначе, кто может сказать, какая форма, предположим, лобового стекла нужна вот этой конкретной модели автомобиля? Художники говорят одно, конструкторы — другое, технологи — третье... Только продувка в трубе даст точный ответ! А это значит не поиск вслепую, а научный расчет, экономия времени, сил, материалов, топлива — вы не представляете, сколько топлива у нас расходуется впустую! Вот вспомните: на крышах различных автомобилей есть желобки для стока воды. За границей от них многие фирмы давно отказались: продувка показывает — создают большое сопротивление, без них экономятся литры бензина! И таких «мелочей» набирается многие сотни. С другой стороны, возьмем вопросы экологии: помните, вдоль дорог укреплены защитные брусья? Продувка этих конструкций показывает, что, если придать им нужную форму, они будут отражать и удерживать в зоне шоссе огромное количество вредных отходов работы двигателя автомобиля, которые сейчас ветром разносятся по полям, оседают на растениях и попадают в пищу... Словом, этот инструмент,— Рудольф Гургенович простер руку к зданию,— позволит нам сделать качественно новый шаг во всем автомобилестроении. Это наше будущее! Ну, я считаю,— улыбнулся он,— теперь вы подготовлены к тому, чтобы увидеть нашу трубу своими глазами.

...Мы вышли из помещения через несколько часов, и я уже смотрел на эту серую громадину если не с отцовской нежностью, как Рудольф Гургенович, то с восторгом ученика. В одном лишь не повезло: в тот день продолжалась очередная наладка аппаратуры, и мне не удалось застать трубу «в действии». Увидеть подготовку к пуску, которая, судя по всему, напоминает подготовку к взрыву в карьере: так же объявляется готовность, мигают лампы сигнализации, гудят сирены — ведь остаться в зоне искусственного урагана, ревущего в рабочей части трубы, ничуть не лучше, чем попасть в зону взрыва! Жаль, не удалось увидеть, как вползает в рабочую часть многотонный грузовик или автобус; как за ним захлопывается «калитка» в двадцать восемь тонн — иначе говоря, целая стена; как скачут по экранам дисплеев шеренги цифр, накапливая информацию о невидимых стихиях, бушующих над крышей, под днищем, в каждой щелочке сотрясаемого воздухом автомобиля...

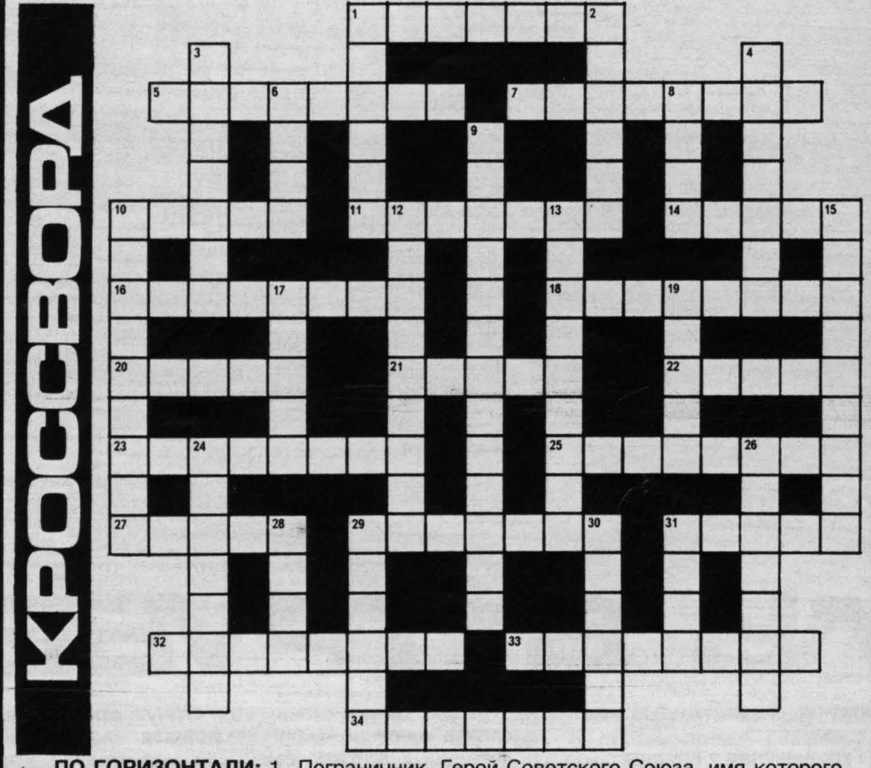
Считалось, что установка такой мощности будет производить значительный шум, и потому весь комплекс разместили в лесистой низине, подальше от других строений. Но вентиляторный агрегат, изготовленный по нашему заказу английской фирмой, был установлен нашими монтажниками так точно, что его деревянные лопасти, вращаясь с максимальной скоростью, создают — даже в пределах строения — шума не больше, чем работающий двигатель легкового автомобиля (говоря языком техники, 86 децибелов). Специалисты по аэродинамике делают вывод — удачно подобраны характеристики; конструкторы говорят — грамотно выстроен проект, найдены оригинальные решения; а сами «трубачи» считают — не зря эти годы все работали так, как только могли, да еще и после рабочего дня прихватывали! Для «трубы» выполняли заказы предприятия двенадцати союзных министерств... Это стало в конце концов делом чести, вопросом престижа: «Неужели мы не сможем?»

Да, мне не повезло, я попал сюда не в «трубное время» и не имел возможности убедиться, насколько дело соответствует слову. Хотя, если не считать внешних эффектов, только специалист в состоянии оценить точность работы огромного комплекса по итоговым колонкам цифр; это для непосвященного так же невозможно, как для человеческого глаза — увидеть оптическую ось трубы, которая здесь за восемьдесят метров отклоняется на миллиметры,— все равно, что попадает в мишень размером с гривенник! Кстати, о монетах: если бросить пятак на аэродинамические весы, регистрирующие колебания автомобиля,— весы среагируют! Только те, кто настраивал этот огромный механизм, знают, чего стоило добиться такой чувствительности...

И еще жаль, конечно, что обстоятельства не позволили мне понаблюдать за работой сотрудников Галустяна — тех симпатичных молодых людей, которые вместе с ним пришли сюда в первые дни начала строительства. Тогда у не существующей пока установки их было двенадцать человек — испытателей, ученых-исследователей, рабочих. Сейчас у готовой к эксплуатации аэродинамической трубы обслуживающего персонала стало в 5—6 раз больше, но Рудольф Гургенович осторожно просит меня воздержаться от комментариев этого факта: он пока не уверен — хорошо это или плохо в условиях хозрасчета и сколько именно человек должно работать здесь... Он, руководитель отдела, очень хочет, чтобы на уникальной установке с самого начала все было по-новому, по-умному, рационально и толково. Ведь живет, наверное, в каждом человеке желание когда-то собрать все хорошее, что накопилось за прожитые годы в себе самом — опыт, знания, душевные силы,— и воплотить это в каком-то новом деле, отдавая ему всего себя и чувствуя рядом локоть таких же, как сам, стремящихся начать все с чистого листа. Мне показалось — труба стала для Галустяна и его сотрудников именно таким объектом. И хотя, конечно, не обходится здесь без шуточек, что «наше дело — труба», но и так говорят, причем вполне серьезно: «Наша перестройка началась еще пять лет назад».

...Теперь будем ждать, когда и наши автомобили, продутые ветрами технических перемен, выйдут «из трубы» прекрасными и обновленными.

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Пограничник, Герой Советского Союза, имя которого носит одна из застав. 5. Государство на востоке Африки. 7. Бас, народный артист СССР, выступающий в Ленинградском Театре оперы и балета. 10. Напорный трубопровод, сооружаемый на пересечении реки, канала. 11. Великий русский писатель. 14. Единица языка. 16. Повесть А. С. Пушкина. 18. Опера Д. Верди. 20. Музыкальный лад. 21. Полярная лисица. 22. Фигура пилотажа. 23. Прозрачная наружная оболочка глаза. 25. Персонаж романа И. С. Тургенева «Новь». 27. Подразделение военнослужащих для несения караульной или гарнизонной службы. 29. Изделия из хрусталя. 31. Прозрачная хлопчатобумажная ткань. 32. Коллектив певцов, музыкантов. 33. Разведчик, Герой Советского Союза. 34. Самый большой остров в Средиземном море.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мясное блюдо. 2. Химический элемент, металл. 3. Уход за пальцами рук. 4. Кабина аэростата. 6. Дикий лесной бык. 8. Яровой злак. 9. Русский химик-органик XIX века. 10. Произведение Д. Боккаччо. 12. Спортивные соревнования, смотр, конкурс. 13. Точка пересечения трех высот треугольника. 15. Река на юге Африки. 17. Народный артист СССР, выступавший в Малом театре. 19. Воинское подразделение. 24. Занавеска. 26. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 28. Зодиакальное созвездие. 29. Французский писатель, иностранный почетный член Академии наук СССР. 30. Река на северо-востоке Якутии. 31. Симфоническая фантазия А. К. Глазунова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

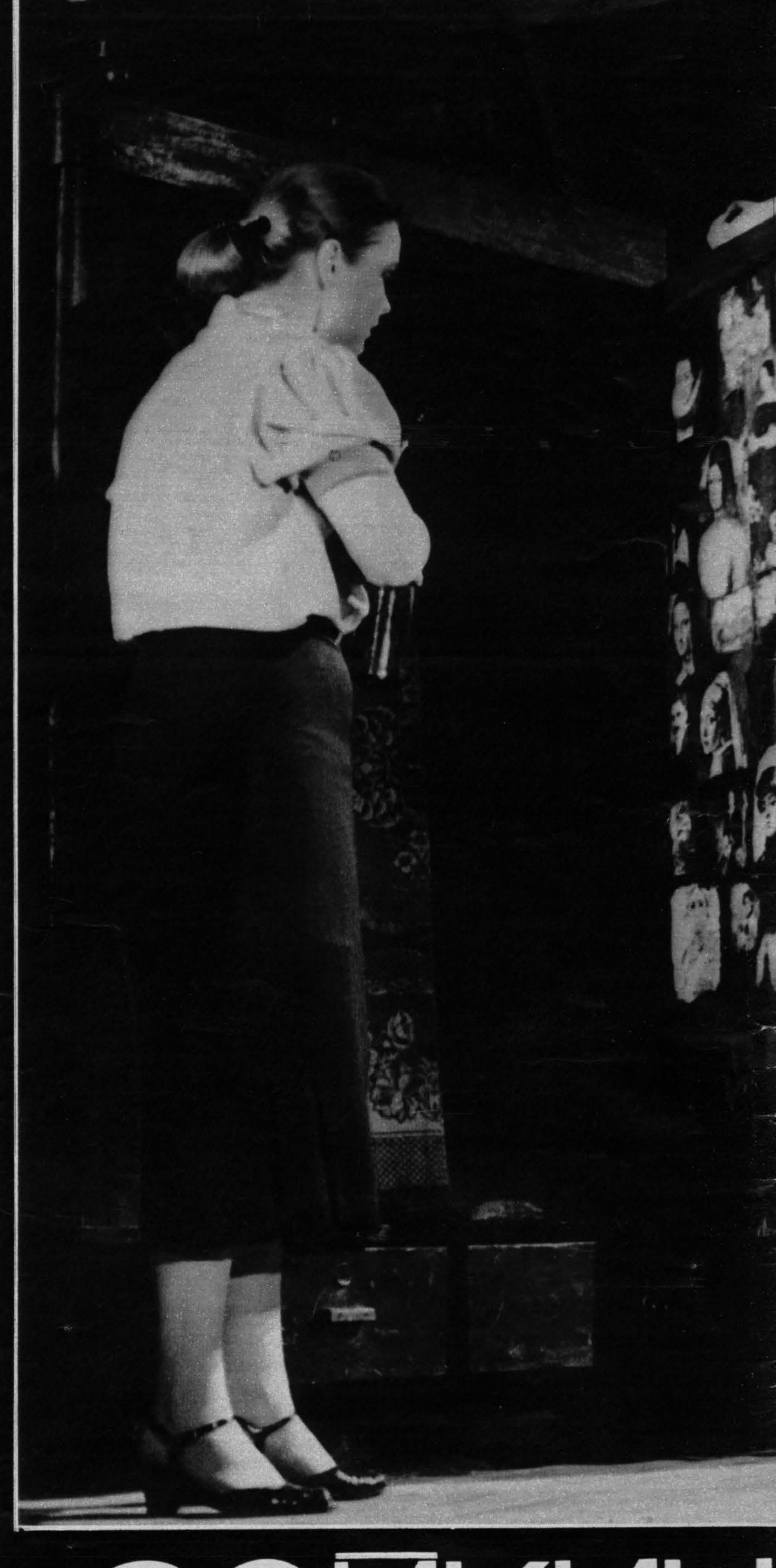
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Экспозиция. 10. Болотников. 12. Альбедо. 13. Усадьба. 14. Шварц. 15. Николаи. 18. Ванадий. 23. Водолей. 24. Самостоятельность. 27. Автокод. 28. Пикколо. 31. Вайнерт. 34. Олеум. 36. Экскурс. 37. Тасеева. 38. Гимнастика. 39. Демократия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Школьница. 2. Толедо. 3. Витоша. 4. Финиш. 5. «Гонец». 6. Полуда. 7. Ангара. 8. Комбайнер. 11. Станкостроитель. 16. Кустарник. 17. Лексозеро. 19. Навроцкий. 20. Двоеточие. 21. Подошва. 22. Берлиоз. 25. Инспекция. 26. Наставник. 29. Каунас. 30. Лесото. 32. Астров. 33. Насыри. 34. Оникс. 35. Музей.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Владимира СВИРИДОВА





ЗОЙКИН



А КВАРТИРА

Кажется, необъяснимы законы, по которым возвращается на нашу сцену Булгаков. «Зойкина квартира» была напечатана в альманахе «Современная драматургия» еще в 1982 году. Но московской премьеры пьеса дождалась только в конце 1987 года. Как дипломный спектакль театрального училища имени Щукина (курс профессора А. А. Казанской) ее поставил Г. Черняховский.

Пьеса эта, думается, не случайно отпугивала режиссеров. При всем заманчивом блеске ее диалогов, характеров это очень и очень неоднозначное, сложное по своей природе произведение. «Зойкина квартира» — модель жизни части русского общества в двадцатые годы.

Время действия — нэп.

Жанр действия — «трагический фарс».

Черняховский поставил свой спектакль о людях, у которых нет права на защиту. Об эмигрантах внутренних. Не только потому, что эти люди не способны принять установившийся в стране режим, но прежде всего потому, что режим не может принять их.

Нет, никаких антисоветских действий герои «Зойкиной квартиры» не совершают. Они образовали свой мир, свой «остров» и существуют в нем в постоянном страхе. Ощущение этого страха, неизбежной гибели квартиры (которая, конечно же, наступает) все время присутствует в спектакле. Перед нами люди, которые просто «не участвуют». Но это неучастие — уже преступление. «Кто не с нами, тот против нас». Вражеская акция — именно так общество двадцатых расценивало нежелание всем сердцем принять идеи нового пролетарского государства. Существовать в этом новом государстве полноценно можно было лишь при одном условии — принимая. Герои пьесы ничего не совершают против власти, но власть их преследует. В сущности, общество создало для них безвыходную ситуацию: иллюзорно они свободны, на самом же деле находятся в заключении.

«Край мы покинем, где так страдали»,— все время повторяет ангельский голос (И. Климова) мелодию Верди, и она становится лейтмотивом спектакля...

Но покинуть его они не могут и, сделав свой выбор, начинают жить в России так, словно уехали из нее. Закрываются от окружающей действительности в Зойкиной квартире. Становятся эмигрантами «в квадрате». Но такая жизнь противоестественна вдвойне, она разлагает. Зойка (замечательная работа А. Венедиктовой) под видом мастерской для шитья прозодежды становится содержательницей «веселого дома». Абольянинов (С. Перелыгин) в наркотическом тумане аккомпанирует на рояле девицам-«манекенщицам»...

Эта мысль спектакля — о трагичности существования вне общества, о разложении подобным способом жизни — очень интересно преломляется, усиливается через эмигрантов-китайцев (это прекрасные работы А. Фомина и О. Эмирова). Гандзалин совершает донос. Херувим, добывая деньги на возвращение в Шанхай,— самое страшное преступление в пьесе — убийство. Думаешь о том, что не случайно автором выбраны представители народа, славившегося своими высокими этическими, моральными нормами...

...Символично, что «Зойкина квартира» вернулась именно на вахтанговские подмостки, где в 1926 году спектакль был поставлен А. Д. Поповым, а через некоторое время снят с репертуара.

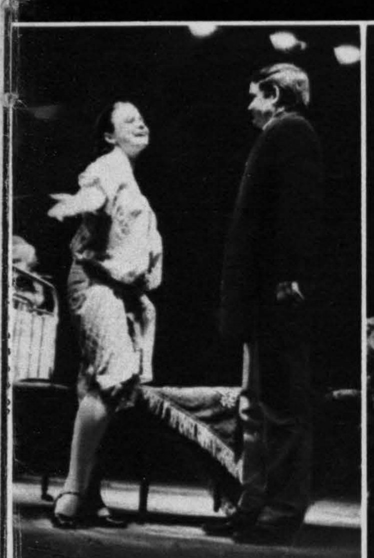
В постановке А. Д. Попова главной была именно сатирически уничтожающая интонация. Режиссер требовал: «Каждый актер должен быть художником-прокурором для своего образа». Психологизм Булгакова сопротивлялся, звучание пьесы менялось. Булгаков писал: «А героине, Зойке, нос наклеили... Зачем? Она гораздо лучше без носа. Я в крайне раздраженном состоянии». Можно сказать, что Черняховский восстанавливает авторскую справедливость. Он показывает спектакль не о монстрах, а о людях. Обычных людях с их страданиями, их проблемами...

И все равно на этом спектакле испытываешь чувство настоящего театрального праздника. Прекрасен Булгаков, и радостна встреча с ним. Восхищает Черняховский остроумной фантазией, умными и точными режиссерскими решениями. А как хороши актеры — студенты-дипломники. Сколько в них молодости, искренности, таланта! Трудно забыть блистательного проходимца Аметистова в исполнении И. Лагутина, Гуся — С. Харлова. Все участники спектакля работают замечательно, с удивительным ощущением единства ансамбля.

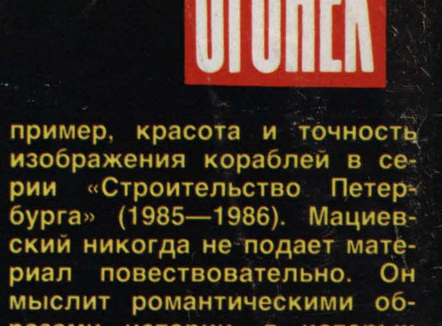
...Так что спешите посмотреть, пока выпуск в Щукинском еще не состоялся...

Мария ДЕМЕНТЬЕВА.

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА







пример, красота и точность изображения кораблей в серии «Строительство Петербурга» (1985—1986). Мациевский никогда не подает материал повествовательно. Он мыслит романтическими образами истории, в которых отражаются проблемы времени, его пафос и драматизм.

М. ШАШКИНА

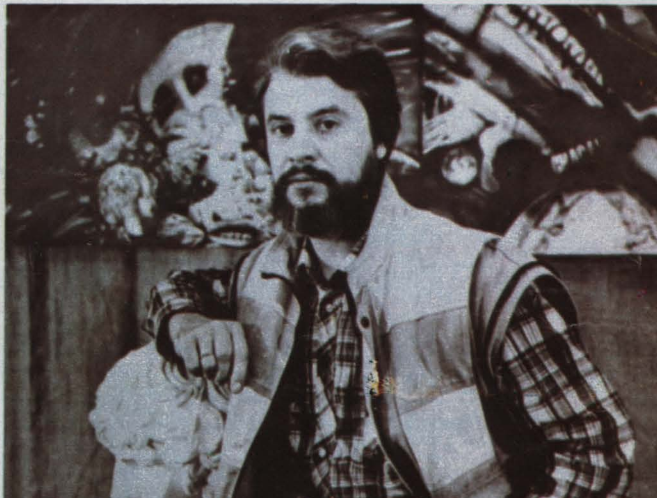
Сохранить памятники культуры. 1987.

Механический музыкант. 1984.

Фантастический натюрморт. 1986.

Главная творческая задача, которую ставит перед собой московский график Евгений Мациевский,— возрождение забытых традиций русской и зарубежной гравюры XVII—XVIII веков. Его композициям не свойственны камерность, интимность, которые господствуют в отечественной графике на протяжении последних лет. Наброску и эскизу Мациевский противопоставляет монументальное произведение, поднимающее и раскрывающее масштабную тему.

Его произведения отличают безупречное знание эпохи, ее предметного мира, архитектуры, костюма. Восхищают, на-



ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663



